

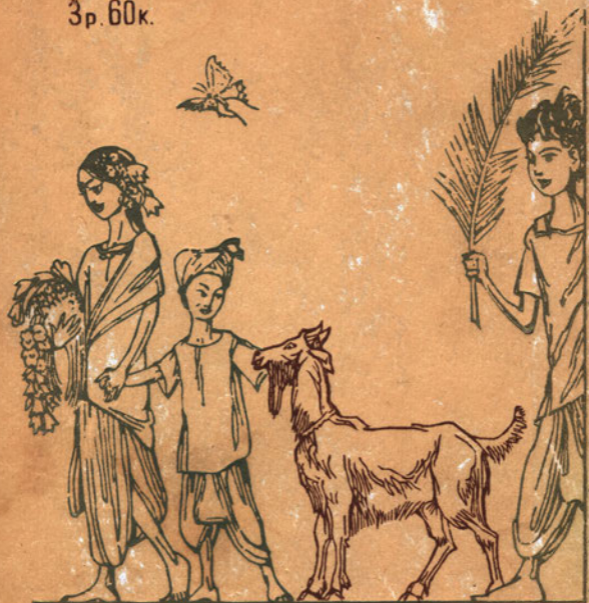

Дети Индии

детгиз

1.9.5.9

3р.60к.

ДЕТИ ИНДИИ

РАССКАЗЫ ИНДИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1959

Переводы с хинди
под редакцией
Э. Боровика

Составитель
В Чернышев

Рисунки
Л. Фейнберга

*

Для среднего и старшего возраста

ДЕТИ ИНДИИ

Рассказы индийских писателей

Ответственный редактор *С. К. Беркман*. Художественный редактор
Г. С. Вебер. Технический редактор *С. К. Пушкова*. Корректор
Т. П. Лейзерович

Сдано в набор 27/VIII 1959 г. Подписано к печати 28/XI 1959 г. Формат
84 × 108^{1/32} — 5,56 печ. л. = 9,14 усл. печ. л. (8,34 + 1 вкл. = 8,39 уч.-
изд. л.). Тираж 30 000 экз. Ш10686. Цена 3 р. 60 к.
Детгиз, Москва, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика детской книги Детгиза. Москва, Сушевский вал, 49. Заказ № 2482

ПРЕДИСЛОВИЕ

Около тридцати лет назад в один из московских пионерских отрядов приехал великий индийский писатель Рабиндранат Тагор.

Пионеры с любопытством смотрели на редкого гостя. У старого поэта было смуглое лицо, снежная седина и вдохновенные глаза, и ребятам он казался мудрым сказочником из далеких краев.

Тагор с огромным интересом расспрашивал своих юных собеседников о той удивительной жизни, которую он увидел в Советской стране. С радостью слушал писатель, как свободно рассуждают эти маленькие граждане с красными галстуками. А они, почувствовав в нем друга, сердце которого полно искренней доброжелательности, наперебой рассказывали ему о своих пионерских делах.

«Передо мной, — писал впоследствии Тагор, — были лица детей, совершенно свободные от какой-либо подавленности или униженности... Ум их целенаправлен, впереди у них широкое поле деятельности, и они всегда полны энергии».

Но, думая о жизни детей свободной страны, Тагор, истинный патриот, невольно сравнивал ее с жизнью детей Индии. И этим детям писатель посвятил многие свои рассказы.

Тагор писал на бенгальском языке. Писатели, создававшие свои произведения на языке хинди — одном из самых распространенных в Индии, — тоже часто посвящали свое творчество судьбе индийских детей, в которых они видели надежду и будущее своей страны.

Характерно при этом, что формой своих произведений они, как правило, избирают короткий рассказ, считая его наиболее доступным для народа, которого колонизаторы так долго лишали элементарной грамотности.

Писатель Ханс Кумар Тивари писал в статье «Массовая литература»: «Для современной Индии наиболее

полезной литературной формой является короткий рассказ, написанный в реалистической манере Чехова и Горького».

И действительно, рассказы, представленные в сборнике «Дети Индии», часто напоминают горьковские рассказы о детях старой России.

Большинство индийских писателей — авторов рассказов, которые вам предстоит прочесть, — прожили тяжелую жизнь. Читая их биографии, просто диву даешься, как удалось им, не запятнав, пронести через невзгоды и лишения чистоту чувств, веру в человека, сохранить дар своего яркого писательского воображения.

Вот, например, как проходила юность Прем Чанда, этого удивительного писателя и человека.

«На моих ногах не было обуви, одежда — вся в заплатках, — писал Прем Чанд. — Однако я все же поступил в колледж, так как директор освободил меня от платы за обучение... Приближались экзамены, а мне приходилось каждый день после занятий шагать через весь город, чтобы дать урок своему ученику.

Стояли холода. Я добирался туда к четырем часам, занимался с мальчиком до шести и шел в свою деревню. Пять миль — как ни спеши, но раньше восьми домой не попадешь, а ведь утром снова на учебу. Ночью готовишь себе еду, занимаешься при свете коптилки и все думаешь: где взять время для сна? Все же мужество не покидало меня».

Такая же юность была и у многих других писателей Индии. Но они выстояли и имели полное право повторить вслед за своим духовным отцом Прем Чандом: «Чем сильнее удары судьбы, тем тверже душа».

Может быть, именно поэтому рассказам индийских писателей свойствен истинный демократизм, в них чувствуется глубокий интерес к жизни народа и беспокойное стремление к счастью для своих соотечественников, в первую очередь — для детей Индии.

Индийские писатели горячо и убежденно верят в человека-труженика. В рассказе «Капли крови» простой крестьянин, который только что избивал беззащитного мальчика, раскаявшись в своей жестокости, возвращает ему свободу и перевязывает его рассеченную голову. Человек труда, как бы хочет сказать писатель, может озло-

биться, дойти до дикости — ведь он сам прошел через столькие мучения, — но в глубине его сердца всегда живет доброта к людям, и она неизбежно одержит победу над жестокостью.

Когда-то Горький указывал, что «больших русских писателей объединяло одно упорное стремление — понять, почувствовать, догадаться о будущем страны, о судьбе ее народа, о ее роли на земле».

Этим же словами можно было бы охарактеризовать творчество лучших индийских писателей.

Да, тяжело жилось детям Индии. Но, создавая реалистические картины их жизни, индийские писатели не только печально повествуют о бедах своих юных соотечественников.

Руку помощи протягивают детям и старый точильщик из рассказа Джайшанкара Прасада, и конторщик Шайваль, и продавец игрушек, который, потеряв своих детей, обретает счастье в общении с чужими детьми.

А в гуще народа уже в те годы росли будущие борцы за свободу своей родины.

С любовью, болью и восхищением читаем мы рассказ «Дэв», где писатель Рамврикша Бенипuri так ярко рисует образ смелого, отчаянного, озорного деревенского мальчишки, из которого вырастает негибаемый борец против угнетателей. Его избивают, пытаются, мучают, но он остается верен своему делу.

«...Какая душа таилась в этом измученном теле! — восклицает писатель. — Горячая, яркая, крепкая, как сталь!»

До недавнего времени мы знали об Индии обидно мало. Для нас она была часто лишь экзотической страной, север которой поднимается к небу гигантскими горами, покрытыми нetaющим снегом, а юг уходит острым мысом в океан, бьющий о скалы пенной волной.

Мы знали, что в этой стране много диких животных и растений, что там порой слишком жарко светит солнце.

Но нам всегда хотелось узнать о людях Индии, о том, как они живут, радуются и печалятся, об их труде, их обычаях и одежде, праздниках, храмах и книгах. А главное — о том, каковы отношения между людьми этой многоплеменной и многоязычной страны.

Теперь, когда Индия получила независимость, мы общаемся с индийским народом все больше, и общение наше вырастает в самую искреннюю дружбу. Для укрепления этой дружбы огромное значение имеют книги писателей Индии. В них всегда чувствуются боль и тревога, радость и ликование их создателей, их огорчения и надежды. Они пронизаны той страстностью, без которой немыслима истинная литература.

На берегах Ганга поют песни, не похожие на волжские напевы, а пальмы, которые раскачивают океанские ветры, не похожи на березы русских лесов, но простые люди повсюду стремятся к одному — миру, труду и обновлению жизни.

У большинства писателей Индии — острый глаз и точный слух. Читая их правдивые рассказы, мы ощущаем поэзию этой удивительной страны и принимаем к сердцу заботы и надежды ее сынов.

Э. Боровик

Прем Чанд ПРАЗДНИК ИД

1

Сегодня, после долгих тридцати дней рамазана¹, наступил праздник Ид². Какое чудесное, какое замечательное утро принес он с собой! Деревья сегодня удивительно зелены, поля великолепны,

¹ Рамазан — девятый месяц лунного мусульманского года: у мусульман — месяц поста.

² Ид — большой религиозный праздник индийских мусульман в ознаменование конца поста.

небо залито чудесным багрянцем. Посмотрите на солнце: на редкость ласковое и нежаркое, оно сегодня словно поздравляет мир с праздником. А какое оживление в деревне! Все готовятся к праздничной ярмарке. У одного на рубашке оторвалась пуговица, и он бежит к соседям за иголкой. У другого ссохлись башмаки, и он спешит к торговцу за маслом, чтобы смазать их. Скорей, скорей!.. Не забыть бы пораньше задать корм быкам: ведь, пока вернешься с ярмарки, и полдень наступит. Дорога не близкая — три коса¹ идти пешком, да сколько знакомых надо повидать! Нет, раньше полудня никак не вернуться.

Больше всех радуются дети. Иной и постился всего один день, да и то лишь до полудня, другой и этого не делал, но идти на веселый праздник собираются все: это их законное право. Посты — обязанность старших, стариков. А дело ребят — праздник. Сколько они мечтали об этом дне! И вот наконец он наступил. Конечно, ребятишкам не терпится: и почему так долго собираются эти взрослые? Ведь малышам нет дела до забот! Им все равно, есть в доме молоко и сахар для праздничного угощения или нет. Они знают, что без сластей не останутся. Им невдомек, почему отец сломя голову бежит к дому старосты Каяма Али. Разве им известно, что стоит сегодня старосте только взглянуть косо, как праздник превратится в день траура!

Сегодня карманы малышей набиты несметными богатствами. Сам бог Кубэра² может им позавидовать. Они то и дело достают свои сокровища, пересчитывают их и, довольные, снова прячут.

Вот считает Махмуд: одна, две... десять... двенадцать! У него двенадцать пайс!³ У Мохсына: одна, две, три... восемь, девять... — целых пятнадцать! Ах, сколько на них можно купить игрушек, сластей, дудочек, мячей — всего и не перечесть!

Но больше всех радуется Хамид, робкий тщедушный мальчонка лет пяти. В прошлом году холера унесла в могилу его отца, а вскоре умерла и день ото дня таявшая мать. Никто так и не узнал, чем она болела. Да если

¹ Кос — мера длины, равная примерно 3,5 километра.

² Кубэра — в индийской мифологии бог богатства.

³ Пайса — мелкая медная монета; раньше в рупии, основной денежной единице Индии, было 64 пайсы, с 1957 года — 100 пайс.

бы она и захотела рассказать, кого бы это интересовало? Затаив глубоко в душе все, что ее мучило, женщина молча терпела, а когда терпеть не стало сил, распрощалась с этим миром.

Теперь Хамид нашел свое счастье в заботах бабушки Амьны. Мальчик думает, что его отец ушел на заработки и вернется с целым мешком денег. Мать же отправилась к доброму аллаху за подарками для сына. Поэтому Хамид счастлив. Великая вещь надежда, тем более надежда детского сердца! И горчичное зернышко за гору примешь!

Хамид бос, на голове у него старая шапка с почерневшей вышивкой, но он счастлив. Вот вернутся его родители — с мешком денег отец и с подарками мать, — тогда все его заветные желания сбудутся. Пусть-ка тогда и Махмуд, и Мохсин, и Нурé, и Саммí поломают себе голову, где достать столько денег!

Несчастливая Амина сидит в своей хижине и плачет: сегодня праздник, а у нее в доме ни зернышка, только мрак да отчаяние. Был бы жив Абид, разве так встречали бы они этот день? И кому он нужен, этот проклятый праздник? Нет, в ее доме никто не звал его. Пожалуй, только Хамид! Умер ли кто, жив ли — ему пока все равно. На сердце у мальчика светло, жизнь для него полна радости и надежд. И никакое несчастье не устоит перед сияющим взором мальчугана.

Хамид прибежал домой:

— Не бойся, бабуся, я вернусь раньше всех. Не бойся!

Но на сердце у Амины беспокойно. Все деревенские дети идут со своими отцами, а у Хамида только бабушка. Как его отпустить одного на ярмарку? Вдруг потеряется в толпе? Нет, Амина так его не отпустит. Ах, голубчик! Да как же он пройдет целых три коса? Ведь он в кровь изобьет ноги. Башмаков-то нет! Она сама понесла бы его на руках, но кто же тогда будет готовить праздничное угощение? Были бы деньги, так на обратном пути купила бы все необходимое и быстро приготовила. А ей раздобывать еще надо. Надежда только на то, что кто-нибудь займы даст. Недавно ей повезло: подработала шитьем. Получила восемь анн¹. Эту монету в полрупии она берег-

¹ Анна — денежная единица; прежде в анне было 4 пайсы. 16 анн составляли одну рупию.

ла к нынешнему празднику как зеницу ока. Но вчера пристала молочница... Что тут будешь делать? Пришлось отдать долг. Мальчик и так ничего хорошего не видит, нельзя же отказать ему и в молоке. Хотя на две пайсы да надо брать. И осталось сейчас у Амины всего две анны. Три пайсы из них — у Хамида в кармане, остальные пять — у нее в узелке. Вот и весь капитал. А праздник-то какой!.. Ид!.. Аллах милостивый, спаси и помилуй!.. Придет и жена дхоби¹, и жена цирюльника, и жена метельщика, и жена ювелира. Всех надо угостить, притом как следует, не то обидятся. Впрочем, разве спрячешься от них? Да и что толку прятаться? Такой праздник раз в году бывает. Живи честно, и судьба к тебе будет милостива. Перебьются как-нибудь и теперь. Дай только бог здоровья мальчику!

Наконец все собрались и двинулись из деревни. Среди других ребят шел и Хамид. Дети то гурьбой убегали вперед, то останавливались где-нибудь под деревом, поджидая остальных. «И почему эти взрослые так медленно ползут?» — негодовали они. У Хамида на ногах словно выросли крылья. Разве он мог устать?

Скоро и город. По обеим сторонам дороги тянулись сады богачей, огороженные каменными стенами. На ветках деревьев — плоды манго и личи. То и дело кто-нибудь из ребят поднимал с дороги камень и бросал его, стараясь сбить манго. Тут же из сада с руганью выбегал садовник, но мальчики обычно были уже далеко и весело смеялись над своей шалостью.

Начались высокие дома. Вот суд, вот клуб, вот колледж... Сколько ребят, наверное, учится в таком большом колледже!.. Но там не только ребята. Есть и взрослые. Правда... У них усы, огромные-преогромные!.. Такие старые, а все еще учатся... Сколько же можно учиться?.. И что они будут делать, такие ученые?.. В деревенской школе, куда ходил Хамид, училось несколько взрослых парней. Глупые такие, бездельники. Им каждый день от учителя доставалось... Вот и здесь, наверное, такие же учатся...

— Я слышал, что в клубе колдуют... — обратился Ха-

---

¹ Д х о б и — мужчина-прачка; в Индии стиркой белья занимаются преимущественно мужчины.

мид к приятелям.—Говорят, там черепа покойников бегают и еще представления разные бывают, только никого туда не пускают... Там по вечерам сáхибы¹ играют... Взрослые люди, с бородами, с усами, а играют... И мэм-сахибы² тоже играют. Правда, правда!.. Моей бабушке, если дать это самое... как ее... ра-а...ке-е...тку, так она за нее и взяться-то не сумеет. Как размахнется, так и упадет...

— А моя мать и поднять ее не сможет, клянусь аллахом! — сказал Махмуд.

— Ну, что ты! А сколько она мукí перемалывает! — возразил Мохсин. — Подумаешь, маленькую ракетку не поднять! Сколько кувшинов воды она за день переносит! Пять штук только одной буйволице нужно. Если бы какой-нибудь мэм-сахиб пришлось хоть один кувшин принести, у нее, наверное, в глазах бы потемнело.

— А все-таки бегать она не может и прыгать тоже! — упорствовал Махмуд.

— Прыгать, верно, не может. А вот когда она узнала, что наша корова отвязалась и забрела на поле старосты, то так побежала, что я и догнать ее не смог. Вот как! — заключил Мохсин.

Идут дальше. Начали попадаться празднично раскрашенные лавки торговцев сладостями. И кто только ест все это?..

— Посмотрите-ка, в каждой лавке горы сладостей! — воскликнул один из мальчиков. — Мне рассказывали, что по ночам их покупают джинны³. Отец говорил, что джинны в полночь в каждой лавке забирают все, что осталось. А платят настоящими деньгами, совсем такими же...

— Откуда же джинны берут настоящие деньги? — усомнился Хамид.

— Думаешь, у джинов мало денег? — не замедлил ответить Мохсин. — У кого захотят, у того и возьмут. Ведь им даже железные двери нипочем. У джинов и драгоценных камней много. Тем, кто им угодит, они дарят корзины бриллиантов... Они что хочешь могут: вот сейчас он здесь, а через пять минут уже в Калькутте.

---

¹ С á х и б — господин; так называют в Индии европейцев, а также высших чиновных лиц индийского происхождения.

² М э м - с á х и б — госпожа.

³ Д ж и н н — дух, демон.

— А джинны большие? — снова спросил Хамид.

— Каждый ростом до неба. Стоит на земле, а головой в небо упирается. Но если захочет, то и в кувшин может влезть.

— А как им угодить? — допытывался Хамид. — Сказал бы мне кто-нибудь заклинание, чтобы вызвать джинна, уже я бы сумел получить от него награду!

— Этого я не знаю, — проговорил Мохсин. — А вот у нашего старосты в услужении много джиннов. Если где кража бывает, так староста сразу скажет, где вор и как его зовут. У Джумрати как-то потерялся теленок. Три дня искали, нигде найти не могли. Что делать? Пошел тогда Джумрати к старосте. А тот сразу сказал, что теленок в загоне, где вся скотина. Верно, там и оказался. Джинны ему рассказывают обо всем, что в мире делается.

Теперь Хамид понял, почему староста такой богатый и потому его так уважают.

Идут дальше... Полицейский участок...

— Это здесь полицейские маршируют? — спросил кто-то. — «На пле-е-е-чо! Отставить!» Бедняги, все ночи напролет ходят по улицам, караулят, чтобы воровства не было...

— Это полицейские-то караулят? Много же ты понимаешь! — возразил Мохсин. — Да они сами помогают воровать. Сколько ни есть в городе воров и разбойников, все с ними заодно. Ночью они говорят ворами: «Воруйте спокойно!» — а сами уходят куда-нибудь в другой квартал и кричат там: «Слушай! Слушай!» Потому-то у них и денег столько. У меня дядя полицейский. Жалованье — двадцать рупий в месяц, а домой присылает пятьдесят. Клянусь аллахом! Я как-то у него спросил: «Дядя, откуда у вас столько денег?» А он засмеялся: «Аллах дает, сынок». А потом сам же и сказал: «Если мы захотим, то денег у нас будут горы. А берем мы лишь столько, чтобы самим не опозориться и службы не лишиться».

— Если они заодно с ворами, то почему же их никто не арестует? — спросил Хамид.

— Эх ты, глупый! — снисходительно пояснил Мохсин. — Кто же их может арестовать? Они сами всех арестовывают. Их только сам бог наказывает. Нечестно нажитое богатство впрок не идет. Совсем недавно у дяди по-

жар был. Все дотла сгорело. Ни одного горшка не осталось. Сначала так и ночевали под деревом, клянусь аллахом! Прямо под деревом! Потом где-то дядя занял сто рупий и снова хозяйством обзавелся.

— А сто — это больше, чем пятьдесят? — поинтересовался Хамид.

— Сравнил тоже! Пятьдесят — это одно, а сто — совсем другое. Пятьдесят рупий уместятся в одном мешке, а сто и в два мешка не войдут.

Дома теперь стояли близко друг к другу. Начали попадаться группы людей, направляющиеся к месту празднества. Одни ехали в экипажах, другие — в автомобилях, все благоухающие, разодетые, веселые.

Крестьяне, забыв о своих невзгодах, увлекаемые общим радостным возбуждением, шагали всё дальше и дальше.

Для детей в городе все было удивительным. Куда ни глянешь — везде интересно, глаз оторвать нельзя. Даже автомобильные гудки, то и дело раздававшиеся позади, не могли помешать им любоваться чудесным зрелищем. Хамид так загляделся, что едва не попал под машину.

И вот впереди открылось место, отведенное для общей молитвы. Над вымощенной камнем площадкой, покрытой узорчатым ковром, нависли густые, тенистые ветви тамариндов. На площадке — ряды пришедших на праздник людей, один за другим, один за другим. Даже там, где уже кончается каменная площадка и нет ковра, видны склоненные фигуры. Впереди места нет, и вновь прибывшим приходится располагаться в задних рядах...

Наши знакомые тоже встали в последнем ряду. Началось праздничное богослужение...

2

Нама́з¹ окончился, и народ повалил к лавкам со сладостями и игрушками.

Взрослые увлечены не меньше, чем дети.

— Смотри, смотри, качели!.. — кричит один из них. — Садись! Всего одна пайса!.. Будешь взлетать в небо и камнем падать на землю.

— А карусель-то! — восхищается другой. — Деревян-

---

¹ Нама́з — молитва мусульман.

ные слоны, кони, верблюды! За пайсу накатаешься досыта — целых двадцать пять кругов!

И Махмуд, и Мохсин, и Нуре, и Самми усаживаются на коней и верблюдов. Лишь Хамид остается стоять поодаль: ведь у него всего три пайсы. Не может же он отдать треть своих денег только за то, чтобы прокатиться несколько кругов!

Наконец все слезают с карусели и идут покупать игрушки. Лавки тут же, их целый ряд. Ах, каких только игрушек здесь нет! Солдат и молочница, раджа и адвокат, водонос, дхоби, сáдху¹. До чего же красивые игрушки! И как живые, вот-вот заговорят! Махмуд покупает солдата в зеленом мундире, в красном тюрбане, с ружьем на плече — того и гляди стрелять начнет! Мохсин облюбовал водоноса... Водонос согнулся — тяжело, на плечах кожаные бурдюки. И веселый какой! Наверное, песню поет... А из бурдюка-то, смотрите, сейчас вода польется!.. Нуре понравился адвокат с ученым лицом. Черная мантия, под ней белый ачкáн², в кармане ачкана — часы на золотой цепочке... В руке книга, в которой все законы написаны... Так и кажется: еще немного и адвокат заговорит. То ли речь в суде держать будет, то ли допрос вести...

Каждая игрушка — две пайсы. А у Хамида всего три. Разве может он покупать такие дорогие игрушки? Да и надолго ли они? Стоит игрушке упасть — она и разобьется. Вода на нее попадет — вся краска облезет. Ну зачем ему такие игрушки?

— Мой водонос будет каждый день воду носить, — хвастается Мохсин. — Утром и вечером.

— А мой солдат будет дом стеречь. Если вор придет, сразу застрелит!

— А мой адвокат всех засудит!

— А мой дхоби каждый день будет белье стирать!

— Да они все глиняные. Упадут — и разобьются, — пренебрежительно говорит Хамид.

Однако смотрит он на игрушки с завистью. Так хочется хотя бы поддержать их! Руки сами собой тянутся к ним. Но дети всегда эгоистичны, особенно когда еще не

---

¹ С á д х у — аскет, отшельник.

² А ч к á н — мужская одежда: долгополое платье с глухой застежкой сверху донизу.

пресытились чем-нибудь. И Хамиду приходится отказаться от своего желания.

После игрушек наступает очередь сладостей. Один купил леденцов, другой — гулаб-джамун¹, третий — халвы. Мальчики с наслаждением жуют сласти. Хамид держится поодаль. У бедняги три пайсы. Не купить ли и ему чего-нибудь из сладостей? С завистью смотрит он на товарищей.

— Хамид! — позвал его Мохсин. — Иди попробуй. Вкусно-то как!

Хамид колеблется. Пожалуй, Мохсин хочет подшутить над ним. Не такой уж он добрый. И все же Хамид подходит. Взяв с листа леденец, Мохсин протянул его Хамиду. Но только мальчик хотел его взять, как Мохсин положил леденец себе в рот. Махмуд, Нуре и Самми засмеялись, захлопали в ладоши, а Хамид покраснел и смутился.

— Ну ладно, Хамид, теперь уж обязательно дам. Клянусь аллахом! На, бери.

— Не надо. Разве у меня у самого нет денег?

— Три-то пайсы? Что ты на них купишь? — говорит Самми.

— Попробуй у меня гулаб-джамун, Хамид! — зовет Махмуд. — Мохсин — насмешник.

— Подумаешь, какая невидаль — сласти. А сколько про них в книгах плохого пишут! — возражает Хамид.

— Ну да! А сам небось думаешь: поел бы, если б дали! Зачем деньги бережешь? — не унимается Мохсин.

— Хамид, по-моему, хитрит, — обратился к товарищам Махмуд. — Когда мы все деньги истратим, он начнет покупать сласти и нас дразнить.

За лавками со сладостями начались ларьки со скобяным товаром и дешевыми украшениями. Ничего интересного для мальчиков здесь нет, и они прошли дальше. Хамид же неожиданно остановился у скобяной лавки, где лежали разнообразные шипцы. Он вдруг вспомнил, что у бабушки нет шипцов и что каждый раз, когда снимает со сковородки лепешки, она обжигает руки. Вот бы купить шипцы да принести ей! То-то она обрадуется! Тогда уж ей никогда больше не придется обжигать пальцы.

---

¹ Гулаб-джамун — индийские сласти; готовятся из молока и сахара.

Это будет вещь полезная в хозяйстве. А то игрушки! Какой от них толк? Понапрасну выброшенные деньги и только. Да и долго ли игрушкой будешь играть? Ну день, два, а потом и глядеть на нее не захочется. Может быть, даже и до дому не донесешь — разобьется... Вот щипцы — ценная вещь!.. Хочешь — лепешки со сковороды снимай, хочешь — сковороду на угли ставь! За огнем кто придет — ими сразу можно достать из очага углей. Сама бабушка никогда их не купит: когда ей на базар ходить, да и где она денег возьмет?.. А ведь каждый день руки обжигает...

Друзья Хамида ушли вперед и пили шербёт¹ возле палатки.

«Ишь, какие жадные! Столько всего накупили, а мне ничего не дали, — размышлял мальчик. — А еще зовут то и дело: «Со мной, со мной поиграй!», «Помоги мне!» Ну, если теперь кто-нибудь попросит помочь, уж я ему скажу!.. Ешьте свои сласти! Вот увидите, во рту начнет гнить, болячки появятся, язык станет сластеной — так и будет вкусненького просить. Тогда начнете дома деньги воровать, а вас за это бить будут... Я уж знаю. В книгах неправды не напишут. Зачем же я свой язык стану портить?.. А как бабушка обрадуется, когда увидит щипцы! Подбежит ко мне, скажет: «Мой внучек щипцы мне купил!» Потом соседкам покажет. Вся деревня узнает, что Хамид бабушке щипцы купил. Вот хвалить начнут! Будут говорить: «Какой хороший мальчик!» А за игрушки разве кто похвалит? А ведь известно, когда взрослые хвалят и призывают благословение аллаха, аллах их сразу слышит... Денег у меня мало, вот Мохсин с Махмудом и хвастаются. А я перед ними тоже похвастаюсь. Пусть играют своими игрушками да сласти едят. Мне игрушки не нужны. И ничуть мне не завидно. Пусть я бедный, да ни у кого ничего не прошу. Ведь вернется же когда-нибудь мой папа. И мама тоже придет. Тогда уж я выйду на улицу и спрошу: «Сколько вам игрушек надо?» Каждому куплю по корзине игрушек. Покажу, как с друзьями надо обходиться! Это не то что купить леденцов на пайсу, да и дразниться... А вдруг все смеяться будут, что я щипцы купил? Ну и пусть смеются! Мне-то что?..»

---

¹ Шербёт — напиток из фруктового сока с сахаром и специями.

— Сколько стоят эти щипцы? — спросил Хамид у лавочника.

Лавочник обернулся и, не видя возле мальчика никого из взрослых, ответил:

— Они тебе ни к чему.

— Продаются или нет?

— Почему же не продаются? Зачем бы тогда им здесь лежать?

— Что же не говорите, сколько стоят?

— Шесть пайс.

Хамид немного опешил.

— Да вы не смейтесь! Правду говорите!

— А по правде — пять пайс. Если надо — бери, а не то иди своей дорогой.

Собравшись с духом, Хамид выпалил:

— А можно за три пайсы?

И сразу пошел прочь от лавки, чтобы не слышать ругани лавочника. Однако лавочник не рассердился. Он окликнул мальчика и отдал ему щипцы за три пайсы. Хамид положил их на плечо, как ружье, и гордо подошел к товарищам...

Давайте послушаем, что они будут говорить.

Увидев Хамида, Мохсин рассмеялся:

— Да ты с ума сошел! Зачем тебе эти щипцы?

Хамид швырнул щипцы на землю:

— Ну-ка, брось и ты своего водноса! Пожалуй, не выдержит, развалится на кусочки.

— А разве щипцы игрушка? — поинтересовался Махмуд.

— Почему же не игрушка? Положил на плечо — ружье получилось. Взял в руку — стал как факир, они ведь тоже со щипцами ходят. Захочу — шелкать ими начну, музыка будет! А то как размахнусь, — и из всех ваших игрушек и дух вон! Им мои щипцы не осилить, как бы ни старались. Это не щипцы, а настоящий храбрый богатырь!

На Самми слова Хамида произвели впечатление.

— Давай меняться на бубен! — сказал он. — Я его за две анны купил.

Хамид с презрением посмотрел на бубен:

— Да если мои щипцы захотят, они твоему бубну брюхо разорвут. Подумаешь, игрушка! Взяли натянули кусок кожи, она и гудит. Намокнет чуточку — и конец. А мои

храбрые щипцы и в огне, и в воде, и против бури — везде устоят.

Щипцы покорили всех мальчиков. Однако денег ни у кого уже не было, да и от ярмарки они отошли порядочно. Шел десятый час, и солнце начинало припекать. Надо было быстрее возвращаться домой. Даже если как следует пристать к отцу, все равно уже было невозможно купить щипцы. Ну и хитрец же этот Хамид! Вот почему, оказывается, он берег деньги!

Теперь дети разделились на две группы. В одной были Мохсин, Махмуд, Самми и Нуре, в другой — один Хамид. Начались споры. Самми оказался отступником и перебежал к противнику. Оставшиеся верными друг другу Мохсин, Махмуд и Нуре, хотя и были на год-два старше Хамида, не могли противостоять ему. На стороне малыша была сила правды и логики. Глине противостояло железо, непобедимое и губительное. Если вдруг нападёт лев, то водонос задрожит от страха, солдат бросит свое глиняное ружье и убежит, и господину адвокату плохо станет: спрячет голову под мантию и прижмется к земле. А храбрые щипцы — настоящий индийский Рустам¹ — бросятся на льва и вырвут ему глаза!..

Хамид пустил в ход последний аргумент:

— Водоносу пригрозить, так он бегом побежит за водой и станет у дверей поливать.

Мохсин был повержен, но на помощь пришел Махмуд:

— Если твои храбрые щипцы схватить, связать да привести в суд, так они сразу повалятся в ноги господину адвокату.

Хамид не нашелся что ответить на такой сильный довод и спросил:

— А кто нас может схватить?

— Вот этот солдат с ружьем, — гордо сказал Нуре.

— Этот несчастный солдатик схватит моего храброго индийского Рустама? — насмешливо проговорил Хамид. — А ну, давай его сюда, пусть они поборются. Да солдат убежит, как только Рустама увидит! Схватит он, дождись!

Мохсин нанес новый удар:

---

¹ Рустам — герой персидского эпоса, образец мужества и отваги.

— Твои шипцы каждый день будут в огне гореть!

Он думал, что Хамид не сумеет возразить. Однако этого не случилось.

— Эх, ты! В огонь ведь только храбрые прыгают, — тотчас ответил мальчик. — Ваш адвокат, солдат и водонос будут дома прятаться, как английские леди. Не каждый в огонь прыгнет. Это может только мой герой.

Тогда снова заговорил Махмуд:

— Господин адвокат будет сидеть на стуле за столом, а твоим шипцам так и валяться в кухне на полу!

Этот довод придал силы Самми и Нуре... Молодец Махмуд, здорово сказал!.. Конечно, что еще делать шипцам, как не валяться в кухне?

Не найдя подходящего ответа, Хамид стал задираться.

— Мои шипцы на кухне валяться не будут! Если господин адвокат сядет на стул, то они сбросят его на землю, а его законы загонят ему в живот!

Ответ был так себе, пустым бахвальством. Однако слова о законах, загнанных в живот, подействовали, и подействовали настолько сильно, что трем растерявшимся смельчакам ничего не осталось, как молча переглянуться. Это было похоже на победу маленького воздушного змея, летающего на тонкой нитке, над большим змеем, привязанным на заговоренный шнурок... Загнать законы в живот — вещь хотя и необыкновенная, но, если подумать как следует, не такая уж невозможная — ведь они через рот выходят... Да, Хамид победил. Теперь и Мохсин, и Махмуд, и Нуре, и Самми — никто не сомневался, что его шипцы — настоящий индийский Рустам.

Почести победителя, которые вполне естественно оказывают ему побежденные, достались и Хамиду. Его приятели истратили денег по три, по четыре анны, а ничего полезного не купили, Хамиду же и трех пайс хватило, чтобы всем нос утереть. Действительно, что толку от игрушек? Сразу же разобьются. А вот шипцам Хамида ничего не делается многие годы!

Начались переговоры об условиях мира.

— Дай-ка мне немножко подержать твои шипцы, — попросил Мохсин. — А ты пока поиграй моим водоносом. Предложили свои игрушки и остальные.

Хамид не возражал против таких условий. Каждый по

очереди подержал его щипцы. А игрушки товарищей тоже побывали в руках мальчика... Красивые все-таки эти игрушки!..

Хамид решил утешить побежденных.

— Я ведь вас нарочно дразнил, — сказал он. — Разве сравнить железные щипцы с вашими игрушками? Они как живые: вот-вот заговорят!

Однако утешение не подействовало. Щипцы окончательно завладели воображением детей — приклеенную марку уже не смыть водой.

— Да-да... А похвалит ли нас кто-нибудь за игрушки? — усомнился Мохсин.

— Ишь, чего захотел! — воскликнул Махмуд. — Смотри, как бы еще не попало! Мать обязательно скажет: «Неужели вы на ярмарке не нашли ничего лучше этих глиняных игрушек?»

Хамиду пришлось согласиться, что ни одна из матерей не обрадуется игрушкам так, как его бабушка, когда увидит щипцы. Ведь у него было всего три пайсы! И, уж конечно, совсем не приходится жалеть о том, на что они израсходованы. К тому же щипцы стали индийским Рустамом и падишахом над всеми игрушками!

На обратном пути Махмуд захотел есть. Отец дал ему бананов. Махмуд поделился только с Хамидом. Остальные глотали слюнки. Вот что значат щипцы!

3

В одиннадцать часов деревня огласилась радостными возгласами:

— С ярмарки пришли!..

Маленькая сестренка Мохсина, припрыгивая от восторга, подбежала к брату и стала вырывать у него из рук водоноса. Водонос упал и тут же обрел царство небесное. Брат кинулся на сестру, началась драка. Оба заревели. На шум подросла мать и, рассердившись, отшлепала обоих.

У адвоката конец был более славный, как и подобает столь достойной особе. Адвокат не может сидеть на полу или на обычной полке в стенной нише. С его достоинством надо считаться! И в стену были вбиты два гвоздя. На них положена дощечка, прикрытая ковриком из листа

бумаги, и господин адвокат важно уселся на троне, как раджа Бходж¹. Нуре решил обмахивать его веером: в суде должно быть прохладно! Там и шторы и электрические вентиляторы. Неужели здесь для адвоката не найдется хоть обыкновенного веера! Над законами-то, пожалуй, попотеешь! Нуре схватил бамбуковый веер и принялся обмахивать им адвоката. И кто знает: то ли игрушку сдуло, то ли мальчик задел ее веером, но только господин адвокат с небес блаженства мгновенно перенесся в царство тьмы, и его глиняная мантия рассыпалась по глиняному полу. Смерть господина адвоката была горько оплакана, а останки его выкинуты на помойку.

Оставался еще солдат у Махмуда. Ему сразу же было приказано охранять деревню. Но ведь полицейский солдат не простой смертный, чтобы передвигаться на своих ногах. Его следует носить в паланкине!.. Взяли корзинку, постелили на дно несколько старых красных лоскутков, чтобы господину солдату было поудобнее, и Махмуд, подняв эту корзинку, начал расхаживать с ней возле дверей своего дома. А два младших его братишки, не отставая ни на шаг, следовали за «паланкином» и кричали вместо солдата: «Слушай! Слушай!» Но ведь ночью должно быть темно!.. И Махмуд споткнулся... Корзина упала, солдат с ружьем выпал на землю и сломал ногу. Махмуд тотчас вообразил себя известным врачом. У него есть особый пластырь, благодаря которому сломанная нога моментально прирастет. Нужен только фиговый сок. Соку раздобыли, стали приклеивать ногу. Но лишь только солдата поставили, как нога снова отвалилась. Операция не удалась. Тогда у солдата отломали и другую ногу. По крайней мере, хоть сидеть удобно: ведь с одной-то ногой ни сидеть, ни ходить! Солдат превратился в саньяси². Сидит на своем месте и молчит. Турбан его поцарапался. Теперь солдата можно вообразить кем угодно. Иногда он бывает божком. Время от времени его используют и вместо гири.

Теперь послушайте о том, что было с Хамидом.

Заслышав знакомый голосок, бабушка Амина выбежала из дома и, прижав мальчика к груди, начала его

¹ Раджа Бходж — популярный в Индии легендарный персонаж, известный своей щедростью и великодушием.

² Саньяси — святой, отшельник.

целовать. Вдруг она увидела у него в руке щипцы и удивленно спросила:

— Откуда это?

— Купил.

— За сколько?

— За три пайсы.

Амина горестно всплеснула руками. Вот глупый мальчишка! Уже полдень, а он еще ничего не ел. И купил-то что! Щипцы!

— Неужели на всей ярмарке ты ничего не нашел, кроме этих железных щипцов? — воскликнула она.

— Ты обжигаешь пальцы о жаровню, вот я их и купил, — виновато проговорил мальчик.

Гнев старушки мгновенно сменился нежностью. Это была не та показная нежность, которая целиком растрачивается в словах. Это была нежность безмолвная и в то же время наглядно осязаемая, нежность любвеобильная и благодатная. «Как бескорыстен, как добр и умен мальчик! — думала Амина. — Как, наверное, завидовал он другим детям, когда они покупали игрушки и ели сласти! И как только он сумел сдержаться! Ведь помнил все время о своей старой бабушке!..» Сердце Амины разрывалось от переполнявших ее чувств.

И случилась еще одна удивительная вещь, еще более удивительная, чем эта история со щипцами. Маленький Хамид вел себя, как умудренный жизнью старец, а старая Амина превратилась в маленькую девочку: она плакала. Бабушка крепко обняла внука. Из глаз ее катились крупные слезы. Мог ли догадаться Хамид о причине этих слез?

Джайшанкар Прасад
МАЛЕНЬКИЙ ФОКУСНИК

Ярмарочная площадь сверкала электрическими огнями, гудела от смеха и людского гомона.

Остановившись около одного из фонтанчиков, я увидел мальчишку, который жадно глядел на людей, пивших шербет. На шее у мальчика была повязана толстая бечевка, оба конца которой спускались на грудь, едва прикрытую рваной рубахой, из кармана торчала колода игровых карт. Лицо его выражало од-

повременно и глубокую печаль и твердость характера. Чем-то этот мальчуган привлек мое внимание. Несмотря на бедность, в нем чувствовались внутреннее достоинство и духовная сила.

— Ты, наверное, многое уже успел посмотреть? — спросил я.

— О, я уже все видел. Здесь кидают кольца и мячи, там простреливают карты из лука. Больше всего мне понравилось, как попадают мячом в игрушки. А вот фокусник у них совсем плохой. Я и то лучше показываю фокусы с картами, — затараторил он без тени смущения.

— А что в этом балагане, за занавесом? Был ты там?

— Туда не пройдешь: билет нужен.

— Пойдем, проведу тебя, — предложил я, решив про себя: «Будь ты сегодня моим спутником и другом».

— Да что там делать? — возразил мальчик. — Пойдем-ка лучше побросаем мячи.

— Хорошо, — согласился я, — только сначала выпьем шербета.

Он радостно закивал головой.

В многолюдной толпе даже осенним вечером было жарко и душно. Выпив шербета, мы отправились кидать мячи. По пути я спросил своего нового знакомого:

— Родные-то есть у тебя?

— А как-же — и мать и отец.

— А разрешает тебе отец ходить сюда?

— Он в тюрьме.

— Почему?

— Потому что боролся за народ, — ответил он с гордостью.

— А мать?

— Болеет.

— Как же ты можешь спокойно бродить по ярмарке и глазеть по сторонам?

Мальчуган укоризненно усмехнулся:

— Я не глазеть сюда пришел, а фокусы показывать. Заработаю немного денег и куплю матери что-нибудь поесть. Если бы вы не поили меня шербетом, а посмотрели мои фокусы и дали немного денег, я был бы вам больше благодарен.

Я с удивлением уставился на этого мальчика — на вид ему не было и четырнадцати лет.

— Я правду говорю, господин. Мать болеет, поэтому я и не пошел туда.

— Куда?

— В тюрьму!.. Если людям охота посмотреть мои фокусы, то почему мне их не показать? Можно заработать и себе на пропитание и матери на лекарство.

На душе у меня стало беспокойно. Глубоко вздохнув, я рассеянно поглядел на пляшущие вокруг яркие огни.

— Ну что ж, пойдем бросать мяч.

Подойдя к балагану, где сбивали мячом игрушки, я купил двенадцать билетов.

Мальчишка оказался отличным стрелком. Ни один из брошенных им мячей не пропал даром. Многочисленные зрители были изумлены. Пришлось хозяину балагана выложить двенадцать игрушек. Часть из них завязали в мой носовой платок, остальные рассовали по карманам.

— Господин, — обратился ко мне мальчик, — пойдемте, я покажу вам свои фокусы.

Но, пока я собрался идти, его и след простыл. «Быстро же ты забыл своего друга», — подумал я.

Побродив немного по ярмарке, я зашел в лавку торговца бételем¹ и потом долго еще гулял, разглядывая пеструю толпу.

Особенно много народа было около качелей, которые легко взлетали вверх и тут же стремительно падали вниз.

— Господин! — вдруг услышал я.

— Кто это? — закинув голову, я взглянул на взметнувшуюся к небу лодочку.

— Это я, маленький фокусник.

* * *

Прошло несколько дней. С компанией друзей я поехал в Калькуттский ботанический сад.

Погуляв по саду, мы решили позавтракать прямо на траве и уселись в тени густых деревьев на берегу маленького пруда, заросшего красными лотосами. И вдруг в самый разгар нашей оживленной беседы появился мой старый знакомый — маленький фокусник. На нем были трусы и рубашка с короткими рукавами. Голову он повязал

¹ Бételъ — кустарник из семейства перечных; листья его, смешанные с известью и специями, жуют индийцы и жители многих стран Востока.

моим носовым платком. В руках мальчик держал мешок из грубой домотканой материи.

— Здравствуйте, господин. Хотите, я покажу вам интересные фокусы? — спросил он, вразвалку подходя к мам.

— Нет, сейчас мы завтракаем.

— А потом что будете делать?

Меня рассердила его настойчивость.

— Оставь нас... — начал было я.

Но жена перебила меня.

— Покажи, детка, покажи нам свои фокусы, — мягко сказала она. И, повернувшись ко мне, тихо добавила: — Не нужно на него сердиться.

Я замолчал; в ее голосе слышалась нежность матери, которая прощает ребенку все его шалости.

Мальчик начал свое представление. Все игрушки, выигранные тогда на ярмарке, принимали участие в этом импровизированном спектакле: медведь кланялся, кошка сердито фыркала, обезьяна бранилась. Куклу выдали замуж, но оказалось, что жених ей попался одноглазый... Все представление держалось на вдохновенном красно-речии маленького актера.

Мы покатывались со смеху.

«Да, многому научила нужда этого мальчика, — подумал я. — Вот она, жизнь!»

Карты в руках мальчика стали красными, потом вдруг снова почернели! Разрезанная на куски веревка неожиданно оказывалась целой. Волчок начинал крутиться сам собой!

— Ну, хватит, — сказал я, — собирай свои игрушки. Нам надо идти.

Жена протянула ему рупию, и он подпрыгнул от радости.

— Послушай, мальчик... — начал было я.

— Зовите меня, пожалуйста, маленький фокусник. Меня все так зовут. Ведь мои фокусы кормят нас с мамой.

Я хотел еще что-то сказать, но жена перебила меня:

— А скажи-ка нам, что ты будешь делать с этой рупией?

— Сначала досыта наемся, а потом куплю одеяло.

«Ну и эгоист же я! — пронеслось у меня в голове. —

Рассердился на мальчишку только потому, что он хотел заработать рупию!»

Маленький фокусник побежал домой, а мы отправились к зарослям лиан.

Последние лучи заходящего солнца, запутавшись в листве этих искусственных джунглей, прощались с землей. Вокруг царили тишина и спокойствие.

Возвращаясь на машине в Ховру, мы не раз вспоминали маленького фокусника. И вдруг увидели его возле одной из лачуг. На плече у мальчика было одеяло.

— Ты как тут очутился? — спросил я, остановив машину.

— Здесь моя мама. Ее больше не хотят держать в больнице.

Я вышел из машины и заглянул в хижину. На земляном полу лежала закутанная в лохмотья женщина. Ее была лихорадка.

Маленький фокусник укрыл ее одеялом и, низко склонившись над ней, шептал:

— Мама... мама...

На глаза у меня навернулись слезы.

* * *

Рождество миновало, и пора было возвращаться к работе. Откровенно говоря, и Калькутта уже порядком успела наскучить мне. И все же утром в день отъезда мне почему-то захотелось еще раз взглянуть на Ботанический сад. «Может быть, и малыш снова там», — невольно мелькнуло у меня в голове.

В этот день я пошел туда один: времени до отъезда оставалось совсем мало.

Было десять часов утра, но солнце уже пригревало всю. Увидев неподалеку от дороги большую толпу, я остановил машину. Так и есть — натянув между деревьями кусок материи, маленький фокусник снова давал свое представление. Опять сердито фыркала кошка, кланялся медведь, отдавали замуж куклу... Все было, как и прежде, только в голосе мальчика не слышалось прежнего задора и вдохновения. Он старался рассмешить, развеселить других людей, но мне казалось, что самому ему хотелось плакать. С болью в сердце глядел я на него.

Закончив представление и собрав деньги, он вдруг

заметил меня в толпе, и на мгновение лицо его просветлело.

— Что-то у тебя сегодня не клеится, приятель! — сказал я, дружески потрепав его по плечу.

— Я торопился. Мама велела скорей вернуться домой. Она сказала, что ей сегодня очень плохо, — печально ответил мальчик.

— И ты все-таки пошел сюда? — укоризненно воскликнул я.

Да, каждый меряет по-своему людское счастье и горе.

На лице мальчика появилось знакомое мне презрительное выражение.

— Если бы не надо было, так и не пришел бы! — сердито сказал он и обиженно отвернулся.

Мне стало стыдно. Я бросил в машину мешок с игрушками и усадил мальчика рядом с собой.

— Едем! Быстрее!

Машина помчалась и через несколько минут остановилась около ветхого жилища. С громким криком «мама!» мальчик скрылся в хижине. Я пошел было следом за ним, но, услышав невнятный звук, сорвавшийся с губ лежавшей на полу женщины, замер на пороге. Иссохшие руки умирающей чуть приподнялись и бессильно упали. Маленький фокусник рыдал, прижавшись к недвижному телу матери.

Я чувствовал, что у меня нет сил двинуться с места. К горлу подкатил жесткий комок, и солнце, только что сверкавшее так ярко, вдруг погасло и скрылось из глаз.

Джайшанкар Прасад

МАДХУА

Т

де там пить! Уже семь дней, как в рот не брал.

— Врешь ты все, братец. Даже от одежды несет вином.

— Нет... Нет, сахиб... Просто как-то наливал в темноте из бутылки, и несколько капель попало на дхóти¹. А вы говорите... Да что там, хотите верьте, хотите нет — семь дней уже ни капли во рту не было.

---

¹ Дхóти — мужская национальная одежда: набедренная повязка.

Помещик Сардарсінх рассмеялся.

Сын его учился в Лакхнау, и сахиб иногда приезжал к нему в гости. Тут ему и подвернулся этот словоохотливый пьяница. Он мог прийти в любое время и всегда имел в запасе какую-нибудь забавную историю, до которых Сардарсінх был большой охотник.

— Ну, а сегодня выпьешь? — проговорил сквозь смех сахиб.

— Врать не буду: уж сегодня выпью. Семь дней почти ничего не ел, а нынче выпью за все дни.

— Ну и человек! Семь дней сидел голодный, а сегодня, вместо того чтобы как следует поесть, опять собирается напиться. Вот уж поистине...

— Один час радости лучше долгих лет горемычной жизни. Выпил как следует — и море тебе по колено.

— Ну ладно, ладно, лучше расскажи, что делал?

— Я-то? Да так, ничего особенного. С утра все заволочло туманом. Солнце плотно закуталось в облака, а я — в свое драное одеяло. Вот так мы и прятались оба.

— Чего же вы прятались? — захихикал сахиб.

— Я же сказал: за семь дней ни капли во рту не было. Тут уж не высунешься. Когда часам к двенадцати показалось солнце, я все-таки через силу поднялся, так кости ломило, что еле-еле умылся, господин. Немного деньжонок у меня еще оставалось. Вспомнил, что три дня ничего не ел и пошел в лавчонку. Там поел лепешек, согрелся. Потом вышел на берег Гомти. Пока бродил, небо опять нахмурилось, дождик начал накрапывать, тогда я — бегом сюда.

— Ну хорошо, в прошлый раз ты рассказывал мне какую-то историю про дочку пастуха, которой один раджа вместо жареной кукурузы насыпал в подол жемчугу. Правда это?

— Чистая правда, господин. Да ведь эта девка ничего не понимала. Она было попробовала разжевать жемчужины, да никак не могла. Тут она и заплакала. Да... Большие люди любят иногда подшутить над бедняком...

Сахиб даже закашлялся от смеха. Наконец, отдышавшись и вытирая слезы, он сказал:

— Ты прямо уморить можешь! Что ж, братец, нищий всегда остается нищим. А тут глупая девушка. Разве она когда-нибудь в жизни видела жемчуг? Правду сказать,

из всех историй, что ты рассказывал, эта самая смешная. Остальные уж очень печальные да страшные. Расскажи-ка мне ее еще разок с самого начала, и я тебя угощу хорошим винцом.

— Господин! Рассказы стариков о золотых днях раджей, о забавах знати, о тоскующих в заточении принцессах уж очень крепко засели в моей голове. Плакать хочется, как вспомню обо всем... Да, постепенно и богачи становятся нищими. Весь свет точно с ума сошел. Вот я и пью, чтобы немного забыться, не видеть этого безумия... А если бы не это, зачем бы мне тогда глаза вином заливать?

Сахиб задремал. Угли в жаровне разгорелись, но старик никак не мог согреться. Подвинувшись к жаровне, он хотел погреть руки, но в этот момент сахиб проговорил сонным голосом:

— Ну, хватит, ступай, а то мне что-то спать захотелось. Там лежит рупия — можешь ее взять. Да пошли сюда Лаллу.

Когда старик, разыскивая Лаллу, слугу сахиба, подошел к сторожке, прилепившейся у ворот господского дома, ему послышался детский плач. Остановившись, старик прислушался.

— Ну, чего ты реवेशь? Ведь тебя никто даже пальцем не тронул, — послышался грубый голос Лаллу.

Плач усилился.

— Ну-ка, Мадхуа, отправляйся спать! — уже зло крикнул Лаллу. — Хватит выть да притворяться, не то я с тебя шкуру спущу!

Старик слушал, не двигаясь с места. Мальчик заплакал еще громче.

— Уйдешь ты отсюда или нет? — послышался снова голос Лаллу.

Наконец дверь открылась, и на пороге показался испуганный мальчик. Его светлое красивое лицо было залито слезами. Старик шагнул вперед, взял мальчика за руку, вытер ему слезы и вышел вместе с ним за ворота.

Было десять часов вечера. Холодный ветер заползал за воротник, по спине от него пробегали мурашки. Старик с мальчиком молча шли по улице.

Маленькое сердце мальчишки было согрето состраданием незнакомого человека. Он уже не плакал. Но, когда

они шли по какому-то узкому переулку, он опять начал всхлипывать.

— Чего ж ты теперь-то плачешь? — рассердился старик.

— Я целый день ничего не ел.

— Не ел? Живешь у такого богача и целый день не ел?

— Вот я и ходил к Лаллу попросить чего-нибудь поесть. Бьют каждый день, а есть не дают! Нынче не ел ни крошки. Целый день прислуживал молодому господину, а с семи до девяти работал по дому. Пошел к Лаллу — думал, может, он чего-нибудь даст...

Видно, мальчику было так жаль себя, что он заплакал еще громче.

Старик шагал быстро, и мальчик еле поспевал за ним. Наконец они подошли к одной из грязных лачуг. Войдя в нее, старик ощупью отыскал глиняный светильник и чиркнул спичкой. Потом пошарил под рваным одеялом и вытащил оттуда кусок лепешки.

— Пожуй пока, — сказал он мальчику, — а я схожу что-нибудь куплю, чтобы набить твое маленькое брюхо. Да смотри не плачь, не то тебе попадет, не люблю плаксивых...

И, зажав в кулак рупию, старик зашагал по улице, размышляя на ходу:

«На двенадцать куплю полбутылки вина, на две анны рису, на две анны лепешек из гороховой муки. Нет, не так... Сначала куплю вареной картошки и сладкого гороха... Нет, так тоже не пойдет... А куплю-ка я на четыре анны мяса! Ох, уж мне этот мальчишка!.. Надо же чем-то набить его брюхо. Черт возьми! Никогда еще мне не приходилось никого кормить. Так что же мне все-таки купить, что купить? Для начала возьму-ка я полбутылочки!..»

Размышляя таким образом, он быстро дошел до ярко освещенной лавки, где продавались сласти. Забыв о вине, старик накупил множество сладостей, сдобных лепешек и других вкусных вещей. Истратив всю рупию, он почти бегом припустился домой и, войдя в лачугу, выложил покупки перед мальчуганом. У того при виде еды потекли слюнки. Он широко улыбнулся.

— Смеешься, плут ты этакий! — захихикал старик,

наливая воду из глиняного кувшина. — Ну, давай закусывай. А еще плакать собирался.

Они уселись рядом, словно старые закадычные друзья, и принялись за еду. Наевшись, улеглись спать. Свернувшись клубочком в уголке, мальчик укрылся старым пиджаком своего друга, и вскоре старик услышал его ровное дыхание.

— Думал, хоть сегодня выпью как следует да засну крепко, — пробормотал он. — И откуда этот маленький плакса свалился на мою голову, мошенник этакий!..

* * *

Проснувшись на следующее утро, старик озабоченно осмотрел свою убогую лачугу, взглянул на мальчугана, который продолжал мирно спать, и задумался. «Кто виноват в том, что этим малышам так плохо живется? — с болью спрашивал он себя. — Ах судьба, судьба! Да, теперь, выходит, я стал чем-то вроде отца семейства? Если я оставлю его у себя, появится уйма хлопот. Вот еще не было печали!.. И чего это я так разжалобился? До сих пор бутылочка всегда выручала — выпьешь и забудешь обо всем. Оттого, что этот маленький плутишка будет жить у меня, жизнь не станет легче! Что же я буду делать? Разве за работу приняться? Да где ее взять? Нет, уж лучше прогоню его».

Мальчик, зевнув, потянулся и открыл глаза.

— Ну, брат, вставай, закусим чего-нибудь, — проговорил старик. — А потом ступай себе подобру-поздорову. Как звать-то тебя?

— Мадхуа, — ответил мальчуган, весело улыбнувшись. — Что ж, — добавил он, — так и прогонишь, даже умыться не дашь? А куда мне идти?

«Куда, куда?» Да скажу прямо, чтоб проваливал ко всем чертям! — подумал старик и рассердился на самого себя. — Но ведь он и так до сих пор по-настоящему не жил... Что же делать?» Занятый этими мыслями, старик направился к двери и вдруг строго сказал:

— Смотри, негодник, сиди здесь и никуда не ходи, пока я не вернусь.

Выйдя из лачуги, он поплелся на берег Гóмти, горько усмехаясь: сколько ни думай, а ничего в голову не приходит. Совершив омовение, он уселся на солнышке, молча

глядя на раскинувшуюся перед ним реку. Пригревшись, он уже готов был забыть обо всех тревогах, как вдруг кто-то окликнул его:

— Эй, братец, разве так поступают добрые люди? Целыми месяцами где-то пропадаешь! А я уж отчаялся найти тебя.

Вздрогнув, старик оглянулся. Где же он видел этого человека?

— Тебе говорю, — снова заговорил незнакомец. — Слышишь? Забери ты от меня свой точильный станок, а не то нынче же выброшу его на улицу. Плачу за свою несчастную каморку две рупии, а из-за твоего барахла и повернуться негде.

— А, это ты, Рам! Сразу-то я и не узнал тебя — совсем память отшибло. Да ты не беспокойся, сегодня же заберу все, — сказал старик.

«Вот и хорошо, — подумал он: — продам станок — недельку будет что есть».

Когда Рам искупался, они направились к его хижине, стоявшей неподалеку.

— Забирай! Наконец-то я от него избавился! — сказал Рам, отдавая станок старику.

Да, давно уж не приходилось старому точильщику таскать свой станок. Добравшись до лачуги, он увидел, что мальчик по-прежнему сидит в уголке.

— Ну как, поел что-нибудь? — спросил старик, тяжело дыша и утирая пот.

— А как же, поел и тебе еще кое-что оставил, — улыбаясь, ответил мальчик, и старику показалось, что от улыбки в лачуге стало светлее.

«Видно, от судьбы не уйдешь, — подумал он, молча принимаясь за еду. — Буду опять ходить по дворам, точить ножи-ножницы. Конечно, если бы не мальчишка, я прокормился бы и своими рассказами. А теперь уж не придешь домой с пустыми руками».

— Ну как, Мадхуа, куда пойдешь? — спросил старик, напившись воды. — Смотри-ка! Ты что думаешь, у меня здесь клад зарыт? Я буду доставать из него денежки и покупать тебе сласти, да?

— Значит, работать надо.

— Ишь какой! А будешь работать?

— Только скажи...

— Хорошо, с завтрашнего дня будешь ходить со мной, для тебя я и принес эту штуку. Нынче же научу тебя точильному делу. Только жить, может, придется где попало. Сможешь ночевать под деревом?

— Лучше жить где угодно, только не возвращаться к помещику.

Старик пристально посмотрел на мальчика. В глазах Мадхуа он увидел твердую решимость.

«И откуда такая напасть на мою голову! — подумал старик. — Придется теперь, видно, отказаться от винца». Он собрал все свои пожитки в большой узел.

— Что понесешь? — спросил старик.

— Что прикажете...

— А что, если твой отец накроет нас?

— Никто нас не накроет. Пойдем, отец мой давно умер.

Старик удивленно посмотрел на Мадхуа и поставил на плечо станок. Мальчуган проворно взвалил на себя узел. Через минуту они уже дружно шагали по темной улице.

Вишвамбхарнатх Шарма Каушик
СЕРДЦЕ СТАРОГО СОЛДАТА

1

Тосподин, — смиренно проговорил старый Манохар Синх, — сейчас у меня нет денег. Разве я стал бы спорить, если бы они у меня были?.. Ведь долг, пока его не уплатишь, как камень висит на шее. Да вам-то бояться нечего: у вас заложено мое дерево. Если его продать, рупий двадцать пять — тридцать всегда можно выручить. Другого такого дерева ни у кого в деревне нет.

Но тхакур¹ Шивапал Синх был непреклонен:

— Если к долгу прибавить еще и проценты за полтора года, то как раз набирается двадцать пять рупий. Не заплатишь — прикажу срубить твое дерево.

— Не делайте этого, господин, не рубите дерево! — испуганно сказал Манохар Синх. — Деньги я отдам, а уж если не отдам, дерево будет ваше. Сделайте такую милость, не рубите дерево!

Тхакур Шивапал Синх засмеялся:

— Старый ты, Манохар, а говоришь глупости. Как же я деньги получу, если оставлю тебе дерево?

— Деньги, благодетель, я отдам, обязательно отдам, — горячо убеждал Манохар Синх.

— Ну хорошо, скажи точно, когда отдашь долг?

Манохар задумался.

— К концу недели, — наконец сказал он.

— Ладно, согласен. Но, уж если и на этот раз не отдашь, дерево мое, захочу — срублю, захочу — оставлю.

— Делайте, что угодно, только не рубите его.

— Будет так, как я решу. Но уж тогда проси не проси — ничего не поможет.

2

Манохару Синху было пятьдесят пять лет. Вся молодость его прошла в армии, и сейчас он был совершенно одинок. Никого у него не осталось: ни братьев, ни сестер. Кормился он у дальних родственников, которые жили в этой же деревне. Никто к нему не ходил, да и он ни к кому не заглядывал.

Год назад ему вдруг пришло в голову заняться земледелием. Он взял в аренду немного земли у тхакура Шивапала Синха и засеял ее. Но, на его несчастье, год был засушливый, на поле ничего не уродилось, и Манохар не мог уплатить арендную плату. На пенсию, которую получал Манохар Синх, с трудом удавалось сводить концы с концами. Тогда тхакур Шивапал Синх, не получив арендной платы, решил взять себе дерево ним, которое росло у входа в хижину Манохара. Дерево было старое: его посадил еще отец Манохара.

Выпросив отсрочку, Манохар Синх обегал всю дерев-

---

¹ Т х а к у р — помещик.

ню, всюду просил в долг, но денег никто ему не дал. «Кто знает, долго ли проживет старик», — думали люди. Получив везде отказ, Манохар с тревогой ждал конца недели.

Был полдень. Манохар Синх лежал на кровати под своим старым деревом. Легкими порывами налетал теплый ветерок. «Если до послезавтра не достану денег, — думал Манохар, — тхакур прикажет срубить дерево, посаженное руками отца. Мне и моей семье оно всегда давало тень и ветки, которыми мы чистили зубы. И вот теперь тхакур прикажет срубить дерево».

Удрученный этой мыслью, Манохар Синх сел на кровати и, повернувшись к дереву, заговорил:

— Только ты одно во всем мире бескорыстно помогал и служило мне, мое старое дерево. Я будто сейчас вижу перед собой, как отец поливает тебя. Тогда ты было еще совсем юным, и я носил тебе воду из пруда. «Манохар, сынок, — говорил, бывало, отец, — это дерево будет расти в память обо мне. Пока это дерево будет служить тебе и твоим детям, вы будете помнить о старике». Да, уже сорок лет прошло, как умер отец. Он был прав — ты всегда напоминало о его славной жизни. И, пока ты живешь, люди не забудут отца. Немало полазил я со своими друзьями по твоим веткам. А сейчас во всем мире только ты у меня и осталось, мой старый друг. И этот негодяй хочет срубить тебя! Ну, мы еще посмотрим!

В это время с дерева спустился на землю соседский мальчишка. Увидев старого Манохара, разговаривающего с самим собой, он спросил:

— Дядя Манохар, с кем ты говоришь? Ведь тут никого нет.

Старик, очнувшись, взглянул на мальчугана:

— С кем говорю? Со своей судьбой, сынок. Видишь ли, тхакуру Шивапалу Синху нужно получить с меня деньги. Но ведь ты знаешь, сынок, в прошлом году не уродилось ни зерна. Если бы деньги были, разве я не уплатил бы аренду? Вот он и грозит срубить это дерево, которое еще мой отец посадил своими руками! Да, уж если приходится все это терпеть, значит все на свете переменялось... Я весь свой век в армии служил, сынок, многое повидал, понюхал порошу... А он что знает, да и откуда он появился, этот тхакур. Эх, была бы сила — показал бы я ему!.. Дал бы ему разок!.. Я даже большим

господам никогда не позволял себя обижать. А он кто? Холуй у большого тхакура! Начнись, к примеру, сейчас пальба — только его и видали, сразу спрячется под юбкой у жены. А я никогда ничего не боялся, прямо на пушку шел. Но времена меняются, сынок. Другой человек никогда и пушки-то не видал, а он и бахадур¹, он и тхакур. Этот герой все орет на меня: «Давай деньги, не то срублю дерево!» Посмотрим, как ты его срубишь! Хоть я и стар, но за себя еще постою. Вот возьму саблю... Да, сынок, видно, смерть не за горами. Из стольких сражений я живой воротился, — пусть здесь тоже будет сражение. Но только, пока я жив, никто не тронет ни одной ветки. Для него деньги дороже жизни, но бог свидетель, — что я могу сделать, если у меня их нет? Нет, не буду я сидеть спокойно и глядеть, как рубят отцовское дерево.

— Дядя, — беззаботно сказал Теджа, — что толку от разговоров? Хотят срубить — ну и пусть рубят. Какая тебе польза от этого дерева? Деревья ведь всегда рубят.

Манохар Синх рассердился:

— Мал ты еще и ничего не понимаешь! Это дерево не простое. Оно мне точно брат родной. Да я его и считаю своим братом. Ведь его своими руками посадил мой отец. С этим деревом мы подружились еще тогда, когда я был меньше тебя. Сколько лет я играл на нем, сколько лет ел его сладкие плоды! А зубы — так до сих пор чищу этими ветками. В деревне много деревьев, но, клянусь, я никогда в жизни по чужим деревьям не лазил. Какая нужда лазить по чужим деревьям, если у самого твоего дома стоит такой красавец! Да ветки от других деревьев и не такие приятные для зубов...

— Дядя Манохар, а если не отдашь деньги, они обязательно срубят? — спросил Теджа.

— Бог свидетель, сынок: были бы у меня деньги, я разве стал бы спорить! — со вздохом продолжал Манохар. — Но что подделаешь: нету денег-то. И продать нечего. Самому невесело от этого. Всю деревню обошел — никто не дает займы. Ну что тут делать? Правду говорю, сынок: большое горе будет для меня, если срубят дерево, черными станут мои последние дни. До сих пор я и забот не знал — был сыт, молился богу, — а сейчас горе будет мне, великое горе.

¹ Бахадур — здесь: почетный титул.

Глаза старого Манохара Синха наполнились слезами.

Увидев, как расстроен старый Манохар, Теджа тоже очень огорчился. Мальчик был сыном богатого крестьянина, ежегодно засевавшего полторы-две сотни бигхов¹ земли. Манохара Синха Теджа всегда звал дядей.

— Дядя Манохар, а отцу ты говорил? — спросил Теджа.

— Всем говорил, сынок. Отец-то твой сейчас большой человек стал. Разве станет он слушать, что ему говорит такой бедняк, как я? Было время, когда он дневал и ночевал у меня. Если дома у них была ссора, он всегда прибегал ко мне, да так дня по три и жил. Да... А теперь загордился твой отец, нос воротит... Потому и говорю я — меняются времена...

— А сколько надо денег, чтобы спасти дерево?

— Двадцать пять рупий.

— Двадцать пять рупий — это много, дядя?

— Если их нет, то много. А если б были, так и не так уж много.

— Если бы надо было рупий пять — десять, я бы уж где-нибудь для тебя достал.

— Да хранит тебя бог, сынок! Ты хоть словом помог старику, а люди и этого не сделали. Ну что ж, посмотрим. Пока я жив, никто не тронет это дерево!..

3

Неделя прошла, но Манохар Синх так и не достал денег. Он понимал, что теперь трудно будет спасти дерево, однако твердо решил, что никому не позволит срубить его. Теперь он проводил все дни, лежа под деревом с начищенной саблей у изголовья.

На восьмой день после полудня Шивапал Синх позвал к себе Манохара Синха. Старик с саблей у пояса, по-солдатски выпятив грудь, предстал перед тхакуром.

Однако brave вид старика только рассмешил Шивапала Синха и его свиту.

— Ну что же, Манохар Синх, — заговорил тхакур, — неделя прошла, и дерево теперь принадлежит мне. Сейчас я прикажу срубить его.

— Ваша власть! — Голос старика звучал твердо: —

---

¹ Бигх — мера земли, около 1/4 гектара.

Были бы у меня деньги, я отдал бы в тот же час. И сейчас, если найду, сразу отдам. Я служил в армии и обманивать не привык.

— Все это так, но дерево твое мы все-таки срубим.

— Мне сказать нечего. Что хотите, то и делайте, — и Манохар Синх удалился так же величественно, как и пришел, гордо выпятив грудь и твердо ставя ногу.

Придя домой, он снова уселся на кровать под деревом.

Вечером, увидя, что несколько человек с топорами в руках направляются к его хижине, старик вынул саблю из ножен и, став перед деревом, прокричал:

— Берегись! Если чей-нибудь топор коснется дерева, убью, себя не пожалею!

Рабочие, услышав крик старика и увидев саблю, разбежались.

Когда весть об этом дошла до Шивапала Синха, он сначала смеялся до слез, но потом рассердился и даже покраснел от злости.

— Этого еще не хватало! Дерево теперь мое: хочу — срублю, хочу — оставлю. Кто он такой? Идите за мной. Посмотрим, что он сделает!

Прихватив с собой рабочих и двух молодцов с дубинками, тхакур двинулся к хижине старика. Заметив их приближение, старик снова обнажил саблю.

— В чем дело, Манохар? — проговорил Шивапал Синх, подходя к нему.

— Пока я жив, — твердо отвечал Манохар Синх, — никто не тронет это дерево. Я знаю, что теперь оно принадлежит вам, но я не могу дать его срубить.

— А я не соглашусь оставить его.

— Господин тхакур, — решительно заявил Манохар, — вы, конечно, можете приказать срубить это дерево, но я, пока жив, буду защищать его.

— Вы что стоите? — закричал тхакур своим людям. — Хватайте старика и принимайтесь за дерево!

Но в это время к старику подбежал Теджа и сунул ему в руку деньги.

— Бери, дядя Манохар, — сказал он, — теперь твое дерево не тронут.

— Так как же, господин тхакур, — спросил Манохар Синх, — берете деньги или у вас хватит духу срубить дерево?

— Не нужны мне никакие деньги! — завопил тхакур. — Срок прошел, дереву твоему конец!

Гордо выпрямившись, Манохар Синх сказал:

— Теперь я вижу, что вы хотите срубить дерево лишь для того, чтобы причинить мне горе. Ну что ж, рубите... Посмотрю я, как вы будете его рубить!..

К этому времени все в деревне уже знали, что Шивапал Синх хочет срубить дерево Манохара Синха, а старик обнажил саблю и никого не подпускает к нему. У хижины Манохара собралась целая толпа.

— Что случилось, Манохар Синх? — обратились к старику самые почтенные из хозяев.

Рассказав все по порядку, Манохар Синх заключил:

— Я отдаю деньги, а тхакур не берет — говорит, что срок вышел еще вчера...

— Если бы он вчера отдал деньги, то я не имел бы права на дерево, а сейчас я непременно срублю его, — перебил Манохара Шивапал Синх.

— Если вчера у него не было денег, то откуда взялись они нынче? — спросил кто-то из толпы.

— Это ему Теджа притащил, — ответил один из людей тхакура.

Услышав об этом, отец Теджи грозно обратился к сыну:

— Ты что же, украл деньги? То-то ты весь день плел мне небылицы!.. Манохар, — сказал он старику, — эти деньги Теджа стащил у меня из сундука. Это мои деньги.

Манохар швырнул ему деньги.

— Твои — так возьми. Я не просил их у твоего сына. Ты плохо поступил, сынок, — продолжал он, обращаясь к мальчику. — Воровством занялся?.. Рам-рам¹. Опозорить меня, старика, захотел... Люди могут подумать, что это я подбил тебя на такое дело.

Шивапал Синх рассмеялся:

— Ну что, Манохар, где твои деньги? Давай их сюда. Давай же, я готов принять их. Или выкладывай деньги, или проваливай прочь с дороги! Умел занимать — умеи и расплачиваться!

— Господин тхакур, какой толк насмехаться над стариком? — сказал Манохар. — Денег у меня, правда, нет, но только дерево рубить я все равно не дам.

---

¹ Р а м - р а м — восклицание вроде русского «о боже».

Тогда Шивапал Синх воззвал к присутствующим:

— Люди, послушайте и рассудите по справедливости. Срок кончился еще вчера, а деньги я и сейчас готов принять. Я тут не виноват, старик зря ссору затевает.

Услышав слова тхакура, Теджа выскочил вперед и, сняв с пальца кольцо, подбежал к Шивапалу Синху:

— Господин тхакур, здесь целая то́ла¹ золота. Продайте — получите ваши деньги. Берите кольцо. Отец тут ни при чем, — это кольцо подарила мне бабушка.

И все удивились, услышав слова этого мальчика.

Отец Теджи выступил из толпы:

— Берите, господин тхакур, кольцо стоит ваших денег, а дерево не трогайте. Вы ведь только что сами говорили: получу деньги — дерево не трону. Уж если дали слово, держите его.

Тхакур растерялся. Он был уверен, что Манохару денег не найти, поэтому он и согласился принять их. А сейчас уж ничего нельзя сказать: на глазах у всех согласился взять деньги. Забрав кольцо, он молча удалился.

После ухода тхакура Манохар Синх подозвал к себе Теджу.

— Ты спас дерево, сынок, — растроганно сказал он, обняв его, — и я дарю его тебе. Теперь ты будешь его хозяином и сохранишь после моей смерти.

И, вкладывая саблю в ножны, он добавил:

— Пока я жив, никто не тронет дерево. Тот, кто решится на это, живым не уйдет. Не зря мы служили в армии и бывали в сражениях. А тут, скажи на милость, какой начальник явился!

¹ То́ла — мера веса, равная примерно 12 граммам.

С у д а р ш а н

СЛУЧАЙ В ДЕЙСТВЕ

Как жаль, что дни детства, светлые и радостные, как залитый солнцем весенний сад, уже отошли безвозвратно! При одном воспоминании о беззаботной жизни, полной безудержного веселья, о золотой поре детских игр и развлечений, сердце невольно сжимается от боли. Удивительное это было время, и пролетело оно быстро, как сон! Иногда кажется, что все это происходило не дальше как вчера. А ведь с тех пор прошло уже много лет, и мир успел во многом измениться. Но стоит только на минуту погрузиться в воспоми-

нения, как картины той невозвратной поры начинают сменять одна другую, как кадры кино. Грязная сумка, с которой бегал в школу, забрызганные чернильными пятнами тетради с рядами старательно выписанных неуклюжих букв, разноцветные стеклянные шарики, которыми, как правило, были набиты все карманы, верные друзья детства — все это, вероятно, не забудется до конца жизни. Радость, которая охватывала вас в детстве, когда вам дарили всего лишь одну блестящую пайсу, вы уже не способны испытывать сейчас, получая сотни и даже тысячи рупий. Тот восторг, с которым вы принимали подаренный вам обыкновенный резиновый мяч, ныне не могут вызвать даже высокие назначения и чины... Да, с годами глубоко меняется взгляд на жизнь.

Нас было трое детей в семье: я, мой брат Вишну и сестра Мохини. Больше всех родители любили меня, самого младшего. А мать — та вообще души во мне не чаяла. Не было случая, чтобы мне отказали в чем-нибудь.

Если покупали фрукты или сласти, то самая большая доля доставалась мне. Если брату или сестре шили новое платье, то для меня заказывали еще лучшее. Брат и сестра не могли спокойно смотреть на такую несправедливость. Они сердились на меня и обижались на мать. Но их обиды не могли изменить отношение родителей ко мне. На моей стороне всегда стояла мать. Она, это живое воплощение материнской любви и ласки, давно уже покинула этот бренный мир, но ее улыбающееся, светлое лицо, весь ее чистый, благородный облик я свято храню в своем сердце. Отец работал в Симле, изредка навещая нас, поэтому отсутствие отцовской ласки приходилось восполнять матери. И сегодня, вспоминая детство, мне кажется, что дороже матери нет никого на свете. Отчетливо, как будто это было вчера, вспоминается, как однажды, не смотря на мои слезы и вопли, мать уехала куда-то на несколько дней, оставив меня на попечение сестры. Это был первый случай, когда мать не взяла меня с собой. Когда перед уходом она ласково позвала меня, чтобы проститься, я со слезами забился в угол и прокричал ей оттуда:

— Никогда теперь не буду разговаривать с тобой!

Мать улыбнулась и, любовно взглянув на меня, протянула мне четыре блестящие пайсы, как бы желая щед-

рым подарком искупить свою вину, но я не взял их. Пока она находилась в комнате, я упрямо стоял в своем углу и сердито, исподлобья смотрел на нее. Но стоило ей только перешагнуть порог, как я с криком бросился к двери, словно теленок, которого оторвали от вымени. Сестра крепко держала меня. Я отчаянно рвался, царапался, кусался, но она все же не отпустила меня, пока мать не скрылась за поворотом.

Я загрустил. До этого мать никогда не покидала нас, и я даже представить себе не хотел, что она может надолго уехать из дому. Когда за ней закрылась дверь, у меня было такое ощущение, словно в целом свете я остался один и мать уже больше не вернется домой. Светлый день сразу стал для меня чернее самой черной ночи.

Вишну с шумом носился по комнатам и приглашал сестру принять участие в его забавах, но ей было не до игр. Она старалась чем-нибудь развлечь меня и самоотверженно отдала мне все свои сбережения — несколько блестящих медных пайс. Благодаря ее стараниям я уже через полчаса весело играл и прыгал вместе с братом, а сестра зорко наблюдала за нами.

В эти дни Мохини очень заботилась о нас, особенно обо мне. Когда кончались уроки в школе, она, стоя на пороге дома, терпеливо ожидала моего возвращения. Завидев меня, она спешила мне навстречу, целовала меня.

— Я уже все глаза проглядела, — обычно говорила она. — Скорей мой руки и садись обедать.

Вечером, убрав со стола посуду и приготовив постели, сестра вела нас спать. Меня она укладывала рядом с собой и, пока мы не засыпали, рассказывала чудесные сказки: о принцессе цветов, о золотой реке, о зеленой волшебнице. Казалось, на время своего отсутствия мать передала дочери не только заботу, но и всю свою любовь к нам. Иногда у меня даже возникало сомнение, уж не мать ли это вернулась, не ее ли я вижу перед собой.

Так спокойно и весело прошло пять дней. На шестой день утром, перед уходом в школу, я вдруг заметил на полке новенькую серебряную рупию. Сердце у меня ёкнуло при одной мысли, что, имея я эти деньги, я мог бы получить массу удовольствий и стать первым богачом среди учеников нашего класса. Стоит только показать их в школе — и дети самых богатых людей умрут от зависти.

На эту рупию можно закупить всяких сластей: леденцов и необыкновенно вкусных кисло-сладких конфет. Все будут просить их у меня, бегать за мной... Затем я обязательно куплю жевательную резинку, несколько переводных картинок и, наконец, большой резиновый мяч.

Но что будет, если воровство откроется? Тогда, конечно, накажут — так отделают спину, что ничему не будешь рад, ни леденцам, ни картинкам... Я с трудом отвел глаза от блестящего кусочка металла, лежавшего на полке, и уже совсем было собрался идти, но голова опять невольно повернулась в ту сторону, где лежала рупия. Печенье, леденцы, конфеты, жевательная резинка и резиновый мяч — все это снова встало перед моими глазами, звало, манило... Ноги, уже направлявшиеся к двери, словно вросли в пол. Кто меня увидит? Кто узнает?.. А если спросят, я наотрез откажусь: откуда, мол, мне знать, кто взял? Я даже и в глаза не видел эту рупию. Мне каждый день дают целую пайсу — зачем мне рупия?

Оглянувшись — кругом ни души. Сестра чем-то занята во дворе, а Вишну, зажав книги под мышкой, весело бежит к школе, на ходу подбрасывая мяч. Я был один, и передо мной на полке тускло поблескивал новенький серебряный кружочек. С замирающим сердцем я протянул руку и, схватив рупию, поспешно сунул в карман.

Прибежав в школу, я так радовался, словно мне достался по меньшей мере царский престол. Тут уж было не до уроков. Разве можно внимательно слушать учителя, если у тебя в кармане лежит целая рупия? Я то и дело ощупывал карман, чтобы убедиться, что она цела. Наконец прозвенел звонок — большая перемена. Стремглав выскочив из класса, я помчался к лоточнику и прежде всего купил на одну анну кисло-сладких конфет и на анну жевательной резинки. Ссыпав в карман сдачу — целых четырнадцать анн, — я важной походкой не спеша направился к школе. От сознания собственной важности я не чувствовал под собой ног. На виду у всех я небрежно сосал конфеты и гордо поглядывал на остальных учеников.

Через несколько минут о моем сказочном богатстве знал весь класс. Ученики спорили друг с другом, силой отстаивали право сидеть со мной рядом. На следующей пе-

ремене трое моих прежних врагов стали моими лучшими друзьями. Да и как им было не подружиться со мной, когда они узнали не только о моих капиталах, но и о том, что своих друзей я угощаю щедрой рукой.

Теперь необходимо было срочно решить, на что истратить такие большие деньги. Почти полчаса мы обсуждали этот важный вопрос и в конце концов пришли к единодушному решению попробовать дахибарэ — кислого молока с тянучками. Нас было четверо, и я истратил на каждого по одной анне — всего четверть рупии! Но какое это имело значение для такого богача, как я: ведь у меня оставалось еще целых десять анн. Когда покончили с дахибарэ, я угостил всех сдобными лепешками, истратив одну анну. Потом я купил на всю компанию сластей и по-братски разделил их на четыре равные части. Из-за отвисших карманов штанишки поминутно сползали с меня, и их приходилось поддерживать рукой. Когда нам на глаза попалась лавка, где продавали печенье, мы, конечно, не могли пройти мимо такой благодати, и я купил на четыре анны печенье. Вся компания принялась за обе щеки уплетать его. Я до сих пор ясно помню, какое оно было рассыпчатое и ароматное, просто таяло во рту. С тех пор я много раз ел печенье, но никогда больше не встречал такого вкусного. Наевшись до отвала, я завернул остатки в бумагу и положил в сумку под книги. Туда же сложил и остальные покупки: жевательную резинку, переводные картинки, флакон с чернилами, а также оставшиеся деньги. Кроме сумки, у меня не было другого надежного тайника.

Тем временем начало темнеть. Я заволновался — моя задержка может вызвать дома подозрение. Побystрее распрощавшись со своими друзьями, я помчался домой.

К моему удивлению, сестра все еще стояла на пороге. Она побежала мне навстречу, ласково выговаривая:

— Где это ты так засиделся? Видно, и не подумал о том, что сестра беспокоится, все глаза проглядела.

Я еще раньше предполагал, что меня будут расспрашивать, и поэтому ответ был у меня на языке.

— На площади бродячий фокусник с медведем представление давал, — не задумываясь, ответил я, — и я так загляделся, что не заметил, как вечер наступил. Ох, и интересно было!

С этими словами я поспешил пройти в комнату, чтобы сестра ненароком не заглянула в сумку.

— Мой руки да иди скорее кушать, — сказала сестра. — Вишну уже давно пообедал.

Какой уж тут обед! Мне казалось, что я наелся на неделю вперед. Но что сказать сестре?

— У меня нынче целый день почему-то живот болит, — проговорил я, сморщив лицо. — И аппетита совсем нет.

Сестра ласково взяла меня за руку.

— Что же это с тобой? — заглядывая мне в глаза, озабоченно спросила она.

Что оставалось мне сказать?

— Не знаю, — ответил я, не придумав ничего другого.

— Я сейчас принесу анисового семени, — сказала сестра. — Скушаешь — и сразу пройдет вся боль. Почему качаешь головой?

— Не надо, сестрица. Я не буду есть семя, — отказывался я. — Уж очень оно горькое.

— Но ведь от него сразу все пройдет.

— Да у меня сейчас уже почти и не болит.

Вишну, игравший в углу двора и слышавший наш разговор, крикнул издали:

— Обманывает он. Давай деньги, я сейчас сбегая за анисом. Не то он всю ночь будет реветь. Потом с меня же спросишь: почему, мол, не пошел? И еще пошлешь ночью. А я боюсь ходить в темноте... Если сейчас он не примет анису, он потом никому спать не даст. Я правду говорю.

— Не ходи, не надо, — остановил я брата. — Всегда ты лезешь не в свое дело!

— Ночью разболится живот — сам будешь просить, да никто не пойдет для вашей милости...

— А у тебя разве никогда не болит живот? — не стерпел я. — И лихорадка у тебя никогда не бывает? Если ты для меня не хочешь сходить, то и я никогда больше не пойду за лекарством для тебя.

— А почему бы тебе сейчас не выпить анисового отвара? — вмешалась сестра. — Если положить в него сахару, то он совсем не горький. Надо только сразу проглотить.

— Зачем же мне пить, если у меня ничего не болит? — возражал я. — Не надо мне никакого лекарства.

Сестра замолчала и отправилась на кухню. А я был рад уж тому, что пропажа рупии до сих пор осталась не-

замеченной. Однако на следующее утро, еще лежа в постели, я услышал, как Мохини говорила брату:

— Эй, Вишну! Сейчас же отдай рупию, не то тебе здорово достанется от мамы.

— Да я и не видел твою рупию! Что же я тебе отдам?

— Так куда ж она делась? Сама, что ли, убежала?

— А откуда я знаю? Наверное, Хари взял.

Сердце у меня ушло в пятки, но я продолжал лежать с закрытыми глазами, словно еще не проснулся.

— Хари не стал бы брать деньги, — возразила сестра. — Я ни капельки не сомневаюсь в нем. Это все твои проделки. Сейчас же отдай назад, пока не поздно! Иначе пожалеешь, когда мама вернется. Как только она придет, я все ей расскажу.

— Говори хоть сто раз, хоть тысячу, — спокойно отвечал Вишну. — Если я не брал, мне нечего бояться.

— Кто же, по-твоему, взял ее?

— Хари... Ну да, Хари! — внезапно завопил брат. — Конечно, он! Вот почему вчера вечером у него аппетита не было! — Вишну прищелкнул пальцами. — Его милость, наверное, с друзьями сластей наелся. Понятно...

При этих словах даже у сестры, видно, зародилось сомнение в моей честности. Войдя в спальню, она уселась на моей постели и стала потихоньку будить меня:

— Хари! А Хари!

Я продолжал лежать без движения.

— Хари! — Сестра тряхнула меня за плечо.

Я по-прежнему притворялся спящим.

— Хари! — крикнула наконец она над самым ухом.

Я вскочил как ошпаренный и сел на кровати, протирая глаза, но посмотреть на сестру так и не отважился.

— Ты не брал рупию с полки? — спросила она.

Я сделал удивленное лицо:

— Я?!

— Да, ты. Если взял, то сейчас же отдай... Не отдашь — пеняй на себя: сегодня возвращается мама. Сейчас она, наверное, уже на станции.

— Я не брал рупии, — стараясь держаться как можно спокойнее, отвечал я. — Я даже не видел ее. И к полке не подходил.

— Странное дело, — удивилась сестра, — ты не брал, Вишну не брал, — значит, к нам вору забрались?

— Откуда мне это знать? Я не видал, — продолжал я обиженно. — Поищи хорошенько. Наверное, мыши куда-нибудь ее закатали.

— Мыши, говоришь, закатали? — подхватила она со смехом. — Хорошее дело — мыши! Ну, Хари, теперь я уверена, что это ты стащил рупию. Куда ты ее спрятал?

Но я расплакался и твердил свое:

— Не видал я никакой рупии!

В это время в комнату вбежал Вишну и швырнул мою сумку к ногам сестры.

— Вот, сестрица! Ты посмотри только, что он там собрал: и жевательная резинка, и печенье, и лепешки, и деньги. Спроси-ка, откуда у него все это? А ты еще мне не верила. Скажи теперь, кто из нас вор?

Сестра внимательно осмотрела все вещи и, сосчитав оставшуюся мелочь, медленно сказала:

— От целой рупии у тебя осталось всего две анны. А четырнадцать анн, ты, значит, проел? — Она укоризненно покачала головой. — Он, видите ли, аппетита лишился... Чем же это ты отбил себе аппетит?

У меня даже во рту пересохло. Язык, казалось, прилип к нёбу и не мог шевельнуться. Глядя в пол, я молчал, а в голове одна за другой проносились беспорядочные мысли: «Что-то теперь будет? Вчера лакомился, а нынче, видно, придется отведасть ремня!»

Я хотел убежать в школу, не позавтракав, но, как на грех, сегодня было воскресенье: судьба преградила мне последний путь к отступлению. Пожалуй, если бы сегодня не приезжала мать, я был бы спасен. Задержись она на денек-другой — у меня бы могла начаться лихорадка или воспаление легких... Эх, хорошо, если бы сейчас обвалилась крыша и придавила меня! Но, как видно, разгневанный всевышний не хотел меня пожалеть: через четверть часа мать была уже дома.

В другое время, завидев ее, я, наверное, радостно пригнал бы к ее ногам, но сегодня радоваться было нечему. Наоборот, завидев мать в дверях, я бросился в комнату и спрятался в темном углу. Однако Вишну, несносный, не мог помолчать и минуты. Не успела мать пройти в комнату, как он выложил:

— Мама! А Хари вчера украл рупию!

Мать и так приехала сердитая (поссорилась с кем-ни-

будь в поезде или по другой причине — не знаю), и сообщение Вишну только подлило масла в огонь.

— Что тут случилось. Мохини? — спросила она.

— Ничего особенного, мама, — отвечала сестра. — Ты, наверное, хочешь помыться с дороги.

— После помоюсь. Сейчас же позови Хари. Подумать только, неделю пробыл без меня и уже воровать научился!

— Он там, мама, спрятался в углу, — опять высочил Вишну. — Как только увидел тебя, так сразу же удрал. Целых четырнадцать анн истратил! От рупии только две анны осталось. Вчера целый день печенье жрал, а вечером стал жаловаться, что живот болит...

— Уберешься ты отсюда или нет?! — закричала на него сестра. — Прибежал, даже запыхался, будто радостную весть принес! Я думаю, ты не лопнул бы, если бы помолчал еще минуты две!

— В один день — целых четырнадцать анн? — изумленно всплеснула руками мать. — Да где же он? Я ему сейчас покажу, как воровать!.. Хари! Эй, Хари! Иди-ка сюда, да поживее! Где ты там спрятался?

Выйдя из своего угла, я молча стал перед матерью: сердце у меня словно остановилось.

— Ты украл рупию? — медленно спросила мать.

Слезы текли у меня по щекам. Судорожно глотнув воздухом, я только утвердительно кивнул головой.

— Что же ты стоишь, словно в рот воды набрал?

Я молчал.

— У тебя что, язык отнялся? А может, ты оглох?

«Что мне делать? Что сказать?»

От стыда я не мог произнести ни слова. Но мое молчание еще больше выводило мать из себя. Наконец терпение ее лопнуло.

— Будешь ты говорить или нет? — закричала она, схватив скалку. — Зачем украл рупию?

Закрыв лицо руками, я жалобно пропищал:

— Я больше не буду!

Но в этот момент скалка уже опустилась на мою спину. У меня вырвалось отчаянное «ай!», однако больше я не произнес ни звука. Мать снова замахнулась скалкой — снова короткое «ай» прозвучало в комнате, и тут же воцарилось молчание. В течение нескольких минут я терпеливо выносил удары. Стоило мне тогда заплакать — и наказа-

ние оказалось бы гораздо мягче, но, увы, в то время я еще не знал этой маленькой хитрости. Ведь взрослые всегда так рассуждают: если ребенок не плачет — значит, он не чувствует вины, и поэтому наказать его надо строже. Хорошо, что вовремя подросла сестра и спасла меня, иначе меня ждало бы еще более суровое наказание.

В полдень сестра пробралась ко мне в комнату и, погладив по голове, ласково сказала:

— Иди попроси прощения у мамы, не то она выгонит тебя из дому.

Покорно подойдя к матери, я поднес ко лбу молитвенно сложенные руки и сказал:

— Я больше никогда не буду.

Мать нежно прижала меня к своей груди и неожиданно расплакалась.

— Сынок! Дорогой! Как же это ты мог украсть? Если бы ты не брал эту злополучную рупию, никто бы тебя и пальцем не тронул. В гневе я не сдержалась, а теперь места себе не нахожу.

Она велела купить на базаре топленого молока и сама напоила меня. Когда я выпил все молоко, она посадила меня к себе на колени, ласково обняла и сказала:

— Сынок! Ведь твой отец и мать, а в школе учитель всю жизнь трудятся для твоего же блага. На них никогда не надо обижаться, даже если они и накажут.

А несколько дней спустя учитель за какой-то пустяк так наказал меня, словно я по крайней мере совершил убийство. Но после этого он не поил меня топленым молоком и не гладил по голове — он тут же забыл обо мне. А я сидел и думал о том, что мать и учитель наказывают совсем по-разному...

Джайнендра Кумар
ВОСПИТАНИЕ

Тосподину Рамратану трудно понять Рамчарана. Казалось бы, мальчик учится, живет в семье. Однако, когда к нему обращаются, он не слушает и никогда сразу не отвечает. Если у него что-нибудь не ладится, он сердится. Потом раздражение проходит, но он долго еще кажется недовольным самим собой, а то неизвестно отчего вдруг становится кротким и послушным.

Таковы уж все дети в тринадцать лет. Что-то с ними происходит в это время. Они уже не совсем дети, но еще и не взрослые. Такого уже не приласкаешь, как малыша, но с ним и не посоветуешься, как с товарищем. Невозможно определить, когда ребенок превращается во взрослого. И трудно сказать, когда и откуда приходит к нему чувство собственного достоинства, проявления которого приходится опасаться в разговоре с ним.

Отцу легче. Ему не приходится много бывать дома: в девять утра он собирается на службу и возвращается, когда стемнеет. А там и до сна остается какой-нибудь час, если не считать времени, проведенного за ужином.

Но Динмани, несмотря на поздний час, не может сомкнуть глаз: ее тревожит Рамчаран. Она без конца думает о нем, советуется с другими женщинами, но так и не может ничего придумать. Она знает, что он скромный и честный мальчик, что у него нет дурных привычек, что он читает только хорошие религиозные книги, но в душу его она не может заглянуть. Душа его скрыта от нее. Десять раз ему нужно повторять одно и то же, пока дождешься ответа. Поэтому она целыми днями ссорится с ним. Бывает, у Динмани уже отваливается язык, но Рамчаран остается непоколебим. Она жалуется на свою горькую участь, ругается, грозит, но сын все равно делает то, что считает нужным, и Динмани умолкает, не зная, что предпринять.

Теперь Динмани, наученная горьким опытом, почти совсем перестала разговаривать с Рамчараном и, если ей что-нибудь нужно, обращается к отцу.

Пробило восемь часов, пора отправляться в школу, а Рамчаран все еще валяется в постели. Все соседские ребята уже ушли, на дворе становилось жарко, а Рамчаран и не думал вставать.

— Послушай, — сказала Динмани мужу, — уже столько времени, а мальчик все еще спит. Разве ему не надо идти в школу? Почему ты не разбудишь его?

Рамратан, читая газету, мечтал о том, чтобы скорее кончилась война.

— Что? Рамчаран? — спросил он рассеянно. — Ну и что же?

— Как — что же! — удивилась жена. — Когда же он встанет? Когда солнце будет над головой? Ты ничем не

хочешь мне помочь! Может быть, ты готовишь сына в раджи? Это ты избаловал его!

И за какие только прегрешения судьба послала Динмани такого сына и такого мужа!

— Ну, что такое? В чем дело? — рассердился Рамратан.

— «В чем дело»? Я тебе уже сотый раз говорю: пойдя подними своего любимца, ведь скоро девять.

— Рамчаран! — громко позвал Рамратан, войдя в комнату. — Ты встанешь на ноги или нет? Ты что, забыл про школу?

Рамчаран перевернулся на другой бок и посмотрел на отца. В глазах его сквозила невинная лень.

— Вставай, вставай, слышишь? — говорил отец.

Но Рамчаран, казалось, ничего не слышал. Слова отца не произвели на него никакого впечатления.

— Да ты встанешь или нет? — продолжал отец, стаскивая с него одеяло. — День уже давно начался, все ушли в школу, один ты спишь, как раджа!

Рамчаран потянулся и начал протирать глаза.

— Быстрее собирайся и отправляйся в школу. Это еще что за фокусы? Ты, видно, забыл, что тебе нужно заниматься?

Наконец Рамчаран поднялся с постели. Когда сын вышел, Динмани, молча наблюдавшая всю эту сцену, сказала, обращаясь к мужу:

— Посмотри на него. Ну и характер! С ним разговаривают, а он ушел куда-то! Да еще дуется.

Рамратан все еще держал в руках газету.

— Поддай ему завтрак, чтобы он мог поскорее пойти в школу, а то опоздает. Ведь он еще ребенок. Ну что из того, что он один раз не проснулся вовремя?

Динмани собралась было ответить, но Рамратан уже снова уселся в свое кресло, мысленно расстелив перед собой карту русско-германского фронта. Однако он никак не мог правильно расположить ее, потому что там, где он хотел видеть Ростов, вдруг появлялся Рамчаран. Сын не выходил у него из головы. Ведь мальчик не сирота. У него есть мать, отец, и все же кажется, будто он один в целом мире. Из-за своей службы Рамратан совсем не может уделить времени сыну. Мальчик становится чужим в доме.

В это время он услышал, как жена снова спорит с сыном. Оказалось, что Рамчаран (Динмани в шутку называла его бахадур-сахиб¹) не умылся, не вычистил зубы и не надел чистую рубашку.

— Смени рубашку, Рамчаран, — упрашивала Динмани.

— Я опаздываю, — ответил сын.

— Минутой раньше, минутой позже — какая разница. Не стоит из-за этого огорчать мать.

После этого Рамчаран переоделся и, взяв свои книги, собрался уходить.

Обычно он брал с собой четыре пайсы, чтобы купить что-нибудь на завтрак. Давая ему деньги, отец убеждал его ничего не покупать на базаре. Но слова его повисали в воздухе. Все же отец никогда не забывал платить этот своеобразный налог. Увидев, что сын уже уходит, он напомним:

— Разве ты сегодня не возьмешь свои четыре пайсы? Сын вернулся.

— Позавтракай и не забудь деньги, — продолжал отец.

Сын выслушал его, опустив голову, и ничего не ответил.

Тогда Рамратан решил, что мальчик боится опоздать в школу. Он сам усадил его за стол и поставил перед ним завтрак.

— Ешь, — сказал он. — Я напишу записку директору школы, и он не будет тебя ругать за опоздание.

Рамратан взглянул на часы. Уже половина девятого, а он сам еще не совершил обычного утреннего туалета.

— Ешь, ешь, сынок! — С этими словами Рамратан вышел.

Едва он кончил умываться, как послышался голос Динмани:

— Полюбуйся, твой наследник отправляется в школу не евши. Что же будет дальше, я спрашиваю!

Рамратан быстро повязал дхоти и, набросив полотенце на плечи, вышел из ванной.

— Надо позавтракать, сынок, — сказал он Рамчарану.

---

¹ Бахадур-сахиб — здесь: важная персона.

Лицо мальчика было хмуро и печально, он ничего не ответил.

— Может быть, ты нездоров?

Рамчаран поглядел на отца своими огромными глазами и снова промолчал. Отцу показалось, что слезы вот-вот хлынут из глаз сына. Он ничего не понимал.

— Не надо обижаться на мать, — вдруг сказал он. — Если она что и говорит, так ведь это для твоей же пользы. Пойди поешь немного.

Рамчаран снова посмотрел на него долгим грустным взглядом и, опустив голову, остался сидеть на месте.

Отец снова попробовал уговорить сына, но, увидев, что тот не двигается с места, рассердился и вышел из дому. Уходя, он сказал жене:

— Не хочет есть — пусть идет голодный. Деньги у меня в шкатулке, — добавил он, обращаясь к сыну, — возьми из них то, что тебе полагается. Не забудь.

Когда Рамратан вернулся вечером с работы, Рамчаран лежал на кровати. В другие дни он едва успевал к приходу отца вернуться с улицы. Оказалось, что он ничего не ел и что мать уже не раз напоминала ему об этом. Рамратан человек здравомыслящий и не любит крайностей. Выслушав жену, он громко спросил:

— Рамчаран, в чем дело, дорогой?

Идя с работы, он все время думал о сыне. Боялся, как бы дома не разразился скандал. В душе ему было жаль мальчика. Его самого в детстве тоже часто не понимали. Он вспомнил мальчика из рассказа Рабиндраната Тагора «Возвращение домой». В свое время он прочел этот рассказ с большим интересом, но теперь, как ни напрягал свою память, он так и не мог вспомнить имени мальчика. Когда он думал обо всем этом, у него сжималось сердце. Ведь у детей существует свой особый мир грез, куда взрослым вход запрещен. Они не любят, когда разрушают этот мирок, и взрослым этого нельзя забывать.

Но, когда он, едва переступив порог своей комнаты, узнал от Динмани, что Рамчаран опять ее не слушается и что у нее уже больше не хватает терпения, он решил, что такое упрямство нужно сломить. Оказывается, когда Рамчаран вернулся из школы, Динмани добрых полчаса уговаривала его поест, а он все это время лежал на кро-

вати, отвернувшись к стене. Когда же ему это наскучило, он трижды повторил:

— Не буду есть, не буду, не буду!

Динмани, потеряв терпение, решительно отчитала сына. Но Рамчаран выслушал ее молча.

Ознакомившись с положением, Рамратан, не снимая рабочего костюма, прошел к сыну и строго спросил его:

— Рамчаран, в чем дело?

Рамчаран вздрогнул, услышав голос отца, но посмотрел на него так, как будто ничего не произошло и ему самому интересно узнать, в чем дело.

Невинный взгляд Рамчарана еще больше разозлил отца.

— Почему ты не ел? Что тебе нужно? Ты хочешь, чтобы весь дом потерял из-за тебя покой? Все должны тебя упрашивать! Что тебе нужно, наконец? Неужели тебе самому это не надоело?

В течение нескольких минут Рамратан произносил свою гневную речь, а Рамчаран все лежал на кровати и смотрел на отца широко раскрытыми глазами, как будто бы ничего не понимал.

— Принеси сюда обед, — приказал Рамратан жене, — посмотрим, как он не будет есть!

Динмани пошла за обедом, а отец сказал сыну:

— Ну, хватит разыгрывать комедию! Я знаю, ты все понимаешь, только притворяешься.

Но Рамчаран не тронулся с места.

— Ты что, не слышишь, что ли? — закричал отец. — Может, тебя высечь?

Рамчаран сразу же сел на кровати. Его лицо выражало недоумение, но не страх. Пораженный, он широко раскрытыми глазами смотрел на отца.

Принесли поднос с едой и поставили возле кровати. Но Рамчаран не торопился протянуть к нему руку.

— Почему ты не ешь? — спросил отец. — Ты видишь, я даже не успел переодеться. До каких пор я буду здесь стоять и упрашивать тебя?

Рамчаран еще некоторое время смотрел на отца, потом медленно сказал:

— Я не хочу есть.

— Как это — не хочешь? Ты же с утра ничего не ел! Поешь хоть немного.

Рамчаран все так же широко открытыми глазами смотрел на отца:

— Я совсем не хочу.

До сих пор отец еще сдерживал себя, но тут его терпение лопнуло. Он ударил сына:

— Не лги! Сейчас же принимайся за еду, — сказал он.

Но Рамчаран не заплакал, даже выражение лица у него не изменилось. Он спокойно протянул руку к подносу. Мать с отцом, стоя рядом, смотрели на него. Лицо Рамчарана ничего не выражало, казалось, что он даже не жевал. Отец с трудом сдерживал свой гнев.

Съев несколько кусков, Рамчаран вдруг вскочил и быстро побежал во двор. Его стошнило.

Когда он вернулся, отец сказал, овладев собой:

— Ну, вот и прекрасно. Это даже хорошо, что тебя стошнило. Теперь тебе станет лучше и ты сможешь поесть.

Глаза Рамчарана были полны слез.

— Я совсем не хочу есть, — возразил он.

— Но ты же с утра ничего не ел. Рамчаран, всякому упрямству должен быть конец. Или ты будешь есть, или мы прекращаем с тобой всякие отношения. Будешь есть?

— Я не хочу.

— Унеси поднос, — приказал отец матери. — И не смей с ним разговаривать. Я вижу, мы для него ничего не значим.

Поднос унесли. Рамчаран, не говоря ни слова, пораженный, смотрел на отца.

— Теперь ты предоставлен самому себе, — уходя, сказал отец. — Можешь делать все, что тебе угодно. И для этого мы тебя растили? — Голос его дрогнул. — Ладно, поступай как знаешь. Хороший подарочек ты нам преподнесешь к старости!

Отец ушел. На глазах у Рамчарана показались слезы. Обхватив голову руками, он опять лег на кровать.

Наступил вечер, но отец никак не мог успокоиться. Он злился и на сына и на себя. Но он был рассудительный человек. «Может быть, мы сами виноваты? — думал он. — Ведь и мы иной раз ошибаемся. Но, с другой стороны, упрямство — нехорошая вещь. Динмани говорит, что мальчик избаловался потому, что мы с самого начала не держали его в руках. Неужели я допустил ошибку, угро-

жая ему? Нет, я правильно поступил. Одной лаской не исправишь ребенка. Но разве я уделял ему достаточно внимания? Если он спрашивал что-нибудь, я уклонялся от ответа. Мать тоже не может уделить ему больше времени. Да, всему виной наша беззаботность».

Он позвал к себе жену и начал ее расспрашивать. Ему хотелось переложить вину с сына на кого-нибудь еще. Но расспросы ни к чему не привели. Выяснилось только, что на этот раз сын вернулся домой из школы раньше обычного.

— А ты не спрашивала, почему он пришел раньше?

— Нет, я у него ничего не спрашивала. Он пришел по-нурий, снял покрывало и лег на кровать. Ничего не сказал.

— Рамчаран! — громко позвал отец.

Рамчаран подошел.

— Ты сегодня не дождался конца уроков?

— Нет.

— И пришел раньше?

— Да.

— Почему?

Мальчик ничего не ответил. Он облокотился на стоявший рядом стул и поглядел на отца.

— Оставь стул и стой прямо, — сказал отец. — Ты не болен. Слушай, что я тебе скажу. Утром ты ушел голодный и не желал никого слушать. Вернулся домой, когда в школе еще не кончились уроки, обиженный улегся в кровать и до сих пор еще ничего не ел. Скажи, можно так делать?

Мальчик молчал.

— У тебя что, язык отнялся? — закричал отец. — Почему ты не отвечаешь? Разве может так дальше продолжаться? Ты знаешь, что тебе полагается за такое упрямство? Ты весь дом взбудоражил!

Но сын молчал.

Собрав все свое самообладание, отец сказал:

— Если ты хочешь слушаться меня, пойди поешь, а завтра утром пойдешь в школу. И чтоб этого больше не было! Понял? Ты слышишь меня?

Мальчик опустил глаза.

— Ну ладно, не хочешь — не ешь, — сдался отец. — Но уж завтра утром надо позавтракать и вовремя отправить-

ся в школу. Если с детства будешь трудолюбив и будешь слушать, что тебе говорят родители, то будешь счастлив в жизни, иначе сам потом расквасишься. Но ведь ты у меня умница. Ну скажи, пообедаешь?

Рамчаран уже повернулся, собираясь уйти.

— Я не хочу есть.

Эти слова снова раздосадовали отца, но он сумел сдержаться.

На следующий день он увидел, что сын опять не поднялся вовремя. Потом Рамчаран кое-как встал, но делал все с очень недовольным видом. Когда ему велели идти завтракать, он снова отказался.

Отец несколько раз терпеливо пытался упрашивать сына, но, когда Рамчаран и после этого сказал, что не голоден, терпение Рамратана лопнуло. Он высек мальчика и насильно заставил его поесть. Однако, когда Рамчаран ушел в школу, в отце вдруг проснулось чувство долга. Он решил, что сегодня посвятит вечер не друзьям, а Рамчарану. Он поговорит с ним по душам, поможет ему сделать уроки. Рамратан попросил жену достать из шкафа книги и тетради: он хотел хоть немного познакомиться с тем, что учит его сын. Посмотрев тетради, он увидел, что у мальчика очень плохие сочинения и недостаточное знание языка. Но, когда он раскрыл последнюю тетрадку, самую чистую и аккуратную, на которой не было написано название предмета, он поразился. В эту тетрадь мальчик четкими, красивыми буквами вписывал афоризмы, выбранные из книг. Самые важные места были подчеркнуты красными чернилами. На первой же странице отец прочел:

«Нужно всегда выслушивать приказания старших, но никогда на них не отвечать».

«Терпеть мучения — удел героев. Порядочный человек не жалуется на свои несчастья другим, он переносит их молча».

«Если обращать внимание на болезнь, она только усилится. Лучшее лекарство от всех болезней — ничего не есть».

«Самая лучшая школа — собственный дом. Человек, стремящийся к определенной цели, учится не в школе, он учится у жизни».

«Твердая решимость — залог успеха в жизни. Только

тот, кто не отступает перед трудностями, может чего-то достичь».

Прочитав на первой странице эти подчеркнутые фразы, отец так и застыл на месте с раскрытой тетрадью в руках.

На службе Рамратан никак не мог найти себе покоя, а вечером вернулся домой с таким видом, будто в чем-то сильно провинился.

— Полюбуйся, — сказала ему жена, — у него кружится голова.

Рамчаран спокойно лежал на кровати.

— Пришел из школы бледный, — продолжала жена, — по лестнице еле поднялся, все за стенку держался. Спрашиваю — молчит. Что случилось, ничего не могу понять.

— Рамчаран, в чем дело? — спросил отец.

— Ничего, просто кружится голова.

— И вчера кружилась?

— Да.

У Рамратана не хватило духу спросить, как же в таком состоянии сын мог дважды пройти пешком по две мили туда и обратно. Слезы душили его. Он решил немедленно вызвать доктора.

— Ничего, папа, — сказал Рамчаран, поглядев на него. — Если я не буду есть, все пройдет.

Джайнендра Кумар
И Г Р А

Тихий, ясный вечер. Повсюду разлит ласковый, мягкий свет. На безлюдном песчаном берегу Ганга, позабыв обо всем на свете, с увлечением играют мальчик и девочка, и только безмолвная природа внимательно следит за игрой этих невинных созданий. Раздобыв где-то длинную палку, мальчик громко

хлопает ею по воде. Фонтаном взлетают сверкающие брызги. Вода пенится и тянется к ногам ребенка, словно стремится приласкаться к нему.

Девочка, зарыв ногу в песок, старательно мастерит над ней маленький домик.

— Смотри у меня; если ты плохо получишься, я тебя разломаю! — говорит она своему домику.

И, ласково похлопывая рукой по мокрому песку, девочка поправляет свое сооружение. «В этом домике построю печку, — думает она, — и домик будет совсем-совсем мой. А Манóхар?.. Ну нет, он не будет жить в моем домике, он останется здесь и будет носить листья для очага. А когда он очень устанет и хорошенько попросит меня, тогда я пушу его в свой дом...»

Манóхар между тем продолжал играть у воды, совсем не догадываясь о том, какая участь его ожидает.

«Манóхар очень хороший мальчик, — думает девочка, — только он большой драчун, все время пристаёт ко мне. Если и сейчас он будет вести себя плохо, я ни за что не пушу его в свой домик. Пусть сначала попросится и пообещает никогда не драться».

Девочку зовут Сурбалá. Ей идет седьмой год. Манóхар на два года старше.

«Плита у моей печки будет очень горячей, — продолжает размышлять Сурбалá. — Как Манóхар будет жить здесь? Я-то смогу, а вот он сразу сгорит. Тогда я ему скажу: «Не ходи сюда, сгоришь — плита вон какая горячая». А что, если он не послушается и все-таки придет? «Остановись, — скажу я ему, — я сейчас выйду из домика». А что, если он заупрямится?.. Ну конечно, заупрямится. Ведь он очень упрямый... Нет, я все равно не пушу его сюда — сгорит, бедняжка, и все тут. А будет очень упрямиться — оттолкну и скажу: «Ты здесь сгоришь».

Ей очень нравится думать обо всем этом. Но неожиданно на ее лицо набегают черное облачко грусти. Ей отчетливо представляется грустная картина: она изо всех сил толкает Манóхара, тот падает и домик под ним рушится.

Работа близится к концу. Еще две пригоршни песку, и домик готов. С величайшей осторожностью, будто стараясь не разбудить спящего ребенка, Сурбалá медленно вытаскивает из-под домика ногу и в последний раз при-

глаживает руками созданное ею сооружение. Убедившись, что все в порядке, она даже подпрыгивает от радости. Сурбала решает позвать ничего не подозревающего Манохара: пусть поглядит на постройку, сделанную с таким необыкновенным искусством. Но глупый мальчик все еще барахтается в воде, даже не оглядываясь на нее. А ведь ему вряд ли приходилось когда-нибудь видеть такой домик.

«Нет, не буду пока звать, — думает Сурбала. — Сначала дострою домик». Взяв горсть песка, она осторожно усовершенствует свое сооружение.

Наконец все готово. Еще раз припомнив, какой должен быть настоящий дом, девочка всплескивает руками. Откуда же будет идти дым? Немного подумав, она ломает прутик и втыкает его в песок. Теперь ее домик совсем готов, самый красивый дом в мире.

Но, прежде чем позвать Манохара полюбоваться ее необыкновенным искусством, Сурбала еще раз пристально оглядывает свою работу. Рот ее приоткрыт, глаза горят. Радостное удивление не покидает девочку. Спроси ее сейчас: «Где живет бог?», и она без колебаний ответит: «Здесь, в моем домике».

Наконец Манохар вспоминает о Сурб. Он забрасывает палку подальше от берега и, отойдя от воды, видит девочку, погруженную в созерцание своего великолепного храма.

Проследив за взглядом Сурбалы, Манохар быстро подбегает и одним пинком ноги разваливает с такой любовью сделанный дом.

Гордый своим поступком, словно он только что захватил у врага неприступную крепость, жестокий Манохар даже кричит:

— Эй ты, Суро-рáni!¹

Но «Суро-рани» продолжает безмолвно сидеть на месте. Выражение чистой радости еще не успело слететь с ее лица, она еще витает в чудесном мире грез. Только что хотела она войти в этот мир вместе со своим товарищем и показать ему всю его красоту и очарование. Но — увы! — этот мальчик одним ударом ноги разрушил все ее мечты. Сурбала глубоко страдает.

---

¹ Р á н и — королева, княгиня.

Возможно, найдутся люди, которые сочтут ее чересчур наивной и глупой. «К чему страдать? — скажут они. — Мир так недолговечен! В нем нет места ни горю, ни счастью. Всякая вещь возвращается туда, откуда она вышла, не принося ни радости, ни печали. Земля появилась из большого огненного шара и в конце концов когда-нибудь снова обратится в огонь. Это неизбежно. Тот, кто не понимает этого, достоин лишь глубокого сожаления. Глухая девочка, задумайся над этим!»

Но, на горе бедной Сурбалы, ни один ученый человек не появился в этот час на пустынном берегу Ганга, чтобы преподать ей подобный драгоценный совет. Впрочем, я вообще глубоко сомневаюсь в том, чтобы неискушенная в ученых премудростях Сурбала последовала такому совету. Рядом с ней не было никого, кроме неразумного и злого Манохара, который, конечно, не имел ни малейшего представления о тонкостях философии. Трудно сказать, что творилось в его душе. Однако что-то, видно, тронуло его сердце.

— Суро! — закричал он, пытаясь сгладить свой проступок. — Что с тобой? Ты сердишься?

Сурбала продолжала безмолвствовать.

— Ну, Суро! Почему ты сердишься?

Девочка не пошевелилась.

— Теперь уже ничего не поделаешь, — тихо проговорил Манохар. Голос его вдруг задрожал.

Сурбала молча отвернулась. Возможно, она не обратила внимания на дрожащий голос мальчика.

— Суро... Это я, Манохар!.. Почему ты меня не ударишь? — повторял он, стараясь придать твердость своему голосу.

— Я с тобой не разговариваю, — только и смогла ответить Сурбала.

Все, что она с такой любовью создавала, исчезло безвозвратно, унеся с собой золотые грезы. Дрожащий голос Манохара глубоко врезался в ее сердце.

— Суро, вот я здесь, рядом, — взмолился Манохар. — Я исхорший, злой. Ну ладно, не разговаривай со мной, но хоть брось в меня песком или ударь. Ударь меня, и я никогда больше не буду делать тебе плохо.

— Замолчи! — гневно крикнула Сурбала.

— Я молчу, но только ты погляди на меня.

— Не буду.

— Ну ладно, не смотри. Не смотри. Я никогда не попадусь тебе на глаза. Никогда.

— Я же сказала тебе: молчи! Я с тобой не разговариваю.

Понемногу печаль и гнев Сурбалы проходили. В ее душе проснулось новое чувство, напоминающее шаловливое кокетство, свойственное только женщинам.

— Послушай, Суро, — снова заговорил Манохар, — я не скажу ни слова, сяду здесь и буду сидеть до самой смерти. Пока ты не простишь меня, я не встану и не произнесу ни слова.

Несколько минут прошло в молчании.

— Почему ты сломал мой дом? — уступила наконец Сурбала. — А ну-ка, построй мне его снова.

— Пожалуйста, сейчас построю.

— Только такой же, как у меня.

— Даже лучше.

— Сверху был еще прутик для дыма.

— Все, все сделаю. Ты говори, как, а я буду делать.

— Нет, я не стану говорить. Ты сломал, ты и строй.

— Ладно, но ты только смотри, как я буду делать.

— Не буду я смотреть. Сначала построй.

Манохар быстро выстроил домик.

— Ну, вот и готово.

— Готово? — переспросила Сурбала.

— Да.

— Прутик воткнул?

— Скажи, куда его воткнуть.

— Нет, сначала все сделай, а потом я скажу.

Манохар воткнул прутик и, положив сверху лист, крикнул:

— Теперь все готово!

— Вот теперь посмотрим, — обернулась к нему Сурбала. — Прут воткнул не так, лист положи вот сюда, — командовала она. — А теперь принеси воды и полей его.

Манохар принес воды.

Но не успел он скрепить водой свое сооружение, как Сурбала наступила на него ногой и, радостно смеясь, вмиг сровняла с землей.

Манохар не обиделся. Он весело захохотал вслед за ней. По безлюдному берегу Ганга задорно понеслись вдаль волны чистого детского смеха. Солнце по-детски нежно улыбалось светлыми лучами, а Ганг, словно радуясь вместе с детьми, бил о берег ласковой волной. И только огромные, густые деревья, будто мудрые пándиты¹, глубоко презирающие никчемный смех, снисходительно глядели на детей, забывшихся в безудержном веселье.

---

¹ П á н д и т — ученый человек, философ; часто: ученый богослов.

Я ш п а л
МАТТУ И МАЛЛИ

— **С**вет еще не видел подобного мальчика! — сказала мать Матту.

И она была права — мальчишка совсем отбился от рук. Вся семья с надеждой ждала того дня, когда Матту исполнится шесть лет и он наконец отправится в школу.

Но пока что Матту шел только пятый год, до школы

было далеко, и восьмилетней Малли приходилось во всем уступать младшему брату.

Как-то Малли, забравшись на крышу дома, с восхищением наблюдала за тем, как мальчишки запускают бумажных змеев. Неожиданно один большой змей, взметнувшись к облакам, полетел вниз и упал к ее ногам.

Обрадованная Малли быстро схватила его.

На ее беду Матту тоже видел, как падал змей. Примчавшись на крышу, он с криком: «Отдай!» — рванул змей из рук сестры.

— Мама! — крикнула Малли.

Подняв змея над головой, она попыталась спасти его от Матту. Но тот упорно не отставал, и на глазах у девочки показались слезы.

— Матту! — позвала снизу мать, услышав шум на крыше. — Сейчас же иди сюда, оставь сестру в покое!

Матту сделал вид, будто он не слышит, и снова рванул сестру за косу, стараясь заставить ее разжать руки. Малли мужественно сопротивлялась дерзкому малышу.

— Доченька, — сказала мать, — будь умница, уступи этому негоднику. Ведь ты хорошая девочка, не то что этот озорник. Когда отец придет, он так его проучит... А тебе я принесу с базара другого змея.

Сестре пришлось уступить. Матту, завладев змеем, запрыгал от восторга, а Малли, всхлипывая, стояла рядом с матерью.

— Малли очень хорошая девочка, — нарочито громко сказала мать, — и я ей куплю не только змея, но и большую резиновую куклу.

Однако на Матту ее слова не произвели ни малейшего впечатления — он-то хорошо знал, что сестре недолго придется играть с новой куклой.

Осенью, когда уже наступили холодные дни, отец принес откуда-то редкие в это время года четыре манго.

Матту, увидев вкусные плоды, тотчас схватил два из них. Мать попыталась уговорить его положить фрукты обратно — она хотела дать их детям после обеда, когда Малли вернется из школы, — но Матту не отдал манго.

Вечером, когда Малли вернулась из школы, мать вынула один из оставшихся манго и сказала дочери:

— Пойди и съешь его где-нибудь в укромном уголке, чтобы этот чертенок тебя не видел.

Но разве можно что-нибудь скрыть от Матту? Не успела Малли приняться за свое манго, как откуда ни возьмись, выскочил Матту и выхватил манго из рук сестры.

Малли неистово взывала о помощи.

Но, когда рассерженная мать прибежала на веранду, Матту, измазав себе все лицо, руки и одежду, уже доедал последний кусочек, и разгневанной матери осталось только развести руками.

Мы жили по соседству с этой семьей и очень любили Малли — она и в самом деле была хорошей девочкой.

Услышав ее громкий плач, я подошел к ней:

— Ты что, Малли?

Она сквозь слезы поведала мне об обиде. Мне стало жаль девочку, и я пообещал принести ей другое манго. Как всякий ребенок, она быстро успокоилась.

Но Матту никак нельзя было утихомирить. Через несколько дней он потребовал, чтобы сестра отдала ему свою новую куклу. Возмущенная Малли даже не стала с ним разговаривать и отвернулась. Тогда Матту из всех сил ударил ее кулаком в спину. На плач дочери, как всегда, прибежала мать, но избалованный мальчишка принялся с воплем кататься по полу, требуя, чтобы ему немедленно отдали куклу. Никакие уговоры не помогали — он буянил и вопил до тех пор, пока не получил того, что требовал. Малли же опять была обещана новая кукла.

* * *

Шли дни. Малли по-прежнему теряла все, что имела, и довольствовалась родительскими обещаниями.

А Матту пропускал их мимо ушей и всегда сам брал все, что хотел.

«Кто же из них прав?» — часто думал я.

— Скорей бы уж этот чертенок пошел в школу! — сказала мне как-то мать Малли. — Чертенок, истинный чертенок! — повторила она.

Но в ее словах я одновременно почувствовал и гордость за то, что у нее такой красивый, бойкий сынишка.

В это время с улицы донеслось заунывное завывание нищего.

— О всевышний! — вздохнула мать Малли. — Нет от них покоя! Эй, Нанаку! — крикнула она слуге. — Скажи ему, чтобы пришел в другой раз.

Нанаку передал нищему приказ хозяйки.

— Брат, — смиренно проговорил нищий, — да ниспошлет всевышний благополучие твоему хозяину и маленькому сыну твоего хозяина!

Нанаку нетерпеливо отмахнулся, но нищий в этот момент снова заголосил:

— Подай медную пайсу — всевышний пошлет тебе за это золотую.

Мать Малли тронуло пожелание счастья ее маленькому сыну. Кроме того, кто знает, — может быть, всевышний действительно за многое воздаст сторицей.

— Нанаку, — сказала она с прояснившимся лицом, — пойди положи ему в суму горсть бобов.

И восьмилетняя простодушная Малли, и ее умная взрослая мать живут лишь надеждами на лучшее будущее. Мать подает нищим, кормит брахманов¹, жертвует на престарелых, дает обеты. Да что мать Малли — все индийцы таковы!

Они надеются, что в следующем рождении² получат от всевышнего все — радость, счастье, богатство.

Но пока все это имеют лишь те, кто незвано пришел в нашу страну.

Тысячи обещаний никогда не принесут Малли того, что уже теперь имеет Матту, — на всевышнего всегда надежда плохая...

---

¹ Б р а х м а н — представитель высшей, привилегированной касты в Индии; часто священнослужитель.

² По религиозным представлениям индийцев человек после смерти может возродиться в образе другого существа.

Я ш п а л

„ОХ, УЖ ЭТИ ДЕТИ!“

Мистер Джюши и мистер Кхан соседи. И соседство это удачное, ибо оба они отличные люди. Весь род Джюши пользуется большим авторитетом среди индусов, а семейство мистера Кхана — среди мусульман.

Оба они во всем придерживаются вполне современных взглядов. Они лишь не любят, когда их дети общаются с грязными ребятами из простых семей, живущих вокруг.

Хотя существуют отдельные школы для индусов, то есть индийцев, исповедующих индуизм, и для мусульман,

то есть индийцев, исповедующих ислам, для мальчиков и для девочек, однако передовые люди предпочитают обучать своих детей в школах христианских миссионеров. Там ведь царствует атмосфера особой чистоты и культуры.

Всем известно, что англичане, которые «цивилизовали» нашу страну, оставили в наследство своим единоверцам «гигиену и культуру».

Хотя мистер Джоши и мистер Кхан считают, что их культура уходит корнями непосредственно в индийские веда и заветы пророка Мухаммеда, все же они предпочитают западный образ жизни.

Поэтому две дочери мистера Джоши — Нило́ и Уша — и двое детей мистера Кхана — пятилетний Бани́ и семилетняя Назим — все учатся вместе. Более того: ровесницы и одноклассницы Нило и Назим — большие друзья.

Они так же играют в куклы, как играют все девочки этого возраста в нашей стране. Они мастерят куклам домики из пустых корзин, устраивают им свадьбы и справляют их день рождения, приглашая друг друга в гости по этому случаю.

Все куклы-мужчины носят у них новейшие европейские костюмы, но куклы-дамы отличаются одна от другой. Одна из кукол Нило носит са́ри¹, другая — длинную рубаху, третья — платье.

Что касается Назим, то у нее две куклы одеты в мусульманскую одежду, а третья — как современная мисс.

Эти небольшие различия между двумя группами кукол не приводят ни к обострению отношений, ни к нарушению общественного спокойствия. Назим мечтает иметь куклу в индусском сари, а Нило — в мусульманской га́ра².

В общем, дети растут друзьями, и поэтому, когда они вместе, шума всегда достаточно.

Вечером мистер Кхан, встретив Нило и Ушу, зазывает их к себе и угощает печеньем и конфетами. Он расспра-

---

¹ Са́ри — как правило, одежда индийских женщин, исповедующих индуизм, — цельный кусок ткани, один конец которого обертывается вокруг бедер, другой накидывается на плечи.

² Га́ра — одежда индийских женщин-мусульманок: широкая юбка и рубаха до колен.

шивает их о здоровье кукол и торжественно обещает принести больным куклам шоколад. Впрочем, про это обещание он обычно забывает.

Когда мать Назим дает своим детям что-нибудь вкусное, ей очень хочется угостить этим Ушу и Нило, но она не решается предложить детям брахмана что-либо приготовленное в мусульманской кухне. И она угощает их творениями аллаха, по ее мнению, — общего отца мусульман и индусов: она дает им фрукты или фабричное печенье и конфеты.

А вот в доме мистера Джоши Назим и Бани могут съесть что угодно: из рук брахмана вы всегда можете взять любую пищу — всем известно, что брахман человек святой.

Но здесь трудность другого рода. Когда отец или бабушка Нило кормят своих детей из медной чашки, им приходится специально доставать фарфоровую или стеклянную для Бани и Назим. Ведь и мистер Джоши и его мать хорошо знают, что стекло и фарфор — посуда нечистых. Правда, они употребляют эту посуду и сами, но как бы ни был чистоплотен мусульманин, какой бы он ни был уважаемый человек, какие бы ни были у него симпатичные дети, нельзя же его, в конце концов, кормить из одной посуды с брахманом.

Когда мать и жена мистера Джоши садятся в кухне закусить, они вынуждены ласково попросить Назим и Бани пойти поиграть в другом месте, ибо пища индуса высшей касты становится непригодной даже от одного взгляда мусульманина или неприкасаемого.

При этом мать и бабушка объясняют своим детям, что кухня — не место для игры детей. «Никогда не зовите Назим и Бани в кухню или молельню», — внушают они.

Многое не понимают дети, но такие вещи схватывают быстро. И старшая, Назим, часто с грустью думает об этом...

В один прекрасный день Нило надоедает женить своих кукол между собой, и она решает выдать замуж свою куклу-леди за куклу-жокея Назим. Таким образом Нило и Назим породнятся и сами.

На веранде идут приготовления к свадьбе. В поисках свадебной посуды дети вбегают в кухню, где мать и ба-

бушка Нило пьют чай из медных чашек. Они стараются удалить детей из кухни, пообещав вынести им все на веранду.

Подобные истории бывали и раньше. Но сегодня Назим особенно возбуждена. На веранде она обнимает Нило:

— Скажи мне, почему твои мама и бабушка не пускают меня на кухню и почему они не едят, когда я там?

— О Назим, ведь ты мусульманка, — шепчет ей на ухо Нило.

Подумав, Назим спрашивает:

— А ты — нет?

— Я же из рода Джоши, — объясняет Нило. — Твоя мама носит гарара, а моя — сари.

— Да, но ты же не носишь сари. Ты ведь носишь платье, как я, — возражает Назим.

— Мы еще дети, — говорит Нило. — Когда мы вырастем, я буду носить сари, а ты — гарара, и мы уже не будем друзьями.

— Я тоже не буду есть из твоих рук и у нас будет вражда, правда?

Неожиданно Нило срывается с места и бежит в кухню.

— Бабушка! — кричит она. — Мне нужен самый большой нож!

— Нож? — удивляется старуха. — Но вы порежетесь.

— Нет, мы не порежемся, мы будем играть во вражду между индусами и мусульманами.

С испугом и удивлением смотрит бабушка на Нило. Потом она хватается за голову и кричит матери Нило:

— Иди скорей сюда! Ты только послушай ее. Ох, уж эти дети!

Упендранатх Ашк

ВЕРБЛЮЖОНОК

Заметив, какими жадными глазами смотрит на его товар джат-мусульманин Бакар, пришедший на ярмарку из деревни Сикандар, продавец Чаудхри Нанду окликнул его гулким басом:

— Э-э, что пялишь глаза? Ведь все равно ничего не купишь.

И медленно, лениво потянулся, расправляя свое мо-

гучее тело. Пуговицы на его рубаше, сшитой из грубой домотканой материи, давно оторвались, и сейчас через открытый ворот виднелись широкая грудь и мощные плечи.

Бакар подошел поближе. У него была маленькая острая бородка и усы, какие обычно носят правоверные мусульмане. В глубоко запавших глазах горел упрямый огонек, словно он решился на что-то и ни за что не отступит.

Улыбнувшись уголками рта, Бакар произнес:

— Верблюдицу одну разглядывал, Чаудхри. Видать, красивая и молодая. Посмотришь — сердце радуется.

Услышав, как расхваливают его товар, Чаудхри поглядел на джата уже не так высокомерно.

— Какую верблюдицу? — спросил он внешне небрежно, но польщенный в душе.

— Да вот четвертую от края, — ответил Бакар, показывая рукой.

В тени старого развесистого дерева было привязано с десяток верблюдов. Среди них выделялась молодая верблюдица, которая часто вытягивала вверх свою длинную красивую шею, чтобы сорвать с дерева зеленый листок. На ярмарке в Бахавальнагаре, маленьком городке, раскинувшемся на краю пустыни, всегда продавалось много верблюдов. Ведь верблюд — корабль пустыни. Он здесь ходит в упряжке, таскает груз, используется для сельских работ. Даже в прежнее время, когда корову можно было купить за десять рупий, а быка — за пятнадцать, хорошего верблюда меньше чем за пятьдесят не отдавали. А сейчас за ездового верблюда платят сотни две-три рупий, а вьючный стоит уж никак не меньше восьмисот.

— Истинно говорю тебе, Чаудхри, на всей ярмарке такой красивой верблюдицы не видал! — осматривая облюбованный товар со всех сторон, еще раз повторил Бакар.

Нанду гордо выпятил грудь.

— У меня не только эта хороша, — сказал он, — у меня все как на подбор. Я ведь кормлю их только сечкой да отрубями.

— Я хочу купить именно эту. Говори: будешь продавать ее или нет? — решительно сказал Бакар.

Нанду смерил его взглядом с головы до ног и, презрительно усмехнувшись, спросил:

— Для себя или для хозяина покупаешь?

— Для себя, — сказал Бакар твердо.

Нанду пренебрежительно покачал головой: разве хватит у этого голодранца денег купить его красавицу верблюдицу!

— Э-э, брось шутки шутить! — сказал он.

Бакара так и подмывало вынуть полторы сотни рупий, которые лежали на самом дне кармана, и потрясти ими перед носом этого толстосума, чтобы сбить с него спесь.

— Есть у меня деньги или нет, не твоя забота. Твое дело назначать цену...

Поглядев еще раз на потрепанное платье Бакара, его короткое дхоти, которое не прикрывало даже колен, и драные башмаки, служившие, наверное, еще его деду, Нанду нахмурил брови:

— Ступай, ступай своей дорогой! Такую красавицу захотел купить... А если уж так хочешь, то вот мой ответ — восемь раз по двадцать рупий и ни пайсы меньше.

Усталое, озабоченное лицо Бакара сразу просветлело. Он боялся, как бы Чаудхри не заломил цену, которая будет ему не по карману, и поэтому был несказанно обрадован, когда тот назначил всего сто шестьдесят рупий. Даже если Чаудхри не согласится уступить за сто пятьдесят, то он займет у кого-нибудь недостающие десять рупий. Бакар не умел торговаться, и сразу же выложил из кармана все свои деньги.

Чаудхри запросил сто шестьдесят рупий лишь для того, чтобы припугнуть этого голодранца. На ярмарке даже самые лучшие верблюдицы продавались по полторы сотни, а за свою он не мечтал получить и ста сорока. Тем не менее он сделал вид, что уступает Бакару из милости.

— Стоит-то она никак не меньше двухсот, — сказал он, — да уж так и быть, уступлю тебе за полтораста.

С этими словами он поднялся и передал Бакару из рук в руки конец веревки, которой верблюдица была привязана к дереву.

На минуту даже у такого сурового человека, как Нанду, пробудилось чувство жалости. Ведь эта верблю-

дица с самого рождения жила на его подворье. Он сам вскормил и вспоил ее, и, передавая теперь в чужие руки, он, вероятно, чувствовал то же, что переживают родители, отдавая свою дочь в чужую семью.

— Ей хорошо было у меня, береги и ты ее, — сказал он дрогнувшим, потеплевшим голосом.

От радости не чувствуя под собой ног, Бакар весело сказал:

— Не беспокойся, жизни для нее не пожалею!

Завязав деньги в край дхоти, Нанду, словно для того, чтобы промочить горло, налил из кувшина в глиняную чашку немного воды.

Было жарко и пыльно. Даже на городских рынках, куда на время ярмарки проводят десятки водопроводных труб и где землю постоянно поливают водой, не бывает недостатка в пыли, а здесь, рядом с пустыней, просто не продохнуть. На кружочках сахарного тростника, которыми здесь бойко торговали, на сладостях и халве, на пирожках и даже в кислом молоке — всюду была пыль. Она густым слоем лежала на земле, висела в воздухе, покрывала товары, животных, одежду и лица людей. Воду из арыка приносили в закрытых жестяных баках, но пока бачок путешествовал по базару, вода в нем становилась грязно-мутного цвета.

Нанду думал подождать, пока она отстоится, но в горле у него совсем пересохло, и он одним глотком выпил эту грязную и теплую воду. Напившись, Нанду протянул кувшин Бакару. Когда Бакар шел сюда, ему очень хотелось пить, но сейчас было не до питья. До наступления темноты он хотел вернуться домой, к себе в деревню. Крепко зажав в руках веревку, к которой была привязана верблюдица, он поспешил тронуться в путь, не замечая от радости ни жары, ни пыли, ни грязи.

Бакару уже давно хотелось купить красивую молодую верблюдицу. Все его предки всегда занимались гончарным делом, но отец Бакара бросил наследственное ремесло и начал наниматься в батраки. Пошел по его стопам и Бакар, который с юных лет тоже стал батрачить. Нельзя сказать, чтобы смолodu он работал очень усердно. Наверное, потому, что его жена безропотно трудилась за двоих, чтобы муж мог спокойно отдыхать. Да и семья была невелика. Он, жена да маленькая дочка;

поэтому Бакар и не утруждал себя. Но судьба недолго баловала его и, пробудив от счастливого сна, напомнила ему о том, что на земле есть не только радость и беззаботная жизнь, но также и горе и тяжкий труд.

Пять лет назад его любимая жена скончалась, оставив ему маленькую дочку, красивую, как куколка. Умирая, жена посмотрела на Бакара тускнеющими глазами, в которых все еще светилась любовь и забота, и с трудом проговорила:

— Теперь Разия остается на твоих руках. Не обижай ее.

Больше она не сказала ни слова. Сразу же после ее смерти Бакар привез к себе в дом вдову-сестру и, забыв о прежней лени и беззаботности, стал прилагать все силы, чтобы свято выполнить последнее желание покойницы-жены, которую любил всей душой и по которой искренне и глубоко тосковал. Именно поэтому он, несмотря на молодость и настоятельные советы всей деревни, так и не женился вторично.

Теперь Бакар трудился не покладая рук, чтобы его маленькая красавица дочка не знала лишений и горя. Когда Бакар возвращался с рынка, малышка Разия, прижимаясь к нему и глядя огромными черными глазами в его обветренное, запыленное лицо, спрашивала:

— Что папа мне принес?

Он брал ее на руки, целовал и обязательно давал какие-нибудь сласти или специально припасенные для нее игрушки. Разия тотчас же освобождалась из объятий отца и бежала к подружкам показать подарки. Ей исполнилось уже восемь лет, и однажды она капризно сказала отцу:

— Папа, купи мне верблюжонка! Я очень хочу иметь верблюжонка.

Глупышка не понимала, что она всего лишь дочь бедного батрака, для которого не только купить верблюжонка, но даже подумать об этом нельзя. Принужденно засмеявшись, Бакар взял дочь на руки и тихо проговорил:

— Ты сама словно маленький верблюжонок, Раджю.

Но Разия не успокаивалась и без конца напоминала о своем желании.

В тот же день, как на грех, величественно восседая

на верблюде и посадив впереди себя свою дочку, в деревню приехал господин Маширмал нанимать батраков. И тогда мимолетная идея иметь своего верблюжонка превратилась у маленькой Разии в настоящую страсть, и Бакар окончательно потерял покой. Он решил, что обязательно купит своей любимице самого красивого верблюжонка. В глухом местечке, где обычный заработок батрака не превышал трех анн в день, он стал зарабатывать до десяти анн. Теперь он батрачил и в дальних деревнях. В дни уборки урожая Бакар работал день и ночь: жал пшеницу, веял зерно, ссыпал его в кладовые, прессовал солому, а когда приходила пора пахоты и сева, ходил за плугом, бороновал, сеял, разбрасывая зерно руками. Если же работы не было, он вставал рано утром и отправлялся за восемь косов на рынок, нес что-нибудь на продажу и возвращался поздно вечером, всегда имея восемь — десять анн в кармане. Ежедневно он откладывал по несколько анн и никогда не позволял себе потратить из сэкономленных денег даже одну пайсу. Сестра не раз говаривала ему:

— Тебя точно подменили, Бакар: раньше ты никогда так не надрывался на работе.

Бакар всегда отшучивался:

— А ты хотела бы, чтобы я весь век оставался лежебокой?

— Конечно, нет, — отвечала сестра, — но губить свое здоровье из-за нескольких лишних пайс тоже не дело.

В эти минуты покойница-жена, словно живая, вставала перед глазами Бакара, ему слышались слова, сказанные ею перед кончиной. Он любящим взглядом смотрел на Разию, которая играла во дворе, и, горько улынувшись, принимался за работу.

И вот только сегодня, после двух лет упорного труда, он смог наконец исполнить давнюю мечту своей дочки.

Крепко держа в руках конец веревки, Бакар медленно шел по берегу канала. За ним покорно шагал верблюжонок.

Вечерело. Последние лучи заходящего солнца золотили ровную, лишь на горизонте немного всхолмленную степь. Заметно похолодало. Откуда-то издали слышался жалобный стон чибиса. Бакар весь погрузился в воспоминания. Картины минувших дней одна за другой

развертывались перед его глазами. Только изредка ровный ход воспоминаний прерывался: мерно покачиваясь на верблюде, проезжал мимо какой-нибудь крестьянин или мальчишка, похлопывая бичом, гнал домой скотину, а другой, сидя на арбе, громко напевал песенку да дразнил шагающих сзади верблюдов, заставляя их недовольно рывкаться.

Взглянув на солнце, почти скрывшееся за горизонтом, Бакар заторопился. До деревни было еще далеко, а ему не хотелось, чтобы Разия уснула до его возвращения. Он ласково окликнул верблюжонка, как бы призывая его поспешить и прибавить шагу.

Вдали показались строения хутора, где жил Маширмал. Оттуда до деревни Бакара рукой подать, всего каких-нибудь два коса. Бакар пошел медленнее. Воображение тут же начало разворачивать перед ним чудесные картины. Он уже видел, как прыгает от радости его крошка Разия, увидев верблюжонка, которого подарил ей он, Бакар, как сияют ее глаза, как благодарно смотрит она на отца. А вот, посадив Разию впереди, он сам мчится на верблюде вдоль большого канала. Наступает вечер, дует прохладный ветерок, и степной ворон с громким карканьем взлетает в небо. Разия кричит от восторга и крепко прижимается к отцу. Ей кажется, что она летит на волшебном ковре-самолете...

Затем он представляет себя с Разией на базаре в Бахавальнагаре. Вид большого города поразил девочку. Взволнованная, она глядит на большие вороха пшеницы, наваленные здесь же, посреди рынка, на бесчисленные арбы и повозки. Всего так много, что глаза ее разбегаются. Где-то неподалеку заиграл граммофон. Бакар с Разией спешат туда. Как поет эта деревянная коробка! Кто спрятан в ней? Она хочет все знать. И Бакар охотно, радостно все объясняет ей...

Опьяненный мечтами Бакар и не заметил, как миновал хутор Маширмала, но внезапно пришедшая мысль заставила его остановиться и повернуть обратно.

Дело в том, что, идя на базар, он заказал живущему здесь Нанаку-плотнику седло для верблюжонка и сейчас ему обязательно надо было получить его: вдруг Разия сразу захочет покататься?.. Нет, Бакар должен пойти на хутор.

Хутор Маширмала был невелик, как и все деревни здешней округи: в каждой дворов тридцать, не больше. Поньше тут не встретишь кирпичного строения с высокой крышей. В деревне, где жил сам Бакар, было всего лишь пятнадцать домов, да и какие это дома — мазанки. На хуторе Маширмала было около двадцати таких мазанок. Только дом самого Маширмала был сделан из саманного кирпича, да и у этого дома крыша плоская. Подойдя к мазанке Нанака-плотника, Бакар остановился и громко позвал хозяина.

— Его нет дома, ушел на ярмарку, — ответил чей-то голос.

Бакару стало не по себе. Непредвиденное обстоятельство! Что же ему теперь делать, как выйти из положения?.. Если Нанак сделал седло, то оно, конечно, у него дома и его можно получить. С облегчением вздохнув, он сказал:

— Я заказывал ему седло для верблюжонка. Можно его получить?

— Ничего не знаю, — слышался ответ.

Настроение было испорчено. «Вот обида! — подумал Бакар. — Приведу верблюжонка без седла. Если бы Нанак был дома, можно было бы пока попросить у него какое-нибудь другое седло. А что, если попросить седло у Маширмала? Ведь у него уйма верблюдов и какое-нибудь старенькое седло обязательно найдется. Пока Нанак сделает для Разии седло, она тем временем пользуется этим». И Бакар, не раздумывая больше, двинулся к дому Маширмала.

За годы, проведенные на государственной службе, господин Маширмал сумел сколотить кругленький капитал.

Когда здесь провели канал, он всякими правдами и неправдами скупил столько земли, что ему мог бы завидовать любой помещик. Сейчас, уйдя в отставку, он поселился на своем хуторе, сдавал землю в аренду и, получая весьма хороший доход, жил в полное свое удовольствие. В данный момент он сидел на веранде, покуривая трубку. На нем была чистая рубашка, поверх нее — белый кафтан, дхоти, на голове повязан белый тюрбан. Увидев приближающегося Бакара, за которым на веревке шел верблюжонок, он закричал:

— Откуда идешь, Бакар?

— С рынка возвращаюсь, хозяин, — ответил Бакар с глубоким поклоном.

— А это чей же верблюжонок?

— Мой, хозяин, я его купил на рынке.

— Сколько же заплатил?..

Бакар хотел сказать сто шестьдесят, так как был уверен, что за такого красивого верблюжонка и двести рупий недорого, но, не желая хвастать, ответил:

— Запросили сто шестьдесят рупий, хозяин, а отдали за сто пятьдесят.

Маширмал внимательно взглянул на верблюжонка. Он давно уже присматривал себе такого.

Его собственный верблюжонок в прошлом году заболел, и, хотя Маширмал подлечил его, тот утратил легкую и красивую поступь.

Верблюжонок Бакара сразу же понравился Маширмалу. Стройный, светлый, шея длинная и гибкая! Не отрывая взгляда от верблюжонка, Маширмал бросил Бакару:

— Я согласен заплатить тебе сто шестьдесят рупий. Мне как раз нужен верблюжонок. Вот десятку и заработаешь...

— Да, но я сам только что купил его, хозяин, — стараясь обратить все в шутку, ответил Бакар.

Подойдя к верблюжонку, Маширмал стал гладить и ласкать животное, любуясь его необыкновенной красотой.

— Ну ладно, накину тебе еще пятерку, — сказал он Бакару и, не дожидаясь ответа, крикнул в глубь двора: — Эй, Нура!

Работник, который в это время рубил в колодце сочные листья на корм буйволам, кинулся на зов, даже забыв положить секач.

— Возьми и отведи в стойло этого верблюжонка. Я отвалил за него целых сто шестьдесят пять рупий. Как думаешь, стоит он этих денег?

Прежде чем взять из рук растерявшегося Бакара поводок, Нура внимательно осмотрел верблюжонка с ног до головы.

— Хорош! Очень хорош! — одобрительно шелкнув языком, сказал он.

Вынув из кармана деньги, Маширмал пересчитал их и, вкладывая в руку Бакара шестьдесят рупий, сказал весело:

— Ведь вот на твое счастье какой покупатель случился! Твоя удача. Пока бери эти шестьдесят рупий, а остальное отдам попозже. Пока придет тебе время помирать, всю сумму сполна получишь.

И, не слушая, что хотел ему ответить Бакар, Маширмал быстро зашагал к конюшне.

— Подожди готовить еду для буйволов, сначала накорми верблюжонка! — крикнул он Нуре.

Луна еще не взошла. Кругом было безлюдно и тихо. Легкий туман окутал деревню и степь. На небе робко появились две первые звездочки, и в сгущающихся сумерках два дерева, стоявших неподалеку, казались какими-то великанами в длинной черной одежде. На обочине дороги, у самого въезда в деревню, безмолвно сидел Бакар. Перезвон колокольцев на шеях пасущихся поблизости верблюдов отдавался у него в сердце погребальным плачем. В руке он продолжал держать шестьдесят рупий, которые теперь для него уже ничего не значили. Глядя на полоску слабого света, пробивавшуюся из окна его хижины, Бакар ждал, пока Разия уснет и он, крадучись, как вор, сможет возвратиться к себе домой.

Рамврикша Бенипури

Д З В

В саду у деда Тапесара росла иноземная гуава. Трудно сказать, откуда в свое время привезли черенок этого дерева — из дальних стран или откуда-нибудь поблизости. Во всяком случае, здесь оно было новым, неизвестным. А у нас всякую новинку, особенно если она к тому же и малого размера, принято считать иноземной — это я знаю по собственному опыту.

Мою маленькую карликовую собачонку так и кличут «Иностранка».

Гуава была значительно меньше местных пород этого дерева, ветки — тоньше и нежнее, листья темно-зеленые, блестящие. Плоды ее, тоже небольшие, покрывались молочно-белым налетом, когда их варили. А какие они были вкусные, просто объедение!

Мы, ребяташки, всегда посматривали на них, глотая слюнки, поэтому дед Тапесар глаз не спускал с дерева, охраняя его от нас.

— Ты видал, Дэв? На иноземной-то плоды уже поспели!

— Ждите меня здесь, я мигом нарву их.

— Да Тапесар ноги тебе оторвет за это!

— Пусть попробует!

Дэв стрелою срывается с места. Пригибаясь за кустами, а порой ползя на животе, он подбирается к дереву и с быстротой обезьяны влезает на него. Мы издали наблюдаем, как его проворные руки быстро обрывают спелые плоды гуавы. В предвкушении лакомства все жадно глотают слюнки.

Дэв не довольствуется тем, что находится у него под рукой. Соскользнув пониже, он становится на тонкую ветку и, вытянув руку, ловит ускользящий плод. Ветка под ногой не выдерживает его тяжести и с треском ломается. Дэв плашмя шлепается на землю.

Услыхав шум, Тапесар, вооруженный палкой, выскакивает из шалаша. Но Дэв не медлит ни секунды: поспешно вскакивает и улепетывает со всех ног. Разве угнаться за ним старику Тапесару? Добродушно ворча, он возвращается в сад.

Я встречаюсь с Дэвом через несколько минут в одном из укромных уголков, известных только нам, ребятам. Из всех карманов у него торчат спелые гуавы, сорванные вместе с листьями.

— Бери, — тут же предлагает он мне.

— Э, а это что такое?..

Левая рука Дэва висит плетью. Кажется, что она состоит из двух отдельных частей, связанных между собой только кожей. Я думал, что Дэв, спасаясь от погони, сгоряча не обратил на это внимания. Но он и теперь только чуть покосился на сломанную руку.

— Пустяки! — говорит он, продолжая спокойно жевать гуаву.

— Какие пустяки — ты же руку сломал! — Голос у меня дрожит.

— Срастется, — говорит он беззаботно и добавляет, показывая глазами на шарф, висящий у меня на шее: — Заверни-ка мне ее в эту штуку, да подвяжи повыше.

Мне кажется, я сам ощущаю боль, перевязывая его сломанную руку, у меня сжимается сердце. А он даже не охнул ни разу. Только глаза немного покраснели.

— Неужели тебе не больно? — спрашиваю я в изумлении.

— Конечно, больно. Да что толку, если я стану кричать? Разве боль от этого станет меньше?

И он еще крепче стискивает зубы.

Июль месяц. Праздник Кришны. Кругом все зелено. Под ветром волнами колышется высокая трава, посева риса, пшеницы. Блестящие, словно омытые дождем листья деревьев ласкают взор. Стены хижин сплошь увиты побегами тыквы и плюща. Грядки усыпаны огурцами, налилась кукуруза. И если кончилась пора таких сортов манго, как сладкий бомбейский или мальдах, то плоды на других деревьях висят гроздьями. Ешь, сколько душе угодно, наслаждайся.

Из-за всей этой благодати мы, дети, особенно любили этот праздник — он был для нас значительней, чем все остальные.

В небольшом храме, что стоял посреди мангового сада, шли приготовления к праздничному угощению. По саду взад и вперед сновали люди. На столах были разложены всевозможные сласти, которые по случаю праздника раздадут людям. Острый пряный запах специй сводил с ума ребят, которые тут же, в саду, качались на качелях, играли во всевозможные игры.

Все они с нетерпением ждали, когда закатится солнце, на небе покажутся звезды и наступит минута, когда народится бог Кришна. Тут им наконец и удастся съесть несколько кусочков панджам¹.

¹ П а н д ж а м и — вид индийских сластей.

В кучке детей, конечно, вертелся и Дэв. Без него кто бы мог привязать так высоко качели и так сильно раскачивать их?

Вверх — вниз, вверх — вниз... Изредка только кто-нибудь вскрикнет или громко рассмеется.

— Змея! Змея! — вдруг пронзительно завопила какая-то девчонка.

Мы, конечно, слышали, что в зарослях бамбука, начинающихся сразу за садом, живут две страшные кобры, но никто не мог предположить, что змея появится среди бела дня, когда в саду собралось столько народу. Головы разом повернулись туда, куда указывала дрожащая Тарджони.

Перепугались мы все не на шутку, а кое-кто бросился наутек. Змея же, приподняв голову, спокойно осматривалась по сторонам. Видно, жара допекла ее и она выползла из своей норы в поисках прохладного местечка. Уф, какая она была огромная! Длинной около полутора метров. Ее кожа красивого светло-коричневого цвета поблескивала, освещенная косыми лучами солнца, пробивавшимися сквозь листву. Распустив капюшон, змея поводила направо и налево своими завораживающими глазами. Раздвоенный язык извивался, как червячок.

Мы стояли в растерянности и не знали, что делать. И только один Дэв сразу нашелся: он схватил палку и бросился к змее. Я хотел задержать его, но куда там!..

Мы слышали, что на свете имеется только три с половиной храбреца: первый — буйвол, второй — кабан, третий — кобра и половина храбреца — бог Рам. Буйвол, кабан и кобра нападают не раздумывая и никогда не отступают. Раджа Рам тоже был герой, но для того, чтобы убить демона Вали, он спрятался в тени дерева.

Наш маленький друг по храбрости, видно, превосходил самого бога Рама, ибо тот, готовясь убить демона Вали, спрятался в тени дерева, не решаясь встретить открыто более сильного врага.

— Назад! Беги!.. — кричали мы Дэву.

Но он был уже около кобры. Увидев, что мальчик бежит прямо на нее, змея свернула свой капюшон и опустила на землю. Нам показалось, что она собирает-

ся скрыться. Но нет — как только Дэв очутился около нее, она почти на локоть подняла голову и так злобно зашипела, как, наверное, шипел на бога Кришну бог змей — Калинаг.

— Дэв, беги! — умоляли мы товарища.

Но он стоял прямо перед чудовищем, опираясь на палку, и спокойно рассматривал его. Змея тоже замерла. У нас от страха все тело покрылось холодным потом. Мы были не в состоянии произнести ни слова. Но в это время Дэв молниеносным движением швырнул в змею свою палку. Удар был так силен, что змея перевернулась, не успев даже сложить своего капюшона. Но уже в следующий момент, она, оправившись от удара и поднявшись над землей во всю длину, яростно зашипела, раскачиваясь из стороны в сторону. Казалось, сам бог смерти Яма исполняет свой страшный танец. У Дэва в руках ничего не осталось. «Если она сейчас нападет на него, ему не уйти живым», — мелькнуло у меня в голове.

— Беги! Беги, Дэв! — шептал я в ужасе.

Но что это? Змея, как-то сразу обмякнув, падает на землю и почти не шевелится. Издыхает! Издыхает! Это сразу придало ребятам смелости и, схватив палки для игры в чижик, мы гурьбой бросились вперед. Оказалось, что Дэв переломил змее позвоночник и она просто каким-то чудом держалась эти последние мгновения. Сейчас она лежала, как выжатая тряпка, изредка чуть-чуть вздрагивая всем туловищем. Дэв, желая позабавиться, то и дело подносил к ее разинутой пасти конец своей палки, который змея в бессильной злобе пыталась ухватить. Он весело смеялся. Но в это время вдали показался отец Дэва, который направлялся к храму. Услыхав отцовский кашель, Дэв вздрогнул и, двумя ударами добив змею, с победным криком скрылся. Мы все бросились за своим вожаком.

* * *

Отцу Дэва очень хотелось, чтобы его сын получил хорошее образование. Поэтому, несмотря на то что Дэв с грехом пополам окончил сельскую школу, его все-таки послали учиться в город. Но Дэв там задержался недолго.

Возвратившись домой, он занялся хозяйством. Жители деревни удивлялись Дэву. Природу, людей, животных — все умел он подчинить своей воле. Он умел сры-
вать листья с самых тонких веточек бамбука, лакомился
плодами с самых высоких деревьев. Для его буйволицы
всегда находилась зеленая травка, его быки свободно
паслись повсюду.

Пусть у кого-то страдали посевы, какое Дэву до это-
го дело? Если кто посмеет возразить, получит по заслу-
гам. На дерзкое слово он отвечал кулаком, на шутку —
палкой.

Люди рассказывали о нем всякие нехорошие истории.
Но не знаю почему, я никогда им не верил. Мой дядя
постоянно твердил мне:

— Почему ты разговариваешь с ним? Зачем встреча-
ешься с этим сорвиголовой? Ты учишься в школе, и дру-
жить с таким человеком тебе не пристало.

Когда дядя сердился, я не возражал ему. Но порвать
дружбу с Дэвом я не хотел и не мог. Почему? Я даже не
задумывался над этим.

Как-то я приехал на каникулы в деревню. Любовь к
природе постоянно тянула меня в рощу, в поле. Когда
я однажды вечером возвращался домой, мне повстречал-
ся Дэв. Мы пошли рядом. В одном месте всходы сахар-
ного тростника росли так густо, что нога ступала, как
по мягкому бархатному ковру. Кое-где виднелись круп-
ные красные цветы, словно кто-то разбросал здесь
розы.

Мы решили присесть и отдохнуть.

— Спой что-нибудь, Дэв.

— Вот еще! Ты когда-нибудь слышал, как я пою?

— Ну, тогда расскажи что-нибудь.

— Что тебе рассказать: о прошлом, о настоящем, о
будущем? — Он неожиданно улыбнулся.

Я давно заметил, что Дэв никогда не лгал. Поэтому
рассказы о пережитых им приключениях я слушал с
особым интересом. Потом что-то с увлечением рассказы-
вал ему сам. Дружески беседуя, мы не заметили, как
село солнце.

Не успели мы пройти и десяток шагов, как оживлен-
но болтавший Дэв замолчал. Потом вдруг неожиданно
спросил:

— Почему ты дружишь со мной? Сознайся, тебе ведь попадает за это?..

— Мне от этого не холодно и не жарко. Поэтому и тебе нечего думать об этом.

— Я хотел бы, — сказал он, — чтобы ты назвал мне какое-нибудь дело, которое было бы по моим силам. И чтобы для всей страны от него была польза...

Я вспомнил, что иногда мы с Дэвом беседовали о положении нашей страны, и эти мимолетные разговоры, оказывается, запали ему в душу. Но сейчас я немного растерялся: Дэв?.. Что он может сделать для страны?.. Однако нужно было что-то сказать, поэтому я проговорил:

— За делом недалеко ходить. Оглянись вокруг!..

* * *

Окончился тридцатый год, промчался за ним тридцать первый, началось бурное политическое движение тридцать второго года. Вместе с другими участниками движения я отбывал заключение в тюрьме города Пáтна.

Ежедневно сюда приходили новые люди и уходили старые. Встречи не приносили радости, а разлука не несла с собой печали. Мы не успевали как следует познакомиться друг с другом, узнать, полюбить. Много воды испаряется с поверхности океана, много впадает в него рек, а он по-прежнему спокойно колышется и не чувствует ни убыли, ни подъема. Приблизительно так было и у нас в тюрьме.

Но вот однажды я увидел в воротах тюрьмы знакомое и очень дорогое мне лицо. Я почувствовал огромную радость. Дэв, старый дружище Дэв, был передо мной.

Я стал писателем, редактором газеты, лидером движения. У меня не было времени поинтересоваться судьбой Дэва.

Дэв в тюрьме? Я даже и предполагать не мог, что подобное может с ним случиться.

Его провели в нашу камеру. Вечером после ужина мы долго сидели, разговаривая, спрашивая и перебивая один другого, пока нас не сморил сон, и мы уснули, тесно прижавшись друг к другу.

Среди ночи я проснулся. Дэв глухо стонал от какой-то нестерпимой боли. А может быть, ему приснился дурной сон? Я растолкал его. Он проснулся, но ничего мне не ответил, только ласково улыбнулся и уснул снова. Но вскоре он застонал еще сильнее. Что за загадка? В чем дело?..

Заключенный Кункун, прибывший в тюрьму вместе с Дэвом, рассказал нам обо всем.

Оказывается, Дэв уже не раз сидел в тюрьме, с тех пор как стал руководителем крестьянского движения в своем округе.

— Дэв? Руководителем?..

— Да, да, руководителем. А почему вы удивляетесь?

Я ничего не ответил и попросил Кункуна продолжать.

Группы участников крестьянского движения, возглавляемые Дэвом, причиняли сильное беспокойство правительству. Все власти округа с ног сбились. Ничего не помогало — ни открытые нападения полиции, ни конфискации, ни аресты и штрафы, — до тех пор, пока не изловили Дэва: ведь он был организатором этих выступлений.

А случилось это так. Полиция пронюхала, что в определенный день у полицейского управления состоится демонстрация, а руководить ею будет сам Дэв. Начальник полицейского участка не полагался на свои силы. На помощь прибыл инспектор с отрядом вооруженной полиции, — тот самый инспектор, который славился своими свинцовыми кулаками. Окружили демонстрантов, схватили Дэва, Кункуна и других. Всех их с трудом втиснули в крохотную камеру.

В полночь Дэва разбудили и увели в соседнюю комнату.

— А после этого... после этого... — На лице Кункуна была написана ярость, глаза налились кровью. — Стены были довольно тонкие, и товарищи слышали, как орал и топал ногами инспектор, слышали частые и глухие удары. Это избивали Дэва. Но он молчал, не издал ни единого стога. Той же ночью инспектор уехал, а начальник тюрьмы некоторое время спустя втащил к нам в камеру Дэва. Если бы вы только видели, как они его разде-

лали! Все тело было сплошной раной! Но Дэв, как я уже сказал, не издал ни единого стога. Под утро нас всех переслали в другую тюрьму. Потом его немного подлечили, с виду он теперь стал, как и раньше, но, верно, старые раны все время дают себя знать. Днем он держит себя в руках, а ночью... ночью стонет!..

Я пристально посмотрел на Дэва. На лице, на руках, на ногах — всюду виднелись следы побоев. Но какая душа таилась в этом измученном теле! Горячая, яркая, крепкая, как сталь!

Б х а р а т и я
М У Н М У Н

Мунмун, Мунмун, Мунмун! — кричал бритоголовый мальчишка лет четырех, гоняясь за черным козленком с коротко обрезанными ушами.

Козленок, взбрыкивая, стрелою мчался от своего преследователя, потом, остановившись, задорно посмат-

ривал на него и даже делал несколько мелких шажков. А потом снова подпрыгивал и начинал бешено носиться кругом. Мальчик, протянув руку со сладким печеньем, ласково звал козленка, стараясь подманить его к себе. Ему так хотелось ухватить четвероногого шалуна за пушистую слабенькую шейку, обнять его! Но козленок не хотел идти на зов. Пока бритоголовый, одной рукой подерживая густо-оранжевое поминутно спадающее дхоти, гонялся за козленком, прибежали другие мальчишки, его приятели-сверстники.

Окружив своего товарища, они глядели на него с несомненным почтением и завистью. Какой-то совсем голый, покрытый пылью мальчонка спросил:

— А сто тебе сегодня подалили, Мадхó?

На что тот ответил важно и не спеша:

— Когда мне сделали мундан¹, то мне подарили вот это новое дхоти и много сладкого. Когда-нибудь ты тоже получишь все это.

Малыш замолчал. Он чувствовал горькое сожаление, что его пора делать мундан еще не пришла. Другой, наоборот, жалел, что она уже миновала.

— Пока тебе не проткнули ухо, ты, навёрное, и не знал, что на свете есть дхоти и сласти, — насмешливо сказал он, кивнув на сережку в ухе бритоголового.

Мальчишки, сдвинувшись плотнее, стали разглядывать уши Мадхо. Мочки ушей у него были проткнуты и в отверстия вставлены маленькие медные сережки. Обряд протыкания ушей состоялся совсем недавно, поэтому уши были еще припухшие, а на дужках сережек виднелись засохшие капельки крови. Какой-то бойкий парнишка, не полагаясь на глаза, решил потрогать ухо Мадхо. Тот от боли судорожно втянул внутрь воздух и резко отшатнулся, на глазах у него показались крупные слезы. Мальчишка, оробев, быстро отдернул руку. Другие тоже испуганно примолкли. Дети бедняков, они боялись причинить неприятность наследнику богатого дома. Мадхо же, морщась от боли, невольно подумал о том, что испытал его любимец козленок, когда ему отрезали уши.

«У меня уши только чуть-чуть проткнули — и то больно, а у него, бедняжки, почти по пол-уха отхватили». Ему

---

¹ Мундан — обряд бритья головы у мальчика.

стало очень жаль козленка, захотелось тут же его поймать, приласкать, погладить...

Козленок, тычась мордочкой в вымя матери и виляя коротким хвостиком, сосредоточенно сосал. Коза спокойно пережевывала жвачку и только иногда, повернув голову, оглядывала свое дитя.

«Сейчас легко поймать его», — сообразил Мадхо и рассказал товарищам свой план.

Отряд немедленно рассыпался цепочкой, козу и козленка окружили и взяли в плен. Ухватив козленка за ноги, ребяташки втащили его на ворох соломы, сложенной в глубине двора, и, усевшись вокруг, стали с ним играть.

Коза, не решаясь подойти ближе, жалобно блеяла, словно хотела сказать ребятам: «Смотрите, дети, не обижайте Мунмуна, не дергайте его за хвост и уши».

Маленькие ручонки ласково гладили козленка, а он, закрыв глаза, словно дремал. Ласка ребяташек была ему и приятна и вместе с тем тяготила его. Иногда он делал попытки вырваться из их объятий, вскакивал, брыкался, но потом снова бессильно затихал и закрывал глаза. Ребята, решив покормить его, старались открыть ему рот, но он крепко стискивал зубы. Они называли его ласковыми именами — он словно не слышал их. Они гладили его по спинке — он недовольно поеживался. Видимо, что-то в короткой жизни козленка научило его опасаться человека.

Доверчивость идет от незнания, с жизненным опытом приходит осторожность. Козленок прожил немного, но уже понял, что никогда не следует лезть на рожон. Когда ребята приставали к нему, он не сопротивлялся. Он снисходил к их легкомыслию и глупости и даже чувствовал к ним нечто вроде сожаления. Это маленькое животное уже могло оценить достоинства и недостатки людей.

Козлик хорошо изучил каждого из ребят. Он доверчиво подходил к тем, кто был ласков, не обижал его, и сторонился тех, кто хоть раз причинил ему боль. Он сразу же узнавал в ватаге сорванцов своего хозяина Мадхо, мчался к нему без зова и все время вертелся рядом, даже когда тот его не замечал или старался от него отделаться.

...С годами Мадхо и Мунмун настолько привязались друг к другу, что их привязанность можно было бы называть любовью. Во всяком случае, всегда казалось, что Мунмун отлично понимает, что чувствует его маленький хозяин, или, во всяком случае, стремится понять; и сочувствует ему всем своим маленьким существом. Когда отец или мать ругали Мадхо и мальчик, обиженный, забивался куда-нибудь в уголок со своими книжками, Мунмун, подойдя к нему, начинал тереться боком о его спину, стараясь развлечь приятеля, а заодно, улучив момент, пожевать уголок какой-либо книжки. Когда Мадхо отнимал книжку, Мунмун так выразительно смотрел на него, словно хотел сказать: «Дай же мне чуточку пожевать ее, она ведь только для этого и годится. Картинок в ней нет, только какие-то черные значки на белой бумаге. Нельзя?.. Ну ладно!.. Давай отправимся куда-нибудь подальше отсюда, где мы будем с тобой только вдвоем. Садись на меня верхом, а я, чтобы позабавить тебя, буду скакать и прыгать. Корми меня зеленой травкой. Засунув голову тебе под мышку, я буду блаженно дремать, а потом ты положишь голову мне на спину и спокойно отдохнешь». Постороннему, вероятно, был непонятен этот язык взглядов, но Мадхо и Мунмун изъяснялись на нем великолепно. Позабыв о родителях, Мадхо вместе с Мунмуном убегал со двора, и друзья весь день бродили по садам и полям. Проголодавшись, Мунмун принимался щипать зеленую травку, а Мадхо так и бродил голодный, довольствуясь лишь обществом своего черного друга.

Шло время... Возраст козла уже исчислялся тремя годами. Мадхо же исполнилось семь лет. Однако Мунмун был уже сильнее, быстрее и даже сообразительнее своего маленького хозяина. И, когда, случалось, Мунмун не хотел идти на привязи, Мадхо уже ничего не мог с ним поделать: козел ташил мальчика за собой. Но все это он делал лишь ради развлечения или для того, чтобы помериться силами. Но Мунмун никогда не раздражал своего друга, ничего не делал ему назло. Заметив, что Мадхо чем-нибудь недоволен, он сразу становился покорным и послушным.

Мальчики, сверстники Мадхо, всегда шумно выражали свой восторг. «Какие рога, — восхищались они, —

будто их маслом натерли! А какая мягкая шкура. Слово пух! А как вырос твой Мунмун, Мадхо!» Им тоже очень хотелось поиграть с козлом. Мадхо, с удовольствием выслушивая похвалы своему мохнатому другу, не мог, однако, спокойно видеть, как товарищи играют с Мунмуном. Он тут же бросался обнимать Мунмуна, целовал и гладил его.

В конце концов Мунмун стал общим любимцем всех ребят деревни.

Да и взрослые, по правде сказать, не могли удержаться, чтобы ласково не взглянуть на Мунмуна, когда тот проходил по улице. Но Мунмун ни на кого не обращал внимания. Ему жилось хорошо и никакого дела до чужих людей не было. С Мадхо он ничего и никого не боялся.

После рождения Мунмуна его мать принесла, наверное, еще с дюжину козлят. Она верой и правдой служила своим хозяевам, увеличивая их стадо и снабжая семью молоком. Но из всего своего многочисленного потомства коза выделяла только Мунмуна, словно не считая других козлят за родных детей.

Мунмун же не чувствовал особой привязанности к своей матери. Она проявилась у него только в первые месяцы его жизни, когда мать кормила его. Коза же и сейчас питала к нему нежное чувство. Заметив, как Мунмун и Мадхо играют или, развалившись на чарпáи¹, греются на солнце, она глядела на них ласковым пристальным взглядом.

Иногда Мунмун подходил к кормушке матери и, отеснив ее, ел совсем не для него приготовленные отруби и мякину, а она, послушно отойдя в сторону, принималась за свою жвачку. Чтобы коза не оставалась голодной, Мадхо приходилось оберегать ее от подобных набегов Мунмуна. Мадхо хотелось, чтобы Мунмун, как и раньше, сосал молоко у своей матери. Схватив козла за рога, он подтаскивал его к козе и прикладывал мордой к соскам. Но Мунмун отворачивал голову, фыркал и с силой вырывался из рук мальчика. Мадхо никак не мог понять этого и строго наказывал Мунмуна за упрямство. Он шлепал его по спине или тыкал кулачком в бок. Мун-

---

¹ Ч а р п á и — низкая деревянная кровать с веревочной сеткой.

мун покорно принимал наказание, встряхивался всем телом, словно выбивал пыль из своей шкуры и как ни в чем не бывало отправлялся бродить с Мадхо по деревне.

Прошел еще год. Мадхо исполнилось восемь, а Мунмун превратился уже в четырехлетнего красавца.

При взгляде на Мадхо отец радостно улыбался, а мать вообще считала себя самой счастливой матерью на свете. Они надеялись, что будущее сына будет радостным и светлым.

Но мать Мунмуна сильно постарела. Козлят у нее больше не было, и молока она уже не давала. И если у животных имеется какое-нибудь право на своих детей, то, вероятно, только право смотреть на них. Она пользовалась им — глядела на Мунмуна и была довольна. Лежа на соломе, старая коза лениво жевала свою жвачку и благодарила всевышнего за счастье, которое он послал ей в лице Мунмуна. Как она представляла себе своего козьего бога — в человеческом облике или в образе какого-нибудь животного, — сказать трудно. Ведь сама-то она ответить на этот вопрос не могла.

Мадхо давно хотелось запрячь Мунмуна в тележку и прокатиться по деревне. Он представлял, какими глазами будут смотреть на него сверстники, и заранее радовался и гордился.

Остановка была только за тележкой, и Мадхо просил отца сделать ее. Но отец не соглашался и при этом так зло смотрел на Мунмуна, словно тот был главным виновником причуд и капризов сына.

Мунмун не пытался учить человеческий язык и вникать во все, что вокруг него говорилось. Он не умел угадывать и тайные помыслы и чувства людей. И все же он заметил, что за последние несколько дней внимание к нему значительно возросло. Завидев его, люди начинали о чем-то переговариваться и рассматривали его так, словно прикидывали на глаз его упитанность и вес.

В доме хозяина шли какие-то приготовления и что-то изменилось в привычной обстановке.

При виде происходящего Мунмун смутно вспоминал что-то очень неприятное, тяжелое, что ему пришлось увидеть в детстве, и эти воспоминания причиняли ему боль, вызывали тревогу. Мадхо не мог ему даже посочувствовать, так как сам ничего не понимал и ни о чем не догады-

вался. Когда над Мадхо впервые совершали обряд бритья головы, Мунмуна увешали гирляндами и красным порошком поставили ему на лбу знак. И теперь Мадхо радовался при мысли, что скоро Мунмуна снова украсят яркими цветами и будут оказывать ему знаки почтения. Завтра должно состояться второе бритье головы, и на этот раз сам Мадхо будет украшать своего козла, показывать Мунмуна своим друзьям, хвастать им.

Однако на следующее утро после пышного обряда жертвоприношения, когда пели поздравительную песню в честь Мадхо, мальчик как помешанный бегал по двору, заглядывал в каждый уголок в поисках Мунмуна. Его друга нигде не было.

Во дворе сутились слуги, готовившие праздничный обед для всей деревни. Опытные повара хвастались друг перед другом своим мастерством. На возвышении сидел мунш¹ и, потягивая трубку, поглядывал на котел, в котором варилась пища. Сюда почти никто не заглядывал. Прошел мимо и Мадхо. Разве мог он догадаться, что Мунмуна нужно искать здесь, что в котле варилось мясо Мунмуна, которым должны были угощать гостей, съехавших на семейное торжество!

Все люди были заняты своим делом. Только виновник торжества Мадхо не мог найти себе места. Куда девался его друг? Где Мунмун? Но разве скажут ему об этом домашние или гости? Они солгут ему, объяснят исчезновение Мунмуна как-нибудь иначе.

В своем горе Мадхо пошел к матери Мунмуна. Может быть, старая коза знает, где ее сын? Подойдя к козе, которая была привязана в самом дальнем углу сада, Мадхо обнял ее за шею и, спрятав лицо в ее длинной и грубой шерсти, горько заплакал. Никто из домашних не слышал его, да если бы и услышал, то вряд ли понял душевную боль мальчика.

Коза, по обыкновению, медленно и тяжело пережевывала жвачку, а иногда, повернув голову, пристально смотрела на мальчика. Мадхо, встречаясь с ней взглядом, чувствовал некоторое облегчение. Ему казалось, что она тоже скорбит о Мунмуне. Во всем доме царило оживление, звучали песни и гимны. Воздух был полон ароматов вес-

---

¹ М у н ш и́ — здесь: конторщик, управляющий.

ны. Запахи масел и трав, которые подкладывались в ритуальный костер, смешивались с запахами угощений, расставленных перед гостями. Только старой козе и Мадхо не было ни до чего дела: коза молча лежала, презрительно созерцая бессердечное человеческое общество, а мальчик рыдал и бился в смертельной тоске, как бился, вероятно, и сам Мунмун, когда его тащили к жертвенному алтарю.

Сиярамшаран Гупта
БУМАЖНЫЙ ЗМЕЙ

Н а рассвете, когда Шьяму только что открыл глаза, весь дом был уже полон воллей и шума. Его тетя Ума, накрытая до подбородка каким-то полотном, лежала на земляном полу, а все домашние скорбно причитали, стоя около нее.

Шьяму был относительно спокоен, пока тетя лежала

тут, дома. Но, едва ее стали поднимать на носилки, чтобы нести к месту сожжения, Шьяму взбунтовался. Вырвавшись из рук взрослых, он ничком упал на покойницу, ухватился за нее ручонками, крича:

— Моя тетя спит, куда вы ее тащите? Не дам уносить тетю!

С трудом удалось оторвать его от тела. Его не пустили и туда, куда унесли тетю. Какая-то старушка осталась с ним дома.

Малышу сказали, что тетя ушла в гости, но вскоре он узнал всю правду от соседских мальчишек. Оказывается, тетя не в гости ушла, а «улетела на небо, к самому богу». Он горько плакал несколько дней подряд, но потом успокоился.

Все же печаль подобно дождевой воде, которая, испарившись с поверхности, долго еще задерживается в земле, засела где-то глубоко в его маленьком сердце. Усевшись где-нибудь в одиночестве, он теперь подолгу пристально смотрел на небо.

Однажды он увидел сверху бумажного змея. Неизвестно, что за мысль пришла ему в голову, но только он побежал к Вишвешвару и стал просить его:

— Дядя, сделай мне змея. Сделай сейчас же, немедленно!

После смерти жены Вишвешвар все еще не мог прийти в себя.

— Хорошо, хорошо, сделаю, — рассеянно ответил он и печальный побрел куда-то.

Что делать? Шьяму не терпелось сейчас же исполнить свое желание. Увидев на вешалке пиджак Вишвешвара, мальчик подтащил туда табуретку и, взобравшись на нее, ощупал карманы пиджака. Отыскав в одном монетку в четыре анны, он спрыгнул с табуретки и выбежал во двор.

Там он увидел своего лучшего друга — сына няньки Бхóлу. Отдав ему монетку, Шьяму сказал:

— Сбегай быстро к своей сестре, пусть она потихоньку принесет мне змея и бечевку. Только смотри, чтобы никто не знал об этом.

Не прошло и часа, как змей был в руках у мальчика. Спрятавшись в какой-то темной, заброшенной хижине, Шьяму принялся привязывать к нему бечевку.

— Если ты никому не проболтаешься, я тебе расскажу кое-что, — сказал он другу.

Бхола кивнул головой:

— Будь спокоен.

И Шьяму открыл ему свою тайну:

— Я запущу этого змея до самого неба, и моя тетя спустится по нему вниз. Только жаль, что я не умею писать, а то бы я написал на змее ее имя.

Но Бхола был еще сообразительнее Шьяму. Он сказал:

— Ты хорошую штуку придумал, Шьяму, только одно плохо — бечевка тонкая. Как бы она не порвалась, когда твоя тетка начнет спускаться вниз... Если бы привязать толстую веревку, то было бы в самый раз...

Шьяму задумался. Пожалуй, Бхола прав, но где взять толстую бечеву? Из похищенных у дяди денег у него не осталось ни пайсы, а домашние, которые так безжалостно сожгли тетю, конечно, ничего не дадут на это дело. До самой полуночи Шьяму не мог уснуть. Где взять денег?..

Наутро, как и в прошлый раз, он обшарил карманы дядиного пиджака и вытащил попавшуюся ему под руку рупию. Отдав ее Бhole, он сказал:

— Смотри, Бхола, чтоб никто ничего не знал. Купи две хорошие бечевы, одна будет запасная. Я попрошу Джавахара, он напишет на змее имя тети... И змей полетит прямо к ней.

Спустя два часа, когда Шьяму и Бхола, сидя в темной комнате, с увлечением прилаживали к змею бечеву, в комнату быстро вошел дядя Вишвешвар и грозно спросил у растерявшихся мальчиков:

— Вы стащили у меня рупию?

Бхола, струхнув, сразу же предал:

— Это Шьяму. Ему нужны были деньги, чтобы купить змея и бечеву.

Вишвешвар, не раздумывая, отпустил Шьяму пару затрещин.

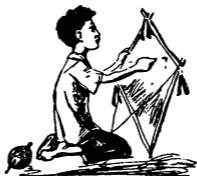
— Воровать научился? — крикнул он. — В тюрьму захотел? Вот тебе за это! Вот тебе!..

Наградив Шьяму еще несколькими подзатыльниками и отодрав его за уши, Вишвешвар порвал змей. Сматывая длинные бечевки, он сердито приговаривал:

— И на что вам только понадобилось столько бечевы?..

— Это все он, — опять выскочил Бхола. — По ней, говорит, тетка с неба на землю спустится.

Вишвешвар, растерявшись, так и застыл на месте. Потом нагнулся и поднял с полу порванный змей. На листке, приклеенном к змею, было написано: «Тете Уме».

Бхагаватипрасад Ваджпейи

ПРОДАВЕЦ ИГРУШЕК

1

-К

ому детские игрушки! — громко кричал он, шагая вдоль улиц и переулков.

Люди невольно отрывались от своих повседневных дел и поднимали голову, едва слышав этот странный, но такой чарующий голос. «Кому детские игрушки!» Эти простые, но полные неизъяснимой нежности слова вносили заметное оживление в жизнь обитателей домов, мимо которых он проходил. Молодые женщины, прижимая к груди малышей, приподнимали тростниковые занавески, чтобы хоть из глубины

окна посмотреть на торговца. Толпы ребятишек, мирно игравшие в пыли переулков, вмиг окружали продавца игрушек, который, важно усевшись на землю, раскрывал ящик.

Восторгам не было конца. Дети один за другим несли деньги, приценивались к разложенным перед ними игрушкам. «Сколько стоит? — кричали они, перебивая друг друга. — А вон то? А это?» Торговец внимательно оглядывал маленького покупателя, брал из его ручонок деньги и отдавал полюбившуюся игрушку. Обрадованные малыши мчались домой, крепко зажав в руке покупку, а вслед им звенел все тот же голос: «Кому детские игрушки!» Подобно морской волне, эти дивные звуки заливали весь переулок, таё в себе новую удивительную музыку. Затем торговец собирал товар и отправлялся дальше.

Сыновья Виджа́й-бахадúра, Чунну́ и Мунну́, тоже вернулись домой с игрушками.

— Посмотрите, какая у меня хорошая лошадка! — поспешил похвастаться Чунну.

— А какой у меня слон! — не отставал от брата Мунну.

Прижимая игрушки к груди, мальчики прыгали от радости. Мать с улыбкой следила за ликующими сыновьями.

— Сколько же вы заплатили за эти игрушки? — спросила она.

— Торговец отдал их всего за две пайсы, — быстро ответил Мунну.

«Как дешево! — подумала Рóхини. — Неужели он не понимает, что продешевил? Ну ладно, раз отдал, значит так надо».

На том дело и кончилось. Рохини занялась своим делом и никогда больше не вспоминала об этом.

2

Прошло шесть месяцев.

Люди рассказывали, что в городе появился необычный продавец дудок.

— Это просто чудо! — говорили горожане. — Он играет на дудке, как настоящий мастер, а продает ее всего

за две пайсы. Совсем дешево! А ведь он вложил в нее немалый труд.

— А каков он из себя? — спросил кто-то. — Может, он у нас и раньше бывал?

— Совсем не старый, лет тридцати — тридцати двух. Худощавый и светлый, на голове цветная чалма.

— А не он ли раньше торговал игрушками?

— Разве он продавал игрушки?

— Конечно. Тот был точно такой же, как ты рассказал.

О продавце дудок теперь говорили повсюду. И каждый день в переулках снова раздавался мягкий, приятный голос:

— Кому детские дудочки!

Услышав этот голос, Рохини сразу вспомнила продавца игрушек. «Тот точно так же оповещал о своем приходе», — подумала она.

— Позови, пожалуйста, этого продавца дудок, — попросила она своего мужа, Виджай-бабу¹. — Я хотела бы купить их для мальчиков. Они убежали играть в парк.

Оторвавшись от газеты, Виджай-бабу подошел к двери.

— Эй, приятель! — крикнул он. — Сколько же стоят твои дудки?

К торговцу со всех сторон сбегались ребята. Кто-то из них в спешке потерял шапку, у другого остался в парке башмак, третий придерживал рукой штанишки, чтобы второпях не потерять их. Тяжело дыша, ребята тесным кольцом окружили заветный ящик.

— И нам дай дудочку! И нам! — весело кричали они.

Необычайный торговец так и расцвел от радости.

— Всем, всем хватит! — говорил он. — Только подождите немного. Дайте мне ответить почтенному господину. Я сейчас вернусь к вам. Ведь я для того и пришел, чтобы продавать дудочки. У меня их не одна, не две, а целых пятьдесят... Итак, бабу-джи², вы спрашивали, сколько стоят дудки? За каждую я прошу три пайсы, но вам отдам за две...

¹ Бабу — вежливое обращение к образованным людям, чиновникам и т. п.

² Джи — особо почтительное обращение к старшим по возрасту.

Виджай-бабу не мог удержаться от улыбки.

— Да ведь ты всем продаешь за две пайсы, — сказал он, — а делаешь вид, что хочешь меня облагодетельствовать.

Продавец дудочек даже в лице изменился.

— Да разве вы знаете, бабу-джи, сколько они мне стоили? — проговорил он. — Покупатели всегда думают, что торговец обкрадывает их... Почему вы не верите мне? Ведь вы нигде не купите дудку за такие деньги. Я сделал их целую тысячу и потому продаю так дешево.

— Ну ладно, — сказал Виджай-бабу, — не отнимай у меня времени. — И, купив две дудки, он вошел в дом.

А торговец еще долго продавал свои дудочки в толпе ребятишек. Они были у него всевозможных цветов, и каждый выбирал себе такую, какая ему больше пришлась по душе.

— Вот очень хорошая дудка, — приговаривал торговец. — Возьми ее. А для тебя, Раджа, у меня припасена вот эта. Бери... Нет, — продолжал он, обращаясь к другому, — тебе эта дудка не подходит, тебе нужна другая, оранжевая... Нет денег? Пойди и попроси у мамы, я подожду тебя здесь. А ты принес деньги? Хорошо, бери, я еще раньше приготовил для тебя очень хорошую дудочку... А ты не достал денег? Наверное, не просил как следует. Маму надо обнять покрепче и попросить очень ласково. Сходи-ка еще раз, и она обязательно даст тебе денег... Это что, целая анна? Бери две пайсы назад. А теперь проверь сдачу... А, вот и ты! Принес деньги? Ну, что я тебе говорил?.. Больше никому не надо? У всех есть? У твоей мамы нет денег, говоришь? Ладно, бери без денег. Ну, я пошел.

И продавец дудок отправился дальше.

3

Рохини, сидевшая у окна, слышала все, что говорил торговец. Еще ни один уличный разносчик не разговаривал с детьми так ласково, как этот. А как дешево он продает свой товар! Наверное, очень хороший человек. Как жаль, что он так бедствует!

В это время до ее слуха снова долетел знакомый возглас:

— Кому детские дудочки!

«Какой все же у него приятный голос!» — в который раз подумала она.

Много раз вспоминала она этого странного человека. Но месяц проходил за месяцем, а торговец не появлялся в их городе, и понемногу она стала забывать о нем.

4

Прошло около года.

Как-то прохладным зимним днем Рохини, вымыв голову, вышла на крышу дома, чтобы высушить на солнце свои длинные волосы, и в этот момент снизу, из переулка, послышался знакомый голос:

— Кому конфеты и другие сласти!

Рохини быстро спустилась с крыши. Мужа не было дома, и в комнате сидела лишь старая бабушка.

— Надо бы купить конфет для ребят, дади¹, — сказала Рохини. — Может быть, ты позовешь торговца? Я и сама бы сходила, да неудобно показаться на улице в таком виде. Я сяду здесь, за тростниковой занавеской.

Бабушка, кряхтя, поднялась с места.

— Эй, разносчик! — закричала она с порога. — Подойди сюда!

Торговец приблизился к дому:

— Каких конфет пожелаете, мать? Раньше ведь таких не делали. Смотрите, все разноцветные, в меру сладкие и с кислинкой, очень вкусные. Их можно долго сосать, они не сразу тают во рту. Особенно любят их дети. Кроме того, они очень помогают от кашля. Сколько вам насыпать? Есть плоские, круглые, кубиками. На одну пайсу шестнадцать штук.

— Ну, брат, это мало, — возразила старуха, — давай двадцать пять штук.

— Нет, дади, больше дать не могу, ведь я... Нет, нет, больше дать не могу.

— Ничего, дади, он недорого просит, — раздался из глубины дома голос Рохини. — Возьми у него на четыре пайсы.

Торговец принялся отсчитывать конфеты.

— Слышишь, давай на четыре пайсы. Ну, не два-

---

¹ Д а д и — бабушка.

дцать пять, так хоть двадцать. Я, видно, уж совсем старая стала — совсем разучилась торговаться, — сказала старуха, улыбнувшись беззубым ртом.

— Спроси-ка у него, дади, — снова вмешалась Рохини, — не бывал ли он раньше в нашем городе. Где он живет?

Не успела старуха повторить вопрос, как торговец ответил:

— Да, я здесь не впервые. Уж несколько раз приходил в ваш город.

— А раньше вы торговали конфетами или чем-нибудь другим? — спросила Рохини из-за тростниковой занавески.

— До этого я продавал дудки, — неуверенно ответил торговец, — а еще раньше игрушки.

Рохини не ошиблась: это был он! Ей очень хотелось расспросить его.

— Вы, должно быть, выгодно торгуете? — спросила она.

— Да какая там выгода! Себя бы только прокормить. А иногда и на это не хватает. Но все же временами я испытываю настоящее удовлетворение, даже счастье.

— Почему? Расскажите, пожалуйста.

— Не надо. Ничего, кроме огорчения, мой рассказ вам не доставит.

— Прошу вас, расскажите. Убытка у вас не будет, возьму еще конфет.

— Видите ли, когда-то и я был всеми уважаемым, достойным человеком, — начал торговец с необыкновенной серьезностью. — У меня было все: работа, дом... Была жена и двое маленьких детей. Я жил, как в сказке: был не беден, наслаждался счастьем и душевным покоем... Жена слыла красавицей, и я всем сердцем ее любил. Дети тоже были прелестны, прямо живые куколки. Когда они играли, весь дом наполнялся веселым шумом. Но случилась беда, и я потерял всех... Почему-то всевышний пока не зовет меня к себе. Вот я и брожу по земле в поисках своих детей. Может быть, они появятся где-нибудь снова, в облике других детей. Я чувствую, что умру от горя, если не встречу их. Взглянуть бы хоть одним глазком, и тогда можно спокойно умереть. Иногда я всем сердцем чувствую, что они где-то рядом. Мне кажется, что они пры-

гают, смеются и играют на улице среди других детей. О деньгах я совсем не думаю — хватает на жизнь, и ладно. А вот от детей я получаю то, чего у меня уже нет.

Глаза его, когда он произносил эти слова, были полны слез.

В это время в комнату вошли Чунну и Мунну. Ласково прижавшись к матери, они потянули ее за конец сари:

— Мамочка, дай конфет!

— Берите, малыши, — проговорил торговец, всунув детям в руки два бумажных пакетика.

Рохини протянула ему деньги.

— Нет, нет, с вас я не возьму ничего, — сказал торговец, поднимая свой ящик.

— Вот чудак! — окликнула его старуха. — Вернись и возьми деньги.

Но он уже был далеко, и только где-то в конце переулка снова звенел его красивый и приятный голос:

— Конфеты! Кому конфеты!

**Сатьявати Малик
БРАТ И СЕСТРА**

-М

ама!.. Ай-я-яй! Ай-я-яй! — слышалось за дверью. — Мама!..

Когда жалобное «ай-я-яй» раздалось в третий раз, Савитри не выдержала. Бросив на стол копировальную бумагу и рисунок, она быстро открыла дверь и, взяв на руки Камála, стоявшего около ванной комнаты, стала утешать его, приговаривая:

— Не надо плакать, не надо плакать, сынок.

— А что Нирмала дразнится и еще обрызгала меня, всю рубашку мне измочила!..

Из ванной комнаты доносилась шутильная песенка, которую тонким голоском распевала Нирмала:

Камаль рёва, плакса был...

— У, какая нехорошая девчонка! Пусть только она выйдет, уж я ей задам!.. Будет она знать, как обижать своего братца!

Получив от матери такое заверение, Камаль быстро успокоился и отправился менять рубашку.

Ко дню рождения своего брата Нарэндры Савитри решила подарить ему белую полотняную скатерть, собственноручно вышив на ней шелком светло-голубых и золотистых бабочек и темно-красные звезды.

Прилежно работая иглой, Савитри вся погрузилась в приятные воспоминания детства. Дни, когда она и Нарендра были малышами, когда они вместе росли и играли, проходили быстрой чередой перед ее мысленным взором. Воображение живо рисовало образ любимого брата, который жил теперь так далеко от сестры. Но сейчас Савитри казалось, что он здесь, рядом с ней, что его портрет, висевший на стене, вот-вот оживет и Нарендра, улыбнувшись, ласково заговорит с сестрой.

От чувств, переполнявших до краев ее сердце, на глаза Савитри навернулись слезы. Как раз в это время она и услышала крики и вопли, которые вырвали ее из мира грез и заставили отвлечься от работы.

Сейчас, глядя на Нирмалу, укладывающую в сумку свои тетради, она строго говорит ей:

— Как тебе не стыдно, дочка? Камаль на четыре года моложе тебя, а ты его все время обижаешь, ни до одной вещи не даешь дотронуться. Бедняжка то и дело плачет из-за тебя. Скажи на милость, что сделается твоему пеналу, если он подержит его в руках?..

Нирмала, опустив голову, лукаво посмеивается.

Заметив это, Савитри недовольно хмурит брови.

— Подожди, вырастешь — пожалеешь, что так обращалась с братом. Захочешь с ним повидаться, поговорить — а его и нет. Брат и сестра не вечно вместе живут...

Упреки матери вызывали у девочки недоумение. Чего от нее хотят?.. Бросив исподлобья пристальный, серьезный и вместе с тем любопытный взгляд на мать, Нирмала снова уставилась в пол.

Когда полчаса спустя Нирмала и Камаль ушли в школу, все происшедшее показалось Савитри совсем уж не таким значительным. Ей вдруг вспомнилось, как несколько лет назад она сама поссорилась с Нарендрой. Почему она тогда рассердилась на брата?.. Из-за какого-то пустяка! Но то, что теперь ей кажется незначительным, в то время представлялось чем-то очень важным. Во всяком случае, она не разговаривала с братом целый месяц. И Нарендра, чтобы досадить ей, с утра до вечера заводил патефон и смотрел на окно ее комнаты в подзорную трубу, которую для этой цели попросил у друга. Савитри не могла удержаться от смеха, вспомнив, как она, нахмутив брови, молча входила в комнату Нарендры и, не глядя на брата, ставила перед ним тарелку с едой.

* * *

Про себя Савитри решила, что не будет говорить с Нирмалой таким строгим тоном. В конце концов, никакого преступления девочка не совершает, балуется, и все.

Но на другой день Камаль снова пришел с жалобой: Нирмала не хочет гулять вместе, бросает его одного, вместо «Рыбак рыбку удил» распекает «Камаль рыбку ловил» и обзывает дураком...

Дело было пустячное, и, конечно, следовало бы обратить все в шутку. Но упрямая девчонка, ссорясь с Камалем, отвлекает Савитри от нужного дела. Поэтому, отшлепав Нирмалу, Савитри к тому же отчитала ее:

— Хватит, терпение мое лопнуло! Одна девочка в доме, а никому от нее покоя нет! Завтра же попрошу, чтобы тебя исключили из школы, раз ты так себя ведешь и обижаешь брата.

Поставив перед детьми поднос с лепешками и вареными овощами, она проговорила уже более спокойно:

— Когда я была в твоём возрасте, Нирмала, я никогда не дразнила своих братьев и сестер, никогда не огорчала родителей!

Но Савитри отлично знала, что это было далеко не так.

Наступил праздник.

Дверь приоткрылась, и в комнату робко заглянул Камаль.

— Мама, мы пойдем к Сите и из ее окна поглядим на улицу, — сказал он.

— Не надо, сынок, — ответила Савитри. — Отсюда тоже хорошо видно.

В этот момент она заметила, что за дверью прячется Нирмала.

Вот хитрая девчонка! Всегда его, бедняжку, посылает, если надо что-нибудь выпросить.

— Ну ладно уж, ступайте, — сказала Савитри.

На улице уже собралось много народу. Стоя в дверях дома, Савитри с интересом разглядывала яркую толпу, следила за автомобилями, которые старались пробраться сквозь людской поток.

А в это время Нирмала обнаружила, что Камаль исчез. В страхе она растерянно металась по улице. В поисках брата она незаметно от матери прибежала домой и, как испуганная птица, потерявшая птенца, промчалась по всем комнатам. От страха у нее даже в глазах потемнело. Разве мать не рассказывала ей, как в толпе пропадают дети? «Братец... Камаль... Что же я буду делать?» — в ужасе думала она.

На улице вдоль тротуара торговцы разложили свой красочный товар: разноцветные игрушки и шары, бумажные змеи, веера и свистульки, кричавшие петушиными голосами. Где-то в толпе, словно за кулисами, глухо звучали барабаны. У ребятишек прямо глаза разбегались.

Но Нирмала ничего не видела и не слышала. Стремительно прорываясь через толпу, она прибежала к Сите. Камалья не было и здесь! С опухшими от слез глазами девочка, спотыкаясь, прибежала к матери.

— Камаль... Камалья у Ситы нету! — проговорила она прерывающимся голосом.

Савитри вздрогнула. Мальчик мог попасть под машину или повозку, затеряться в толпе! Правда, она хорошо знала своего робкого сынишку — он всегда жметесь где-нибудь в сторонке. Может, и сейчас он, испуганный, укрылся в какой-нибудь лавке?

Удивленная слезами дочери, Савитри молча взгляну-

ла на нее, стараясь понять, чем вызвано такое беспокойство этой озорной девчонки. «Неужели кто-нибудь может беспокоиться о малыше больше, чем мать? — подумала она. — Ведь Нирмала всегда только и делала, что дразнила Камалья!»

Но вот процессия закончилась. Движение транспорта возобновилось, толпа поредела, и из нее вынырнул соседский слуга, одетый в короткие штаны и белую рубаху. Рядом с ним, держась за руку, топал ножками Камаль.

Изумленная Савитри увидела, как Нирмала помчалась к братишке и, крепко прижав его к себе, залилась в три ручья.

— Сумасшедший, ну куда ты ушел? Зачем ты побежал один? — приговаривала она, целуя Камалья.

Савитри показалось, что ее душу озарили теплые лучи солнца. Со слезами на глазах она обняла дочь.

— Люби свою сестру, сынок! — взволнованно сказала она Камалю. — Никогда не ходи один на улицу. Видишь, как сестра плачет из-за тебя.

— А я не плакал, что ли? — обиженно сказал Камаль, видя, как мать нежно успокаивает Нирмалу.

— Почему же ты плакал, родной?

— Шар надо было купить, а денег-то нет.

Неожиданно сорвавшись с места, Нирмала выбежала на улицу. Истратив все деньги, которые она копила так долго, девочка купила брату два шара и несколько бумажных игрушек. Отдав все это обрадованному Камалю, она снова обняла его и в который раз повторила:

— Дурашка! И зачем только ты ушел один?

Мохан Ракеш
ПУСТЯКОВОЕ ДЕЛО

В жизни малыша Яшавира произошло грандиозное событие: из привычной обстановки родного городка, расположенного на совершенно плоской равнине, его перевезли в горы, на высоту шесть тысяч футов, и, вырвав из крошечного мирка семьи, бросили в многолюдный и шумный мир, где все пугало его своей необычностью.

Английская школа!.. Все здесь было ново для индийского мальчика: и сама обстановка школы, и то, чему его учили. Первое, что ему приказали усвоить, — это было правило: при виде каждого воспитателя в черном костюме убирать руки за спину и говорить: «Гуд афтенун¹, сэр». Однако, пока он твердо заучил это приветствие и мог достаточно отчетливо произнести его, он услышал, как другие мальчики уже приветствуют воспитателей словами «Гуд йвнинг², сэр». Он сразу же стал тренироваться в произнесении новой фразы.

Вечером, когда классный наставник мистер Бартон, подойдя к постели, ласково погладил его по голове, Яшавир, желая блеснуть перед ним своими достижениями в английском языке, громко приветствовал его:

— Гуд ивнинг, сэр!

Его соседи по комнате так и прыснули, и Яшавир понял, что опять заучил и сказал не то, что надо. Чтобы не ударить лицом в грязь и выйти из неловкого положения, Яшавир немедленно призвал на помощь вторую известную ему фразу.

— Гуд афтенун, сэр! — бойко отчеканил он.

Мальчики рассмеялись еще громче, а Яшавир, устыдившись мизерности и неточности своих познаний, с головой закрылся одеялом.

Наутро он решил, что не будет произносить ни одного слова, не узнав предварительно его точное значение. Кроме того, у него были некоторые сомнения относительно правильности своего поведения в столовой. Еще вчера за ужином он обратил внимание на то, что, прежде чем усесться за стол, все ученики выстраиваются в ряд и стоя слушают то, что торжественно читает наставник, потом хором произносят «аминь» и только после этого усаживаются. И, хотя этот порядок казался ему очень странным, требовалось его усвоить. Кроме того, ему было совершенно неясно, зачем около тарелки кладут ложку, вилку и нож. Поковыряв кое-как ложкой рис, он так и не нашел применения двум другим предметам. Когда утром за завтраком он увидел их перед собой снова, причем разложенными в том же самом порядке, он вдруг заклю-

---

¹ Добрый день (англ.).

² Добрый вечер (англ.).

чил, что их кладут, видимо, для того, чтобы показать место, куда надо ставить тарелки. Что эти вещи имеют какое-то отношение к молоку и ячменной каше, которые подали на завтрак, и он так и не додумался. Последнюю даже и не ел. Открыв коробку с печеньем, которую перед отъездом подарила ему мама, он аккуратно отвернул кружевную бумагу и вынул оттуда несколько штук. Но только он поднял руку, чтобы отправить печенье в рот, как сосед по столу, зачерпнув из банки, стоявшей перед ним, ложку чего-то темно-красного, быстро наложил это на печенье Яшавира и шепотом сказал:

— Кушай с джемом!

Яшавир с недоверием покосился на незнакомое варенье, но, не желая оставаться в долгу, взял со своей тарелки одно печенье и протянул его своему соседу:

— Бери, это печенье.

— Нет, что ты, мне не нужно! — с независимым видом сказал мальчик и, намазав слой джема на ломтик поджаренного хлеба, стал с аппетитом уплетать его.

От неожиданности Яшавир растерялся: почему мальчик, угостив его своим джемом, отказывается от угощения?.. Покраснев, он сам положил печенье на тарелку соседа.

— Я же сказал, что мне не нужно печенья, — повторил мальчик.

— А зачем же ты давал мне джем? — с обидой спросил Яшавир и отодвинул подальше свою тарелку, чтобы мальчик не мог положить печенье обратно.

Мальчик не ответил. Кончив есть, он встал и, взяв банку с джемом, передал ее мальчику постарше, который сидел за другим столом. В маленьком сердце Яшавира разыграл дух соперничества. Разве джем вкуснее печенья? Схватив коробку с печеньем, он подошел к соседнему столу и протянул другому мальчику:

— Бери печенье!

— Мне не нужно, — ответил тот мальчик с таким же гордым и независимым видом, как и сосед Яшавира.

— Нет, ты возьми хоть одно, — упрямо настаивал Яшавир.

Он не мог допустить, чтобы оба мальчика отказались от его угощения: это означало бы сдачу позиций, полное поражение.

Прежде чем запустить руку в коробку, мальчик оторвал половину листа кружевной бумаги, которая закрывала печенье сверху, и Яшавир мужественно снес эту бестактность. Но, когда мальчик поставил под угрозу само существование коробки и вместо одного печенья вытащил почти все содержимое, Яшавир не выдержал.

— Одно, только одно, — схватив мальчика за руку, проговорил он голосом, в котором звучали и гнев и слезы.

— Одно? Только одно?.. — удивленно переспросил мальчик.

С трудом сдерживая слезы, Яшавир утвердительно кивнул головой.

Сжав кулак, мальчик моментально сломал в нем печенье, которое только что хотел взять, а крошки с презрением высыпал обратно в коробку.

— Убирайся от меня со своим печеньем! — презрительно бросил он Яшавиру, отвернувшись.

Придя после завтрака к себе в комнату, Яшавир долго молча и грустно стоял у окна, сдерживая накипающие слезы. Он чувствовал себя глубоко несчастным. Последние два дня он все время говорил и делал не то, что нужно.

Когда прозвучал звонок на поверку, Яшавир еще не был готов. Кое-как приведя в порядок свой костюм, он начал сражаться с галстуком. Наконец узел был завязан правильно, но подгалстучник оказался вдвое длиннее самого галстука. Взглянув на свои ноги, Яшавир заметил, что, обуваясь, он второпях надел только один носок. Оставив галстук, Яшавир нагнулся, чтобы поскорее натянуть второй носок. В это время в комнату вошел мистер Бартон. Яшавир вскочил, заложил руки за спину и, выпятив колесом грудь, приготовился к осмотру. Но тут сердце у него замерло: он вспомнил, что не успел застегнуть пуговицы брюк, которые медленно сползали с него. Это так смутило мальчика, что он даже забыл сказать мистеру Бартону «Гуд мórнинг¹, сэр», хотя вчера замечательно выучил эту фразу и знал, что может спокойно употреблять ее до двенадцати часов дня.

Мистер Бартон, задержавшись на минуту около Яшавира, пристально осмотрел его с головы до ног и, прика-

---

¹ Доброе утро (англ.).

зав ему в пять часов обязательно зайти к нему в кабинет, прошел дальше. Сопровождавшему его мальчику он велел проследить, чтобы новичок выполнил приказание.

Когда мистер Бартон скрылся за дверью, Яшавир испуганно осведомился у стоявших рядом воспитанников, не знают ли они, зачем его вызывает наставник.

— Скорее всего, затем, чтобы дать тебе отведать стека, — ответил один из них.

Вообразив, что его чем-то собираются угостить, Яшавир успокоился. Однако днем, проходя мимо кабинета мистера Бартона, решил полюбопытствовать:

— А что такое стек?

— Стек — это трость.

— Трость?..

Яшавир сразу же вспомнил трость своего отца, с которой он очень любил играть, и обрадовался: сейчас ему выдадут трость для игры.

— Каждый мальчик получает здесь только по одной трости или их дают несколько? — наивно спросил он.

Но, когда ему объяснили, что значит «получать стек» и какое место при этом больше всего страдает, Яшавир вздрогнул и побледнел. Он впервые услышал, что тростью можно не только играть...

— А что я должен делать, когда меня накажут? — спросил он, боясь и здесь попасть впросак.

— А ничего. Скажешь «сэнк'ю¹, сэр» и ступай в свою комнату.

«Сэнк'ю, сэр... сэнк'ю, сэр», — старался затвердить Яшавир незнакомые слова.

Мысль о том, что его ждет, отошла на задний план. Главное было запомнить и правильно произнести новую фразу:

— Сэнк'ю, сэр! Сэнк'ю, сэр! Сэнк'ю, сэр!

Дин-дон, дин-дон, — зазвонил церковный колокол. Шествуя в общей колонне воспитанников, Яшавир горел нетерпением узнать, какой бог живет в этом большом, красивом доме, называемом церковью.

Началась общая молитва.

Яшавир не знал слов молитвы, и ему скоро стало скучно. Так и подмывало немного подвигаться, посту-

---

¹ Благодарю вас (англ.)

чать ногой в такт молитве, но, опасаясь, как бы бог не рассердился на него, он заставил себя стоять неподвижно.

Мальчики, стоявшие рядом, усердно молились. Все они держали руки перед глазами, ладонями внутрь, будто просили о чем-то, и в то же время — неизвестно, как это им удавалось, — стройно, хором, произносили слова. Никто не отставал от других и не вырывался вперед. Заслонившись по их примеру ладонями, Яшавир думал: что же это значит — держать руки таким образом? Разве до английского бога не доходит молитва, если ее читают с открытыми глазами? А где же сам бог? То ли среди свечей у алтаря, то ли сидит внутри этого падре¹, что расхаживает по церкви в длинном черном халате? Чтобы разобраться в этом, он осторожно отнял руки от глаз и стал присматриваться, но потом, испугавшись, что бог строго накажет его за этот новый проступок, плотно прикрыл глаза.

Когда наступило время обеда, Яшавир опять забеспокоился. Еда казалась ему теперь очень сложным делом. Он глаз не спускал с окружающих, наблюдая, как они режут ножом хлеб, берут вилкой овощи. По примеру других ребят, он тоже взял в руки нож и, держа его тупым концом книзу, попытался отрезать кусочек хлеба, но хлеб не поддавался. Затем он попробовал поймать на вилку две-три горошины, которые виднелись среди зелени на тарелке, но и это ему не удалось. Раздосадованный неудачей, Яшавир нажал на нож изо всей силы, задел стоящее рядом блюдо с овощами и перевернул его.

Овощи вывалились Яшавиру прямо на колени. На секунду стук ножей и вилок в столовой прекратился, и наступила полная тишина. Все насмешливо переглянулись. Мистер Бартон не мигая уставился на Яшавира, который вдруг испуганно и бессмысленно забормотал:

— Сэнк'ю, сэр! Сэнк'ю, сэр!

Какой-то мальчик вывел Яшавира во двор и, тряпкой смахнув овощи с его костюма, замыл жирные пятна. Но, вернувшись за стол, Яшавир уже не мог есть с прежним аппетитом. Он сидел смущенный и подавленный и невыразимо страдал от сознания, что он горький неудачник

---

¹ Падре — священник.

и совершает одну ошибку за другой. Неужели всевышний не поможет ему вечером, когда он пойдет «получать стек», и он не сумеет четко и твердо произнести «сэнк'ю, сэр»?..

Наконец пробило пять, и он с замиранием сердца постучал в дверь кабинета мистера Бартона. Сейчас он подставит свою спину и, получив причитающееся количество ударов, тут же отчеканит: «Сэнк'ю, сэр!»

Однако мистер Бартон, открыв дверь и пропустив Яшавира в комнату, не приказал ему подставить спину и даже не дотронулся до своего стека. Он прежде всего спросил Яшавира, нравится ли ему школа, товарищи, воспитатели, затем ласково погладил его по голове и, протягивая конфетку, сказал:

— Ну, ступай. Это пустяковое дело. Скоро ты привыкнешь, и все пойдет хорошо. Не унывай!

Яшавир покосился на стек, стоявший в углу, потом удивленно взглянул на мистера Бартона и молча вышел из комнаты. Он был искренне огорчен тем, что ему не представилась возможность сказать «Сэнк'ю, сэр». До следующего подходящего случая он, чего доброго, и забудет эти слова.

И вдруг Яшавира словно осенило, он быстро повернулся, ворвался в кабинет мистера Бартона и, радостно выкрикнув: «Сэнк'ю, сэр!», — со всех ног бросился обратно. Он чувствовал, что опять совершил серьезный проступок, но вместе с тем почему-то был уверен, что мистер Бартон простит его. И когда он позовет его к себе в кабинет еще раз, то даст уже не одну, а две конфетки.

Бхишам Сахни КАПЛИ КРОВИ

Наступил месяц магх¹, все небо заволочло тучами, но вместо долгожданной влаги на зазеленевшие поля выпал град. Иногда его сменял проливной дождь, налетал ураган, но затем град сыпал снова. Взывая к всевышнему, крестьяне с серпами бросались на поля, чтобы собрать остатки урожая, но поля их были

¹ Магх — месяц индийского календаря, соответствующий январю — февралю.

пусты — земля лежала черная, как обгорелый труп. Лишь кое-где, затоптанные, заваленные комьями земли, точно тела юных воинов, оставшихся на поле брани, полегли колосья пшеницы.

Повсюду, в селах и деревнях, воцарилась гнетущая тишина, и под покровом этого зловещего безмолвия в жизни крестьян наступил крутой поворот. Приходили в ветхость жилища, за бесценок продавалась земля, на полях прокладывались новые межи. На дороге, ведущей в город, где прежде так часто поскрипывали нагруженные пшеницей повозки, сейчас виднелись только фигуры крестьян, покидающих родные места. Некоторые из них, оставив семью и хозяйство на волю всевышнего, шли в город и нанимались в рикши; другие добровольно вступали в армию; третьи, повергнутые в трепет могуществом небес, становились бродячими аскетами. На межах за деревней, на дорогах разыгрывались трагические сцены.

Все пошло по-другому. Только тело земли осталось неизменным: по-прежнему покрывали его бесчисленные межи, жесткими гранями делившие землю на крохотные треугольники и квадраты. Точно ребра, выпирали эти межи из старческого тела матери-земли.

В полдень по ведущей в город широкой дороге молча шли двое крестьян. На обочинах дороги все еще стояли лужи воды. До города было далеко, и в лучах клонившегося к закату солнца можно было различить лишь купола храмов да высокие фабричные трубы.

На обоих крестьянах была одежда из грубой ткани, оба казались утомленными. Тот, что шел впереди, был коренастый, плотно сложенный мужчина лет сорока, с крепкой шеей, сильными руками и ногами. Второй на вид был почти ребенок, хилый и слабосильный, с желтым, нездоровым цветом лица. Руки мальчика были связаны веревкой, конец которой держал шедший впереди крестьянин. Иногда мальчик останавливался, и тогда старший начинал бить его кулаками и ногами и тянуть за веревку вперед. Один человек гнал другого, как скотину.

В тени дерева оба остановились. Мальчик присел на землю. Джат¹ попытался поднять его, но не смог это сде-

¹ Дж а т ы — земледельческая каста среди раджпутов и пенджабцев.

лать. Тогда он достал из сумки, висевшей у него через плечо, грязный платок из грубой ткани и принялся завязывать мальчику рот. Мальчик беспомощно забился у него в руках, но, боясь ударов сверху, остался сидеть на земле, не в силах распрямить затекшие, связанные руки.

— Вставай, гаденыш! Ночь подходит, а город, видишь, еще где. Вставай, если жить не надоело!

Подняв кверху лицо с завязанным ртом, мальчик широко открытыми глазами посмотрел на джата. Тот, дергая за веревку, вновь принялся бить его.

Со стороны города медленно ехал на велосипеде средних лет бабу в черной шапочке и в очках. Увидев, что джат избивает мальчика, бабу остановился и слез с велосипеда.

— В чем дело? — спросил он. — За что ты его бьешь?

Джат, не отвечая, долго рассматривал бабу с головы до ног. Наконец, стараясь подавить свою ярость и дышать ровнее, он сказал:

— Это сумасшедший, сахиб. Вот уже третий день, как я бьюсь с ним. Никак от него не отвяжешься.

— Куда же ты его ведешь?

— В сумасшедший дом, сахиб. Чуть свет вышли из деревни, скоро уж вечер, а мы все еще не дошли до города. Так и тащу его третий день.

Сидевший на земле мальчик, поворачиваясь всем телом, смотрел ничего не выражающими глазами то на бабу, то на джата.

— Кто он? — спросил бабу.

Голос джата стал мягче.

— Он сошел с ума совсем недавно, — медленно проговорил он. — Когда отец у него умер, у мальчишки началась горячка, и он пошел к месту сожжения. Я его утешал, да все зря. Вернулся он оттуда — глаза точно стеклянные и несет всякую чепуху.

Опираясь на велосипед, бабу некоторое время молча рассматривал их обоих. Затем, видимо полагая, что опыт горожанина и образование дают ему на это право, сказал:

— Но зачем же ты бьешь его? Ведь чем больше ты будешь его бить, тем скорее он совсем лишится рассудка. Да и рот ты ему зачем-то завязал.

— Если бы я не бил его, он бы и шагу не ступил. Говори не говори ему — все попусту.

— Разве у него больше никого нет? Зачем ты тащишь его в сумасшедший дом? Полечи — поправится.

— Эх, господин, кто же его будет лечить? У него только и есть близких, что старая бабка, да и та слепая. Разве можно на нее оставить мальчишку? Она было хотела взять его к себе, да намбардár¹ отговорил — послушалась. Вы знаете урдú², господин? Письмо прочитать сможете?

— Конечно. Что там такое?

Джат пошарил в кармане жилета из грубой ткани, который был надет у него на рубаху, и извлек оттуда грязную, порванную по краям бумажку.

— Прочитайте ее, господин.

Бабу взял бумажку, посмотрел на два отпечатка пальцев и подпись, поставленные на ней, затем начал медленно читать:

— «...Сегодня мы, староста Дáдир Синх и два члена панчаýта³, свидетельствуем, что Бйшан Синх, сын покойного Сýпха Синха, после смерти своего отца стал наполовину сумасшедшим. Мы просим определить его в сумасшедший дом Джаландáра. Родственников у него нет, и оставлять его в деревне опасно...»

Просмотрев этот странный документ до конца, бабу хотел перечитать его, но в этот момент сумасшедший, вырвав веревку из рук джата, бросился бежать в поле, покрытое грязью и крупными комьями земли и сплошь исполосованное межами. Мальчик бежал что было сил. Его худые, нетвердо ступавшие ноги то и дело скользили и разъезжались в разные стороны.

Между ног, извиваясь, как змея, тянулась веревка, которою были связаны руки мальчика.

С удивлением бабу увидел, что джат не делает ни малейшей попытки удержать сумасшедшего. Он даже уселся на обочину дороги.

— Да ведь он сбежал, — сказал бабу. — Что же ты будешь теперь делать?

---

¹ Намбардár — староста, сборщик налогов.

² Урдú — один из распространенных языков Индии.

³ Панчаýт — совет старейшин деревни.

— Куда ему бежать? — засмеялся джат. — Сейчас вернется. Он уже так три раза бегал. А вы, господин, говорили: «Развяжи веревку...»

Не успел безумный пересечь первую межу, как поскользнулся, и, не удержавшись, упал лицом в землю.

Испуганный, он вскочил и бросился бежать снова. Но через несколько шагов ноги его подкосились, и он опять упал лицом вниз. На этот раз он уже не смог подняться и, тяжело дыша, остался лежать на земле. Джат молча глядел на него.

Бабу почувствовал жалость к безумному. Бог знает, кто этот бедняга, у которого нет ни крова, ни родных и которого бьют на дороге. В той стороне, куда мальчик бросился бежать, тянулось бескрайное ровное поле. И в этом пустынном просторе он никуда не мог убежать, словно не только руки, но и ноги его были накрепко связаны веревкой джата.

— Иди сюда, я не буду ругать. Ну, иди же, время не ждет! — громко позвал джат.

Опустив голову, тяжело дыша, мальчик с трудом поднялся и медленно побрел к джату. Его бледный лоб и бритая голова были покрыты крупными каплями пота. Лицо его по-прежнему ничего не выражало, кроме смертельной усталости, ноги дрожали. Тряпку, которой был завязан его рот, он с трудом стянул, чтобы не задохнуться, и теперь она, как петля, болталась на шее. Спотыкаясь, он подошел к джату и уселся возле него на обочине дороги.

— Вы поезжайте, господин, нам идти надо, — сказал джат, поднимаясь с земли, и потянул за конец веревки.

Бабу молча развернул велосипед и вывел его на дорогу. Ему не хотелось вмешиваться в дела этих деревенских людей.

Не успел он сесть на велосипед, как мальчик, вскочив с места, ухватился обеими руками за заднее колесо. Бабу встал на ноги, чтобы не упасть. Но безумец не отпустил колеса. Бабу вздрогнул, но тут же вспомнил, что обе руки у мальчика связаны, и бояться нечего. Ударив мальчика по лицу, джат оторвал его руки от колеса. Но, как только бабу поставил ногу на педаль, мальчик закричал.

— Он бьет меня, запирает в сарай! Я не пойду, не пойду!

Бабу остановился. Уверенный, что мальчик говорит, не давая себе отчета, он начал утешать его:

— Ты не должен бояться, он не будет тебя запирает. Ступай с ним. Он ничего тебе не сделает.

— Он убьет меня! — быстро заговорил мальчик. — Отец умер, и он отнимает у меня землю. — Повторив эти слова несколько раз, он громко разрыдался.

«Что-то тут нечисто», — подумал бабу. Однако зародившееся сомнение заставило его лишь еще больше поспешить. Здесь, в пустынной местности, вдали от города, он не хотел вмешиваться в распри этих людей. Глаза мальчика с надеждой и мольбой глядели на него, но бабу, смущенно отвернувшись, вновь повел велосипед к дороге.

Безумный молча двинулся вслед за ним.

Джат, не выпуская веревки из рук, старался задержать сумасшедшего. Но тот не останавливался, и глаза крестьянина налились кровью от бешенства.

— С бабу пойдешь?! — закричал он, ударив мальчика кулаком. — Иди, иди с бабу! Ах ты, гаденыш! — И он снова кулаками и ногами начал избивать мальчика.

С каждым ударом ярость его возрастала. Бабу с ужасом глядел на разъяренного джата. Вытащив из своей сумки толстую цепь, на конце которой висел замок, джат с силой ударил безумного по голове. Мальчик, защищаясь, поднял руки, взмолился, закричал, но цепь была неумолима. На рассеченной голове показалась алая кровь, скоро она залила лицо мальчика. Он со стоном опустился на землю. Зажимая связанными руками рану на голове, он выкрикивал прерывающимся от рыданий голосом:

— Возьми, возьми землю! Мне не надо! Сделаю все, что скажешь! Я дам отпечаток на бумагу! Отец умер! Бери землю, ты!..

«Вот в чем дело! — понял наконец бабу. — Джат хочет отнять его землю и для этого тащит в сумасшедший дом». Но что мог бабу сделать? Сознывая всю свою беспомощность, он так и не двинулся с места.

Несколько капель крови попали на одежду джата. Увидев их, он вырнул цепь и, казалось, оцепенел. Кровь

из рассеченной головы мальчика продолжала капля за каплей падать на землю. И вдруг, побросав все — сумку, цепь и веревку, — джат бросился бежать. Он тоже бежал в поле, туда же, куда до этого убегал мальчик. Комья грязи летели из-под его ног, но джат быстро пересекал одну межу за другой. Глядя ему вслед, бабу закричал:

— Эй, не бойся, он только ранен!

Но перепуганный джат продолжал бежать, изредка оглядываясь на безумного.

Наконец, выбившись из сил, джат остановился. Бабу вновь позвал его, помахав рукой, но джат, тяжело дыша, лишь молча глядел на мальчика.

И тут произошло то, чего бабу никак не ожидал. Ничего не говоря, ничего не слыша, джат медленно двинулся назад. На его одежде были ясно видны капли крови. Подойдя к мальчику, он сел возле него и, сняв с головы тюрбан, оторвал длинную полосу. Затем, подняв ком земли, он положил ее на рану мальчика, из которой все еще текла кровь, и начал плотно перевязывать. Неожиданно он все бросил и расплакался, всхлипывая, как ребенок. Он плакал и, собирая руками окропленную кровью землю, клал ее себе на голову.

— Я безумный, господин, я безумный, а не он... О, о... я грешник, бабу... О, что я наделал! Пусть бог отрубит мне за это обе руки...

Пораженный, бабу по-прежнему стоял без движения.

— Я ослеп, бабу, ведь это мой брат, сын моего родного дяди... — И, подняв руки к небу, джат взмолился: — О всевышний, прости мои великие грехи!

Затем, обращаясь к бабу, снова быстро заговорил:

— Все, что он сказал, правда, чистая правда. Он сын моего дяди, господин. У него один бигх земли. Староста подбил меня... Мой участок размыло дождем, со всей земли собрали только пять манов¹ пшеницы, а в семье восемь едоков. Я и поддался старосте. Он сказал, что эту землю можно переписать на меня. Членов панчаята тоже он заставил поставить свои пальцы на бумаге. Дождь все размыл, бабу, и мы остались ни с чем. А что получишь с этой земли? За два поколения землю делили

---

¹ Ман — мера веса, около 38 килограммов

уже шесть раз. О господи, куда же я теперь пойду?.. Я истязал больного, господин... я его три дня в сарае...

Голос его прервался. Всклипывая, он стал на колени и несколько раз коснулся головой ног безумного.

Бабу не раз слышал рассказы о деревне, о царящих там голоде и бедности, но только сейчас, впервые в жизни, увидел он все это собственными глазами.

Наконец, поднявшись с земли, джат развязал веревку на руках мальчика и, придерживая его, помог ему встать на ноги. Потом вывел на дорогу и, осторожно обняв, повел его назад, к деревне. Испачканная кровью цепь, веревка и письмо старосты остались лежать на дороге.

Долго смотрел бабу вслед этим людям. «Где они живут и откуда пришли?» — думал он. Наконец оба крестьянина исчезли в надвигающихся сумерках. По голубому прозрачному небу проплыли два белых облачка, точно потешаясь видом обезображенной земли. В сумерках еще резче выступали ребра межей. На широкой дороге вновь воцарилось безмолвие, лишь где-то вдалеке виднелись одинокие фигуры крестьян, бредущих в город. Кругом раскинулись бескрайные, без единого холмика поля, на которых кое-где чернели ветхие хижины джатов. В лучах заходящего солнца они казались полными мира и покоя, и никто не знал, какие страсти бушуют за их стенами.

Сатъендра Шарат
РЕНТГЕНОВСКИЕ ЛУЧИ

Когда Шайвால் проходил по Дáдар-бридж, он вдруг сильно, натужно закашлялся. Мысль, которую он последнее время усиленно отгонял от себя, снова пришла ему в голову: дальше так продолжаться не может. Такое пренебрежение к собственному здоровью очень быстро сведет его в могилу, и тогда гордая мечта стать великим человеком, имя которого будут славить потомки, так и умрет вместе с ним. Но где возьмет он средства, чтобы целиком посвятить себя поддержанию своего бесценного здоровья и, не задумываясь,

оплачивать визиты лучших докторов, лекарства и вливания? Ведь он с трудом выкраивает на питание да на стирку белья.

Однако, чувствуя, что здоровье его день ото дня становится все хуже, он решил не дожидаться, когда появится возможность пригласить какую-нибудь знаменитость, и сегодня же зайти к рядовому доктору, который берет умеренный гонорар. Как поступать дальше, будет видно после посещения врача.

Поэтому, вместо того чтобы идти в гостиницу на Кходадад Саркал, где он обычно обедал, Шайваль свернул в переулок и вошел в один из домов, на котором висела довольно невзрачная вывеска, сообщавшая, что здесь живет врач.

Радужно встретив Шайваля и усадив его в кресло, доктор спросил, на что он жалуется. Шайваль объяснил, что месяца полтора назад он слегка простудился. Затем начался кашель. Он и сейчас еще кашляет. При кашле в больших количествах выделяется мокрота, и он постоянно чувствует боль в горле. В теле тоже какая-то слабость и ломота. Раньше, считая свою болезнь пустяковой, он не придавал ей значения. Но сейчас его самочувствие таково, что он вынужден обратиться к врачу...

Записав все, что говорил Шайваль, доктор вооружился стетоскопом, внимательно выслушал его и сказал:

— Сейчас я вам выпишу лекарство, но одновременно советую немедленно сделать рентген. Большой опасности пока что не вижу, но вы — молодой человек и должны соблюдать осторожность.

При упоминании о рентгене сердце у Шайваля неприятно защемило.

— Если вы говорите, что нужен рентген, то я, конечно, пройду его, — упавшим голосом сказал он, — но, видите ли, сейчас я... не могу истратить на это двадцать — двадцать пять рупий. Последние несколько месяцев я нахожусь в очень затруднительном положении. Поэтому рентген придется временно отложить. Но я думаю, что это не так уж страшно, раз вы будете давать мне лекарство.

— Нет, нет, как же можно? — покачал головой доктор. — Откладывать рентген — значит дать болезни воз-

можность прогрессировать. А вдруг у вас астма или еще что-нибудь похуже?..

Помолчав некоторое время, доктор сказал:

— Сколько рупий вы можете израсходовать сейчас?.. Пятнадцать сможете?

— Сейчас я, по правде говоря, не могу израсходовать ни одной рупии, — ответил Шайваль краснея. — Но если вы настаиваете на снимке, то я попытаюсь у кого-нибудь занять деньги и все же пройти рентген.

— Вот и отлично! А я сейчас же напишу рекомендательное письмо в Благотворительный рентгеновский институт имени Рам Кумвара, который находится недалеко отсюда, и вам снимок обойдется не более пятнадцати рупий вместо положенных двадцати пяти. Лекарство я тоже дам вам сегодня же.

Шайваль благодарно кивнул головой. А доктор, придвинув к себе стопку бумаги, принялся быстро строчить письмо. Запечатав конверт и надписав адрес, он вручил его Шайвалю:

— Я написал здесь все, что нужно. Передадите письмо по указанному адресу, и вам дешево и быстро сделают рентгеновский снимок. Кроме того, они сами позаботятся о том, чтобы переслать его мне.

Взяв письмо и флакон с микстурой, Шайваль, заикаясь от волнения, спросил у доктора, сколько он ему должен, и, не дождавшись ответа, положил перед ним бумажку в пять рупий. Доктор внимательно осмотрел ее со всех сторон, повертел в пальцах и, бросив на стоявшего перед ним в растерянности Шайваля выразительный взгляд, небрежно положил деньги в карман. У Шайваля словно камень свалился с сердца. Выйдя от доктора, он облегченно вздохнул.

Возвратившись в контору, Шайваль сразу же прошел к управляющему. Увидев молодого человека, начальник улыбнулся:

— Как дела, господин Шайваль?

— Я хотел бы поговорить с вами, — сказал Шайваль. — Вы, вероятно, заметили, что последнее время у меня очень неладно со здоровьем и я уже не могу работать с прежней нагрузкой. До сих пор я очень беззаботно относился к себе, но врач сказал, мне необходимо основательно подлечиться...

— Конечно... конечно! — горячо поддержал его управляющий. — Вы хотите получить для лечения отпуск?.. На сколько дней?

— Да нет, не отпуск, — смутился Шайваль. — Мне срочно нужны деньги, чтобы пройти рентген.

Управляющий минуту помолчал.

— Вы сами знаете, — наконец проговорил он, — что у нас не приняты авансы, и жалованье мы выдаем только седьмого числа каждого месяца. Поэтому, как ни печально, но я вынужден вам отказать... Есть у вас ко мне еще дела, вопросы?..

Шайваль, не ожидавший отказа, растерялся. Неловко потоптавшись на месте, он со вздохом сказал:

— Нет, у меня все. Разрешите идти?..

Управляющему, видимо, стало неловко и, чувствуя угрызения совести, он остановил направившегося к дверям Шайваля.

— Э-э, послушайте!.. — сказал он. — А сколько вам нужно денег?..

— За снимок надо заплатить пятнадцать рупий.

— Хорошо. Я дам вам эту сумму из своих личных денег.

— Большое-большое вам спасибо! — обрадовался Шайваль. — Вы так выручили меня!.. Я вам из первой же полочки...

— Хорошо, хорошо! — прервал его излияния управляющий. — Когда же вы пойдете на рентген?

— Завтра, ровно в час!

— Превосходно! Результаты рентгена обязательно сообщите мне. Я хочу знать, что у вас за болезнь, — продолжал любезно улыбаться начальник. — Вы, молодежь, всегда любите преувеличивать. И вряд ли есть необходимость проходить рентген человеку в полном расцвете сил.

Теперь уже и самому Шайвалю казалось, что это так. Он вздохнул полной грудью и тоже весело засмеялся.

На следующее утро, часов около десяти, когда Шайваль, по обыкновению, завтракал в закусочной, к хозяйнику ее, стоявшему за стойкой прямо напротив входа, несмело подошел мальчик лет двенадцати.

— Господин, — робко обратился он к хозяину. — дайте мне, пожалуйста, три рупии. Если я сегодня не внесу плату за обучение, меня исключат из школы.

Шайваль изумленно взглянул на смуглого, худого ребенка, который полными надежды глазами смотрел в бесстрастное лицо хозяина закусочной, крепко прижимая к себе связку книг и тетрадей. Тот метнул на него сердитый взгляд.

— Убирайся отсюда, негодник! — прошипел он сквозь зубы. — И откуда только являются этикие голодранцы? Лгут, попрошайничают... — Остальная часть фразы, сказанная еще тише, так и застряла где-то в густых зарослях его бороды и усов.

От огорчения и испуга мальчик готов был расплакаться.

— Я говорю чистую правду, господин, — дрожащим голосом продолжал он. — Если я нынче же не внесу три рупии, меня исключат из школы. Я сирота, у меня нет ни отца, ни матери, нет никого, кто заплатил бы за меня. Пожалейте, господин, прошу вас, как родного отца! — И мальчик поднес ко лбу молитвенно сложенные руки.

Неподдельная искренность и глубокое горе, звучащие в словах ребенка, до слез тронули Шайваля, и перед его глазами встала почти стершаяся в памяти сцена, весьма схожая с той, что происходила сейчас здесь. Когда-то он сам, такой же мальчик, круглый сирота, со слезами на глазах умолял незнакомых людей дать ему хоть немного денег, чтобы он мог продолжать учение, а они гнали его прочь, как бездомную собаку. Как и этот впервые встреченный им мальчик, Шайваль когда-то говорил такому же жирному господину:

«У меня нет ни отца, ни матери, все умерли, — пожалейте меня!»

На что тот отвечал грубо:

«А при чем же тут я?.. Обратись в какой-нибудь приют...»

Не кончив обеда, Шайваль быстро встал и, сделав мальчику знак подождать его, прошел в умывальную — сполоснуть руки после еды.

Возвратившись, он ласково спросил его:

— Скажи мне правду, тебе действительно нужны деньги на учение?

— Конечно, на учение... Если не верите, сами можете спросить, — судорожно глотая слезы, ответил мальчик.

— У кого спросить?

— У нашего учителя.

— А где ты учишься?

— Я учусь в шестом классе Южно-индийской средней школы, что на Кинг Саркал...

Хозяин гостиницы, видя, что его постоянный клиент проявляет такой исключительный интерес к маленькому оборванцу, не мог сдержаться:

— Вы, как видно, уже попались на удочку, мистер? Не забывайте, что это Бомбей!.. Здесь тысячи таких попрошайек! Посидите со мною день, и вы своими глазами увидите, сколько ходит сюда таких обманщиков. Одного обокрали, у другой ребенок родился, у третьего багаж утащили на станции... И из целого десятка едва ли найдется один, говорящий правду. Рассказывают сказки, чтобы разжалобить доверчивых людей. Мне тоже когда-то пришлось перенести немало, сахиб, но никогда я не пролил и слезы. Я сам старался выйти из положения.

И, словно ища поддержки, хозяин повернулся к другим посетителям, которые, проворно уплетая за обе щеки, все же внимательно прислушивались к тому, что он говорил.

В душе Шайваля поднялась волна гнева и возмущения: этот жирный буйвол еще осмеливается говорить о страданиях и горе! Да разве он их знает, видел?.. Лишения, голод — для него только слова. Это животное не чувствовало их на своей шкуре... равно как и те, что угодливо поддакивают ему сейчас, эти не знающие чувства жалости и сострадания заводные куклы, из которых «цивилизация» давно вытравила все человеческое... С трудом сдерживаясь, чтобы не нагрубить этим тварям, Шайваль обратился к малышу.

— Так вот, брат, — сказал он, — сейчас я пойду с тобой в твою школу. Встретимся с твоим учителем, с директором, и я постараюсь уговорить их не брать с тебя плату за обучение. С тех мальчиков, у которых нет ни отца, ни матери, — плата за обучение...

Внезапно он замолк, вспомнив, что для отмены платы за обучение или для снижения ее нужно ходатайство какого-нибудь очень влиятельного лица. Без этого нечего и рассчитывать на милосердие школы, в каком бы тяжелом положении ни находились ученик и его семья... Но он все-таки попробует. А нет, так найдет другой выход... Ребе-

нок должен учиться. Бросив победоносный взгляд на застывшего в изумлении хозяина и на его подпевал, занятых наполнением своих желудков, Шайваль расправил плечи и, дружески обняв малыша, направился к выходу.

— Да, немало, видно, развелось чудачков в Бомбее! — насмешливо бросил ему вслед хозяин.

Но Шайваль в ответ только улыбнулся.

— Давай сядем в трамвай, — сказал он, когда они вышли на улицу.

— Зачем же тратить целую анну? — рассудительно ответил мальчуган. — Школа недалеко, можно пройти и пешком.

— Пешком так пешком, — согласился Шайваль.

По дороге маленький незнакомец рассказал ему свою нехитрую историю. Зовут его Шáстри. Когда-то они жили в Южной Индии, где отец его был брахманом в одном маленьком храме. Ту же должность он занимал и здесь, в Бомбее. Но в прошлом году он умер. А мать скончалась, когда Шастри был еще совсем маленьким. Ему поневоле пришлось перебраться к родственникам отца, к дяде, который, живя в относительно достатке, тем не менее постарался побыстрее отделаться от племянника. Поэтому Шастри в его доме только ночует, а питается у тех людей, где он совершает обряд богослужения (отец при жизни научил его этому занятию, и оно дает ему сейчас кусок хлеба). Раньше Шастри вносил половинную плату за обучение, всего полторы рупии, так как отлично учился, и ему хватало для этого тех крох, которые удавалось скопить за месяц. Теперь же, когда на экзаменах за пятый класс он вдруг оказался в числе последних, его с трудом перевели в шестой и обязали полностью вносить плату за обучение. В прошлом месяце он еще кое-как собрал необходимые три рупии, но в этом месяце ему нигде и ничего не дают, и он не смог скопить даже одной рупии, а сегодня уже последний срок. Утром он попросил денег у дяди, но тот в ответ только изругал его. Не видя другого выхода, Шастри решил пойти в какую-нибудь гостиницу или ресторан и попросить помощи у чужих людей. Ведь те, которые ходят в ресторан, зарабатывают в день не меньше пятидесяти, а то и все сто рупий, — что для них составляет каких-то три рупии? С такими мыслями он и пришел сюда. А что вышло из этого?..

— Работы-то я не боюсь, — возбужденно продолжал малыш. — Я могу выполнять любую работу, сил у меня хватит. Только уж очень хочется учиться. Без школы я жить не могу. Работать можно вечером, после уроков. Работа мне не мешает. Но, если и будет трудно, я школу все равно не брошу. Ведь я сейчас уже в шестом классе...

Безыскусственный рассказ этого ребенка глубоко взволновал Шайваля. Десять лет назад он сам, оставшись круглым сиротой, подобно этому обездоленному существу, горел желанием преодолеть все трудности и получить высшее образование. Его упорство помогло ему осуществить свою мечту, и он получил степень магистра искусств¹. Правда, несмотря на степень, его жизненные условия ничем не отличались от тех, в которых он жил в студенческие годы, но причиной этому была лишь его честность и добросовестность (или, как обычно говорят, «неумение жить»). Но разве люди учатся только для того, чтобы зарабатывать деньги? Сейчас, подобно многим своим товарищам по университету, Шайваль не мог обратить в звонкую монету свой диплом, но зато он получил знания, выработал твердые моральные принципы и, самое главное, научился видеть и глубоко ценить в людях все истинно человеческое. Их горе и страдания всегда находят живейший отклик в его душе!

Взглянув еще раз на малыша, который, опустив голову, шагал рядом с ним, Шайваль понял, что он не может, не имеет права разрушить светлую надежду этого маленького мечтателя. Он обязан помочь ему, приложить все усилия, чтобы тот смог получить образование. И то, что он сам, имея степень магистра, до сих пор не совершил ничего выдающегося, не может служить аргументом в пользу того, чтобы этот наивный честный малыш не добивался знаний. К тому времени, как он окончит школу, обстановка изменится, честность и добропорядочность будут пользоваться должным уважением, и малыш сможет пробить себе дорогу в жизнь. Но если даже такой возможности не представится, то честный парень не будет хотя бы всю жизнь мучиться от мысли, что из-за глупого стечения обстоятельств он должен до конца своих дней

---

¹ Следующая после бакалавра искусств ученая степень в индийских высших учебных заведениях.

прозябать в невежестве. Пусть, получив образование, он не будет богатым человеком, зато он сможет стать честным гражданином своей страны!.. И, пока они шли, Шайваль раздумывал о том, как выкроить денег для этого мальчугана.

Придя в школу, они встретились с учителем, который подтвердил, что положение мальчика действительно очень тяжелое, а способности к учебе и стремление к знаниям огромные, что он как воспитатель очень ценит и поощряет эти его качества и был бы рад помочь, но — увы! — теперь такое трудное время...

Прервав его, Шайваль сказал, что он пришел сюда именно потому, что готов сделать для мальчика все, что только в его силах. Он вынул из кармана заветные пятнадцать рупий, отложенные для уплаты за рентгеновский снимок, и внес плату за обучение Шастри не только за прошедший месяц, но и за четыре месяца вперед. Учитель и Шастри в изумлении молча смотрели на Шайваля.

— Ну вот, мой маленький друг, это расписка в получении денег за четыре месяца вперед. Береги ее хорошенько, — весело сказал Шайваль, протягивая расписку мальчику.

Тот, стараясь сдерживать слезы, молча взял ее. От волнения он не мог произнести ни слова, но взгляд его был красноречивее всяких слов.

Записав свой адрес, Шайваль передал его мальчику.

— Когда нужно будет внести плату за обучение, купить тетради, книжки или ты просто захочешь увидеть меня, не стесняйся и приходи в любое время.

* * *

— Ну-с, уважаемый, рассказывайте: прошли вы рентген? — встретил Шайваля на следующее утро управляющий.

— Конечно, — отвечал тот задумчиво.

— Ну, и каков результат?

— Ответа я еще не получил.

— Когда же получите?

Шайваль на секунду задумался.

— Право же, я не могу вам сказать. Но я почти уверен, что результат будет хороший...

Говоря так Шайваль не лгал своему начальнику. Какие-то особые рентгеновские лучи осветили его сердце. И оно было видно всем и каждому как на ладони. Чудесное, щедрое, здоровое, любвеобильное человеческое сердце.

Кто сказал, что оно больное?.. Неправда! Оно самое здоровое из всех известных мне сердец. Оно еще не зачерствело способно чувствовать чужое горе и страдания. В огромном бездушном городе, где люди зачастую живут и действуют, как автоматы, Шайваль сумел остаться Человском, человеком с большой буквы. Его моральное здоровье оказалось безукоризненным. А это, конечно, главное...

Видьясагар Наутиял БУЙВОЛЕНОК

Небо на востоке постепенно светлело. Сидя под навесом, Хонсьяру неторопливо курил трубку. Неожиданно из хлева донесся радостный возглас жены: «Отелилась!» Отложив трубку, Хонсьяру поспешил к хлеву и, остановившись в дверях, ласково позвал буйволицу. Та в ответ издала слабое мычание.

Хотя уже совсем рассвело, сын Хонсьяру, восьмилетний Габаль, еще не поднимался. Обычно после завтрака его

сразу же отправляли пасти корову или давали какое-нибудь другое поручение — позвать кого-то из односельчан, сходить к пандиту и узнать у него, когда будет полнолуние, вернуть кому-то меру взятой взаймы муки или отнести соседям кастрюлю, которую накануне попросили на одну минутку.

Габаль знал, что стоит только ему подняться, как уже до самой ночи не придется присесть, и поэтому всегда старался встать как можно позже.

Последнее время Габаль каждый день донимал отца: «Папа, когда же у нас будет теленочек?»

«Когда будет, сынок, тогда и увидишь. Имей терпение!» — обычно отвечал Хонсьяру.

И вот сегодня долгожданное событие наконец произошло.

Услышав голос матери, Габаль поспешно вскочил с постели и как был, нагишом, выскочил во двор.

— Оденься, оденься, сынок! — крикнула мать. — Простудишься!

Габаль быстро метнулся назад, схватил свою рубашонку и, натягивая ее на ходу, опять побежал к дверям хлева.

Хонсьяру вошел в хлев вместе с сыном.

— Осторожней, сынок: как бы буйволица тебя не боднула, — сказал он и прошел в дальний темный угол, где у одной стены была привязана корова, а у другой — буйволица. Хонсьяру ласково погладил ее по шее.

— Кого принесла? — спросила из-за двери жена.

— Теленка, — разочарованно пробасил Хонсьяру.

— Эх, хотелось бы телочку! — тяжело вздохнула жена.

Когда буйволица приносит теленка, огорчение крестьянина вполне понятно. Во-первых, в хозяйстве от буйволенка никакого дохода не жди; а во-вторых, вырастить его очень трудно. Ведь теленок выпивает молока вдвое больше, чем телка. А если давать ему меньше, он похнет через неделю. Недаром в народе говорится о буйволенке: «Напой его досыта или вытянет копыта». Поэтому крестьянин старается сразу же отделаться от него. Кому же хочется растить теленка, а потом отдавать на убой? Ведь почти всех молодых буйволов на праздники приносят в жертву богам — убивают у входа в храм.

Разочарованный, Хонсьяру вышел из хлева. Но Габаль, тот просто ликовал.

— Мой братец родился, мой братец родился! — прыгал и кричал он.

При виде неподдельной радости сына Хонсьяру немного просветлел. Положив ему руку на плечо, отец проговорил:

— Ла, сынок, родился твой младший братик.

Габаль был единственным сыном. Мальчик и девочка, ролившиеся после него, оба умерли еще в младенческом возрасте. Поэтому малыш Габаль, который рос один и которому не с кем было играть, с особым нетерпением ожидал, когда же наконец отелится буйволица, и про себя решил: если родится теленок, он будет называть его «бхұла»¹, а если телка — «бхұли»².

— О-хо, младший братец родился! О-хо, младший братец родился! — вне себя от радости кричал Габаль.

Потом подбежал к отцу:

— А как мы назовем его, папа?

— Ла никак, сынок, — ответил Хонсьяру.

Брата Габалья, который умер в прошлом году, звали Гаджұ. Поэтому Габаль рассудил так: «Гаджу был мне младшим братом, теленок — тоже младший брат, поэтому и назвать его надо так же».

— Папа, а папа!

— Что, сынок?

— Давай назовем его Гаджу, а?

Хонсьяру тут же вспомнил своего второго сына, Гаджу. Вспомнил тот день, когда у бедняжки началась лихорадка. Крошечное тельце то дрожало в сильнейшем ознобе, то пылало как в огне. От всех этих мучений малютка через неделю скончался.

— Гаджу навсегда покинул нас, — печально сказал отец. — Если ты хочешь назвать маленького буйволенка именем твоего братца Гаджу, пусть будет по-твоему, я не возражаю.

Габаль тут же бросился к хлеву и, протянув ручонку, принялся ласково звать буйволенка:

— Иди сюда, Гаджу, иди ко мне, мой младший братец!

¹ Б х ұ л а — младший брат.

² Б х ұ л и — младшая сестра.

Мать принялась доить буйволицу. Отец ходил вокруг животного, ласково поглаживая его черные бока и шею. Габаль, не решаясь войти, по-прежнему стоял в дверях, подзывая буйволенка. Отвязав корову, Хонсьяру вывел ее из хлева, а Габаль, как всегда, погнал ее на пастбище.

Вечером, вернувшись домой и привязав корову, Габаль только было уселся отдохнуть под навесом, как его позвала мать:

— Иди-ка сюда, Габаль, иди поскорее! Я буду доить буйволицу, а ты пока поймай и поддержи буйволенка.

Забыв об усталости, Габаль тут же помчался к хлеву. Ухватившись за веревку, которая висела у буйволенка на шее, он оторвал его от сосков буйволицы.

Однако пока мать, присев на корточки, доила буйволицу, буйволенок ухитрился несколько раз вырваться из рук Габали и уткнуться в вымя.

Пожинав, Габаль отправился спать. Но сон сегодня не шел к нему. Лежа на кровати, он думал о том, что теперь у него есть младший брат, и ему хотелось еще раз, хотя бы с порога, посмотреть на своего Гаджу. Но он очень боялся привидений и поэтому не решался выйти во двор один.

— Габаль, — вдруг позвала его мать, — давай-ка выйдем во двор, а то как бы ты ночью рыбки не наловил.

Габаль словно этого и ждал. Вскочив во двор, он, не теряя матери из виду, отбежал к сараю. Потом кинулся к двери хлева, но она была заперта. В этих местах всегда накрепко закрывают дверь хлева, боясь ночного посещения непрошеного гостя — тигра.

Подбежав к Габалю, мать схватила его за руку.

— Ступай, сынок, ступай спать. Куда это тебя понесло? — ласково сказала она.

— Мама, я хочу посмотреть на Гаджу.

— Завтра посмотришь, сынок. Сейчас он уже спит.

Взяв сына на руки, она поцеловала его. Габаль крепко прижался к матери, обняв ее за шею.

— Утром я пойду с тобой в хлев, — говорил он ей на ухо, — ты будешь доить, а я — держать Гаджу.

— Обязательно, родной, будешь держать, обязательно, — заверяла его мать.

Габаль снова юркнул под одеяло. Родители тоже стали укладываться.

— Мама, можно потушить фонарь? — высунувшись из-под одеяла, вдруг спросил Габаль и, не дожидаясь разрешения, подбежал к фонарю.

Задув его, он вернулся на свое место.

— Нынче ему никак не спится, — проговорила мать. Отец засмеялся.

— Габалю теперь и во сне будет сниться его новый братец.

Габалю от их слов почему-то стало совестно. Он крепко закрыл глаза, чтобы показать, что он уже спит, хотя отец с матерью в темноте, конечно, и не могли всего этого видеть. Они всегда считали: раз он прекратил разговоры — значит, спит.

А Габаль тем временем продолжал думать о Гаджу. Чтобы удостовериться, что Габаль уснул, мать тихонько позвала его:

— Габаль!

Он ничего не ответил, боясь, что отец опять будет смеяться над ним.

— Кажется, заснул, — заметил Хонсьяру.

На какое-то время в комнате воцарилось молчание. Только сильный ветер, дувший с гор, посвистывал в щелях дверей. Габаль продолжал мечтать, лежа с закрытыми глазами.

— Завтра же напою нашего буйволеньку простоквашей. Что без толку выращивать его! — вполголоса сказала мать.

Габаль насторожился.

— Погоди немного, сам подохнет, — прозвучал в ответ голос отца.

Вот как! Оказывается, отец с матерью не хотят растить Гаджу!

— Подохнет он или нет, — отвечала мать, — а пока что все молоко будет идти на него, на продажу ничего не останется.

— Пусть подрастет немного. Заработаем на нем самом.

— Какая же польза — вырастить его, а потом отдать на убой?

— Но ведь ты за него деньги получишь.

— Такие деньги и получать-то противно. Отдать на убой буйволенька — все равно что с родным сыном расстаться. Зачем идти на это, когда можно сделать иначе? Те же деньги получим за молоко и масло, если буйволенька не будет.

Габаль понял, что отец и мать хотят убить Гаджу. Только матери хочется теперь же разделаться с ним, а отец предпочитает, чтобы он подрос и был продан на убой.

Оба по-своему жалели буйволенька. Мать не могла допустить мысли, что кто-то зарежет в будущем выращенное ею животное, к которому она успела привязаться душой, а отец, в отличие от нее, не решался убить его собственными руками.

Габалю стало страшно. Хотя ему было всего лишь восемь лет, ему уже не раз приходилось видеть, как подыхают буйволята, как убивают молодых буйволов. Он сразу понял, какая судьба готовится его младшему брату.

— Мама-а-а, не убивайте Гаджу! — внезапно разрыдался мальчик.

— Э, да ты еще не уснул? — удивленно воскликнул отец.

— Какой хитрец! — смущенно проговорила мать. — Сколько времени лежал молча! От горшка два вершка, а хитрости уже не занимать!

Но Габаль так и не мог понять, в чем заключалась его хитрость.

Отец прикрикнул:

— Спи сейчас же, негодник!

Прошло несколько дней. Однажды, когда мать вместе с Габалем пришла доить буйволицу, они увидели, что Гаджу понуро стоит в углу, печально опустив свою большую голову. Схватив Гаджу, Габаль подтащил его к буйволице:

— Попей молочка, братец, попей!

Но буйволенок равнодушно отвернулся от вымени.

— Мама! — в отчаянии закричал Габаль. — Ты, наверное, напоила его простоквашей, чтобы он умер!

— Нет, сынок, не поила. Зачем я буду поить его про-

стоквашей? Я уже привыкла к нему, и мне совсем не хочется, чтобы он подышал.

— А почему же он нынче не пьет молоко?

Мать сама не могла понять, что случилось с буйволенком. Наверное, нездоровится ему! Она сама попыталась подтащить Гаджу к буйволице, но он упрямо отворачивал морду. Обняв Гаджу за шею, Габаль горько расплакался. Мать забеспокоилась.

— Поди-ка скорей сюда, — окликнула она мужа, который готовился куда-то уходить. — Посмотри, что-то нынче буйволенок совсем не пьет молока.

Хонсьяру не спеша вошел в хлев.

— Что же с ним случилось?

Мать ответила:

— Не знаю! Всегда так хорошо сосал, а нынче — вот...

— Ты кому-нибудь продавала молоко?

— Утром старуха Гайни взяла кувшин. Видать, сглазила, старая ведьма, буйволенка: тяжелый у нее глаз.

— Вот в том-то и причина. Грешно ведь продавать молоко. А старуха тоже хороша... Если у самой, старой ведьмы, ни коровы, ни буйволицы, то хоть бы людям не портила скот. Видать, заговор какой-нибудь читает, когда чужое молоко пьет. Ни стыда, ни совести у человека!

— Из-за нее, подлой, все беды валятся на деревню, — подхватила мать. — И не дает господь смерти таким людям! Сами завести скотину за великий труд считают, а испортить чужую буйволицу им ничего не стоит. Чтоб ей провалиться вместе со всем ее родом!

Помолчали. Потом мать уже более спокойным тоном обратилась к отцу:

— Сходил бы ты к пандиту, попросил бы его прочесть молитву от дурного глаза.

Запасшись серебряной рупией, Хонсьяру отправился к пандиту, и тот, по его просьбе, быстро пробормотал какую-то молитву, из которой Хонсьяру не понял ни слова. Да, по правде сказать, он и не пытался понять.

Вернувшись домой, он сам пригнул морду Гаджу к вымени буйволицы, но буйволенок опять не стал сосать.

— Видно, крепко сглазила старая ведьма! — рассердилась мать. — Даже молитва пандита не помогла!

Вечером уже сама буйволица не дала молока. А коровье молоко Гаджу пить не стал. Габаль целый день проплакал и заснул весь в слезах, даже не притронувшись к пище.

На следующий день Гаджу снова начал пить молоко. Родители оживились. А Габаль — тот просто ликовал. Радость братца была его радостью, горе братца — его личным горем. Теперь их родство было закреплёно навсегда: оба росли, питаясь молоком от одной и той же буйволицы. Оба были еще малыши: Габаль — резвый большеголовый мальчик, Гаджу — неуклюжий черный буйволенок.

Прошло два года. Гаджу уже давно не пил молока. Из неуклюжего буйволенка он превратился в крепкого молодого буйвола. А Габаль все еще оставался малышом. Но, несмотря на это, оба очень любили друг друга. Завидев Габаля, Гаджу со всех ног мчался к своему маленькому другу и ласково лизал его, а Габаль гладил его по шее и нежно называл младшим братцем. С каждым днем их дружба и привязанность становились все крепче...

Приближались дни дашахары¹. Накануне, прибежав домой покушать, Габаль увидел в комнате двух гостей — стражников заминдара². На обоих были высокие красные тюрбаны. Стражники неторопливо и важно вели беседу с Хонсьяру, убеждая его в чем-то. Габаль уселся неподалеку.

— Да отдавай ты буйвола, не раздумывай, — говорил отцу один из стражников. — И деньги получишь немалые, и хозяину доставишь удовольствие... Двойная тебе выгода.

— Да я бы и сам рад услужить хозяину. Скотину-то мне не жалко. Только есть тут одна загвоздка... Как бы вот этот, — он кивнул в сторону Габаля, — не затосковал, не иссох... Уж больно любит он буйволенка.

Габаль прислушался, пытаясь понять, о чем идет речь.

— Значит, так и сказать хозяину, что ты отказываешься продать ему буйволенка? — поднимаясь, сказал стражник.

---

¹ Праздник в честь богини Дургы.

² З а м и н д а р — землевладелец, помещик

— Разве я говорил это? — быстро отозвался отец.

— Говорил или не говорил, а на деле-то так выходит, брат. А ведь хозяин приказал без буйвола не возвращаться.

— Какую же цену вы даете за него? — видимо, сдаваясь, спросил Хонсьяру.

Стражники обрадованно переглянулись.

Потом низенький стражник с голубыми глазами зататорил:

— Цену назначать не наше дело. Мы только заберем буйвола, а расплачиваться уж будет сам хозяин. Разве он постоит за ценой, если товар понравится? Такую цену даст, что всю жизнь благодарить будешь. Ведь у раджей не как у нашего брата: денег куры не клюют!

— Я из-за этого буйволенка даже молока не пил, а уж простокваши или масла и в глаза не видел. Очень нелегкое это дело, вырастить такого молодца: все молоко на него идет. Ведь это не буйволица: кормишь ее чем угодно, а она тебе прибыль дает в хозяйстве. А буйволенка кормить — у себя кусок отрывать. Честно вам говорю, надо так его продать, чтобы хоть свои расходы оправдать...

Стражник прервал его:

— Ну, пошли скорее. Понравится хозяину буйвол — с полной мощной вернешься. И за молоко и за масло — сразу все сполна получишь.

— Куда ты, папа? — дрожащим голосом спросил Габаль отца. — Куда ты уводишь Гаджу?..

Повернувшись к сыну, Хонсьяру хотел что-то сказать, но стражники перебили его:

— Ну, пошли, пошли, брат.

Габаль с плачем побежал к матери, а Хонсьяру тем временем принялся отвязывать Гаджу. Он уже вывел его из хлева, когда выскочил Габаль и, бросившись к буйволу, стал обнимать его, гладить его бока. Гаджу был уже намного выше своего маленького друга, и ручонка Габалья не могла дотянуться до его спины. Кося глазом на Габалья, он послушно наклонил шею, принимая ласку малыша.

— Они тебя убивать ведут, братец! — горько рыдал Габаль.

Слезы ребенка растрогали даже стражников.

— Да ты не плачь, мы не собираемся убивать его. Мы его к себе жить берем, — улыбаясь, сказал один из них.

— Обманиваешь!

— Сушая правда!

В душе ребенка затеплилась надежда.

— Правда? — спросил он, вытирая слезы.

— Конечно! Он немного поживет у нас, и мы его будем очень хорошо кормить.

— А когда ты приведешь его обратно? — спросил Габаль у отца, которому всегда так верил.

Хонсьяру ничего не ответил, словно и не слышал вопроса сына.

Габаль на прощание еще раз погладил буйвола, и отец двинулся со двора, ведя Гаджу на веревке.

А вечером друзья Габаля, деревенские ребята, прибежали с новостью:

— В Тихри нынче сам махараджа приехал. Дашахару здесь праздновать будет, жертву богине Дурге приносить. Вашего Гаджу туда повели. Теперь он уже не вернется назад... и не жди!..

Хонсьяру пришел из Тихри уже к ночи и печально сообщил жене, что за Гаджу ему дали всего лишь тридцать рупий.

— За одно масло выручили бы больше!.. — сердито заметила жена. — Не послушал меня тогда...

— Что делать? Ошибка вышла, — тяжело вздохнул Хонсьяру.

Забившись в уголок, Габаль размышлял: «Теперь, наверное, моему Гаджу разные сны снятся. Приходит к нему во сне какой-то человек и говорит, что поведут его завтра на убой и чтобы он, боже сохрани, не плакал и не убежал, а то богиня Дурга рассердится и плохо ему будет. Чтобы завтра, как только поднесут ему поднос с кашей из риса и гороха, он сразу же опустил голову, подставляя шею под шашку махараджи... Потом в храме будут поклоняться ему... нет, не ему, а богине Дурге... Ему-то ведь уже отрубят голову».

Габаль вздрогнул: отрубят голову! Голову, которую он обнимал еще утром, голову его Гаджу, его младшего брата...

Никто в доме в этот день не притронулся к пище.

Перед сном Габаль подошел к матери и, глядя куда-то в сторону, дрожащим голосом спросил:

— Мама, ты тогда ночью говорила, что Гаджу надо напоить простоквашей и он сам подохнет. Почему ты этого не сделала?.. Почему?..

— Как же сильно ты его любишь, сыночек! — глухо сказала мать и вдруг расплакалась; хотя к бедному буйволу она, собственно, не испытывала большой жалости.

ПИСАТЕЛИ ХИНДИ О ДЕТЯХ СВОЕЙ СТРАНЫ

По территории равняясь почти всей Западной Европе, а по населению уступая только одной стране — своему великому соседу Китаю, Индия могла бы называться континентом. Различные области этой великой страны, простирающейся от снежных пиков Гималаев на севере до мыса Коморин на юге, различаются не только климатическими условиями, но и языком, бытом, нравами тех народов, которые населяют их. «Индийцы» — это общее название всех многочисленных наций, народностей и племен, населяющих Индийскую Республику.

Основными из многочисленных живых языков современной Индии являются ассамский, бенгальский, гуджаратский, каннара, малаялам, маратхский, ория, пенджабский, тамильский, телугу, хинди и урду. На каждом из них имеется обширная литература. Следовательно, то, что обычно называют «индийской литературой», — это совокупность многих литератур.

В сборнике, который вы прочли, представлены рассказы лишь одной из литератур современной Индии — литературы хинди. Язык хинди — это один из группы родственных языков Северной Индии, на котором говорит до ста пятидесяти миллионов человек. Громадная территория, население которой говорит на хинди, охватывает большую часть Северной Индии: долину Ганга, Раджастан и Центральную Индию — от Гуджарата на западе до Бенгалии на востоке. Территория хинди — это область многих диалектов и говоров, которые весьма отличаются один от другого.

Хинди занимает особое положение среди остальных языков Индии: в 1950 году он провозглашен государственным языком Республики Индии.

Современный роман зародился в литературе хинди около восьмидесяти лет назад, а рассказ — еще позже, в начале XX столетия. Однако за полстолетие своего развития рассказ стал популярным жанром, давшим литературе хинди много писателей — мастеров короткого рассказа, имена которых известны не только индийскому читателю, но и за пределами Индии.

В Советском Союзе широко известно имя такого писателя литературы хинди, как Прем Чанд (1880—1936). Прем Чанд — это литературный псевдоним писателя, настоящее имя которого Дханпатра́й Шрива́став. Он родился в маленькой деревушке близ города Бенареса, в семье мелкого почтового чиновника. В раннем детстве Дханпатра́й лишился матери, а когда ему едва исполнилось пятнадцать лет, скончался его отец. Оставшись единственным кормильцем большой семьи, Дханпатра́й был вынужден искать работу. За несколько рупий в месяц он ежедневно отправлялся почти за десять километров давать частные уроки. Однако, несмотря на трудности, юноша не оставлял мысли о продолжении образования. С величайшим трудом ему удалось окончить учительский колледж. После этого в течение почти двадцати лет Прем Чанд работал учителем, а затем инспектором сельских школ.

Прем Чанд вместе с Джайшанка́ром Праса́дом и Ка́ушиком является основоположником жанра короткого рассказа и реалистического направления в литературе хинди.

Первые рассказы Прем Чанда появились в печати в 1916 году. Героем их всегда выступает простой человек — индийский труженик, жизнь которого бедна радостью, но богата горем и лишениями.

Прем Чанд — автор одиннадцати романов и около трехсот рассказов. Кроме того, он перевел на хинди многие произведения мировой литературы, в том числе более двадцати рассказов Л. Н. Толстого. Прем Чанд вообще проявлял глубокий интерес к русской литературе. Он хорошо знал и любил произведения Толстого, Чехова, Тургенева, Достоевского, Горького; на полках его библиотеки хранились «Тихий Дон» и «Поднятая целина» М. Шолохова.

Основной темой творчества Прем Чанда была жизнь

индийской деревни, темной, забитой, опутанной ростовщическими и феодальными путами, страдавшей в условиях английского колониального режима.

Однако Прем Чанд умел подмечать и светлые стороны в жизни своего народа. Дети Индии, которые вместе со взрослыми переносили многие тяготы и лишения, постоянно наблюдали тяжелую трудовую жизнь взрослых и стремились помочь им.

Этой теме посвящен теплый, проникновенный рассказ Прем Чанда «Праздник Ид».

Джайшанкар Прасад (1891—1937) — крупный поэт и автор многих исторических пьес, он внес значительный вклад и в прозаическую литературу хинди.

Прасад родился в Бенаресе, в семье богатого торговца, но, в двенадцать лет лишившись отца, был вынужден оставить школу, не закончив и семи классов. Правда, благодаря помощи старшего брата Прасад смог получить хорошее для своего времени домашнее образование, изучив английский и восточные языки и историю своей страны.

После смерти старшего брата все заботы о семье легли на плечи семнадцатилетнего Прасада. Началась полная лишений жизнь. Только незадолго до кончины, уже став знаменитым, Прасад смог выпутаться из долгов и достичь материального благополучия. Но силы его были уже подорваны.

Помимо стихов и исторических драм, Прасад написал три романа и много рассказов, объединенных в пяти сборниках.

Первые рассказы Прасада были опубликованы в 1911 году.

Творчество этого писателя всегда проникнуто идеями гуманизма, посвящено изображению духовной красоты простого человека.

В рассказе «Маленький фокусник» изображен мальчик, который вынужден стать уличным артистом. Сдерживая рыдания, он потешает зрителей, чтобы накормить умирающую мать... Писатель заканчивает рассказ, оставляя рыдающего мальчика у постели умирающей матери. Что ждет его впереди? Этот вопрос остается без ответа, но читателю ясно, что в колониальной Индии его могли ждать только тяжелый, оупляющий труд, голод и нищета.

Мадхуа, герой другого рассказа Прасада, мальчик-слуга, влачит полуголодное существование, терпит побои и оскорбления. За него некому заступиться. Поддержку и утешение совсем неожиданно он получает от человека, на которого богач-заминдар смотрит с презрением. Этот простой человек оказывается благороднее заминдара и его сына, обучающегося в колледже. Присутствие мальчика, в свою очередь, благотворно влияет на старого точильщика — он бросает пить и возвращается к честному труду.

Вишвамбхарнáтх Шáрма Кáушик (1891 — 1946) — известный писатель, современник Прем Чанда. Родившись в городе Амбала, в семье мелкого служащего, он с детства воспитывался в доме своего бездетного дяди, в городе Канпúре, где и прожил почти безвыездно до конца жизни. Каушик смог получить только среднее образование.

Первые рассказы Каушика появились в 1913 году. Всего им написано два романа и около двухсот рассказов. Являясь сторонником социального прогресса своей страны, Каушик примыкал к возглавлявшемуся Прем Чандом реалистическому направлению, однако, в отличие от Прем Чанда, в его произведениях основное внимание уделяется не социальным, а моральным проблемам.

Но Каушик, конечно, не мог равнодушно относиться к деспотизму, который царил в Индии. В рассказе «Сердце старого солдата» старый солдат Манохар Синх с оружием в руках встает на защиту своего достоинства, протестуя против произвола заминдара. На выручку старику приходит его юный друг Теджа. Смелый, честный мальчик отдает заминдару в качестве выкупа за дерево свое единственное сокровище — золотое кольцо, подарок бабушки, — и посрамленный заминдар вынужден оставить старика в покое.

Имя Судáршана после Прем Чанда относится к наиболее популярным в литературе хинди. Сударшан — это литературный псевдоним, настоящее имя писателя — Бадринáтх Бхáтта. Писатель родился в 1896 году, в Сял-кóте (штат Пенджаб), в обеспеченной семье и, в отличие от многих индийских писателей, мог получить высшее образование и степень бакалавра литературы. Появление в литературе хинди имени Сударшана относится к 1920 году. За годы творческой работы Сударшаном на-

писано более двухсот рассказов, объединенных в десяти сборниках. Он был первым писателем литературы хинди, который сделал героями своих произведений представителей рабочего класса. В последние годы Сударшан в основном работает над сценариями для кинофильмов.

Из того немногого, что написано им о детях или для детей, лучшим является его рассказ «Случай в детстве», который вместе с тем весьма показателен и для всего творчества писателя. В рассказах Сударшана всегда ставится какая-нибудь моральная проблема и подсказывается путь к ее решению. Писатель этим рассказом объясняет детям, как нехорошо воровать и говорить неправду, учит беречь родительскую любовь, в какой бы форме она ни проявлялась.

Прем Чанд всегда оказывал большую творческую поддержку молодым писателям, заботливо растил их. Благодаря его помощи сумели стать писателями Джайнэндра Кумар и Упендранатх Ашк.

Джайнендра Кумар — один из видных писателей современной Индии, основатель и ведущий представитель так называемого психологического направления в литературе хинди.

Джайнендра Кумар родился в 1905 году в Алигархе. После окончания средней школы он поступил в Бенаресский университет, закончить который ему, однако, не удалось.

В 1927 году был опубликован первый рассказ Джайнендры Кумара. Всего им написано восемь романов и около трехсот рассказов. Наибольший успех имели романы «Кальяни» (назван так по имени героини) и «Отставка», рисующие трагическую судьбу индийской женщины, безропотно принимающей удары судьбы.

Целиком поглощенный анализом внутреннего мира своих героев, занятый отвлеченными философскими и моральными проблемами, писатель равнодушен к социальным вопросам. Многие герои его произведений — изломанные, уставшие люди без цели в жизни, покорно склоняющие голову перед судьбой.

На формирование мировоззрения Джайнендры Кумара решающее влияние оказала философия гандизма с ее проповедью непротivления и ненасилия.

Даже в рассказах для детей Джайнендра не может

избежать излишнего психологизма. В рассказе «Воспитание» показан мальчик, который вдруг по неизвестным причинам отказывается принимать пищу, и ничто не может принудить его прикоснуться к еде. Причина такого странного поведения мальчика открывается, когда отец случайно заглядывает в тетрадь, в которую сын записывает понравившиеся ему изречения и цитаты из книг: оказывается, он начитался всяких религиозно-нравоучительных книг, проповедующих аскетизм и воздержание в качестве средства, исцеляющего от всяких болезней.

Конечно, как бы хочет сказать автор, литература имеет воспитательное значение, однако не всякая литература может направить на истинный путь.

Истинная дружба немыслима без взаимных уступок. Часто приходится серьезно поступаться своими интересами ради друга, тем более, если друг понес незаслуженную обиду, — такова идея рассказа «Игра».

В противоположность Джайнендре Кумару, выдающийся писатель и яркий критик и публицист Яшпал, родившийся в 1903 году в Фирозпуре, является беспощадным реалистом, ставящим глубокие социальные проблемы.

Мать Яшпала хотела сделать из сына религиозного проповедника, но юноша пошел по другому пути. Уже на студенческой скамье в Лахоре он активно участвует в движении сопротивления, возглавлявшемся Ганди. Однако очень скоро он освобождается от влияния гандизма с его проповедью ненасильственных методов борьбы и примыкает к революционной группе, которая стремилась бороться за независимость более радикальными методами.

С 1928 года в течение нескольких лет Яшпал был вынужден жить на нелегальном положении, скрываясь от полиции. В начале 1932 года он был схвачен и приговорен к четырнадцати годам тюремного заключения. Именно в тюрьме и были написаны первые его рассказы.

Познакомившись с марксизмом, Яшпал становится его горячим сторонником и пропагандистом. Яшпал — большой друг Советского Союза и трижды (в 1952, 1955 и 1958 годах) посетил нашу страну.

Яшпалом написано десять романов и около двухсот рассказов, объединенных в двенадцати сборниках.

В своих произведениях писатель не только нарисовал широкую картину безотрадной действительности капита-

листического мира, но и создал образ положительного героя, который сознательно борется за свои идеалы.

В рассказе «Матту и Малли» забияка брат всегда и все отнимает у сестры, хотя она старше и сильнее его. Нужно иметь в виду, что этот аллегорический рассказ был написан в 1937 году, когда английский империализм чувствовал себя в Индии еще весьма прочно. Колонизаторы не предполагали, конечно, что не пройдет и десяти лет, как под напором нарастающего национально-освободительного движения им придется предоставить Индии независимость. Положение Малли ассоциируется в сознании писателя с положением его родины — Индии, которая, в несколько раз превосходя Англию по территории и численности населения, все же является колонией этой страны. Острая публицистичность рассказа не снижает его художественных достоинств, наоборот — она делает его более выразительным.

Второй рассказ, написанный уже после получения независимости и раздела страны на Индию и Пакистан, поднимает иную тему, тему воспитания детей в семьях, которые принадлежат к различным религиозным общинам. Дети обеих семей вместе играют, вместе учатся, но постепенно строгие правила, предписанные религией, и предрассудки родителей неизбежно ставят перед малышами вопрос, почему их родители дома не общаются друг с другом. Очевидно, решают они, и их отношения примут такой же характер, когда они подрастут. А раз так, лучше им сейчас не играть в мирные игры. И вот дети отправляются на кухню за ножом. Мать, узнав, зачем они пришли, испуганно восклицает: «Ох, уж эти дети!», считая, видимо, что дети попали под чье-то дурное влияние и не догадываясь, что единственной причиной такого поведения являются религиозные предрассудки родителей.

Упендранáтх Ашк, родившийся в 1910 году, — видный писатель, драматург и поэт литературы хинди. Некоторое время Ашк работал учителем на своей родине, в Джалландхаре, затем редактировал газету в Лахоре. В 1933 году на языке хинди был напечатан первый рассказ Ашка, который получил одобрительный отзыв Прем Чанда.

Ашком написано пять романов, много одноактных пьес и стихов и более сотни рассказов.

Творчество писателя проникнуто идеями гуманизма и чувством протеста против насилия и несправедливости, которые приходится испытывать простым людям его страны.

Рассказ Ашка «Верблюжонок» получил в Индии такую высокую оценку, что ныне включается почти во все школьные хрестоматии.

В рассказе нет детских персонажей, но все его действие связано с именем маленькой Разии. Малышка Разия как бы незримо присутствует на всем протяжении рассказа, гневно обличающего всякий гнет и произвол.

Рамврикша Бенипури — известный писатель и поэт литературы хинди, родился в 1902 году. Закончив начальную школу в деревне Бенипур (штат Бихар), Рамврикша хотел продолжить учение, но в 1920 году он был исключен из школы накануне ее окончания за участие в освободительном движении. С этого времени начинается самостоятельная жизнь Бенипури. Первые его поэтические опыты относятся к этому же времени. В 1925 году выходит первый сборник стихов молодого поэта. К художественной прозе Бенипури обращается несколько позже, в 30-е годы.

Бенипури был активным участником национально-освободительного движения, неоднократно подвергался арестам и пробыл в тюрьме в общей сложности около десяти лет.

Ныне Бенипури является руководителем крестьянского движения в штате Бихар, заместителем председателя Всеиндийского крестьянского союза и одновременно редактором прогрессивного журнала «Новое течение».

Перу Бенипури принадлежит несколько романов, из которых наибольшую популярность завоевали «В стане поверженных» и «Жена заключенного», многочисленные рассказы, очерки, стихи и пьесы. Им издано также несколько сборников детских рассказов.

Произведения Бенипури, проникнутые чувством глубокого патриотизма и посвященные жизни простых людей Индии, воодушевляли народ на борьбу против гнета и несправедливости.

Рассказ Бенипури «Дэв» взят из серии портретов-очерков «Глиняные фигурки», написанных в 1940 — 1945 годах. Дэв — деревенский сорвиголова и самый смелый из

всех ребятишек. Подрастая, он проникается желанием сделать что то большое и значительное для своего народа. Его энергия, которая раньше тратилась на бесшабашные «подвиги», заставлявшие односельчан только безнадежно разводить руками, очень помогает участникам освободительного движения, и скоро имя Дэва — борца за независимость, становится широко известным. Простой народ уважает его и гордится им; полиция и заминдары ненавидят и боятся его. Из деревенского сорвиголовы Дэв становится несгибаемым борцом за свободу.

Бхаратия — псевдоним известного писателя хинди, настоящее имя которого Сатьядживан Вярма. Родился в 1899 году. Окончив Бенаресский университет и получив степень магистра, Сатьядживан Варма не сразу пришел в литературу, но его первые рассказы, опубликованные в 1933 году, привлекли к себе внимание читающей публики своим благородным гуманизмом и тонким психологизмом. В настоящее время Бхаратия является директором Академии Хиндустани, руководителем Союза писателей Аллахабада и редактором органа этого союза — газеты «Писатель».

За четверть века Бхаратия написал немного — всего несколько десятков рассказов, объединенных в пяти небольших сборниках, — однако все они отличаются высокими художественными достоинствами и глубоким проникновением во внутренний мир человека.

Рассказ «Мунмун» отличается тонким изображением детской психологии. Прем Чанд назвал его «мастерски написанной вещью».

Сиярамшаран Гупта (родился в 1895 году) — представитель старшего поколения писателей литературы хинди, брат национального поэта Индии Майтхилишарана Гупты.

Сиярамшаран Гупта широко известен в литературе хинди как поэт и романист. В прозе он начал писать с 1928 года. Им написано четыре романа, из которых роман «Женщина» считается одним из лучших в литературе хинди. Посвященные в основном изображению жизни индийской деревни, рассказы Гупты отличаются тонким психологизмом в изображении действующих лиц и пронизаны духом гуманизма и любви к простому человеку.

Рассказ «Бумажный змей», несмотря на его простой сюжет, ныне стал хрестоматийным. И это действительно один из лучших индийских рассказов о детях.

Бхагаватипрасад Ваджпéйи — известный писатель-прозаик старшего поколения литературы хинди. Он родился в Канпуре в 1899 году, сумел получить лишь среднее образование и работал учителем начальной школы в одной из деревень Северной Индии. Впоследствии Ваджпéйи перешел на работу в одну из публичных библиотек Канпура, и здесь в 1924 году началась его литературная деятельность.

Перу Ваджпéйи принадлежит десять романов и около трехсот рассказов, объединенных в двенадцати сборниках, однако лишь немногие его произведения, в основном короткие рассказы, завоевали всеобщее признание. Может быть, это происходит потому, что часто его произведения бывают излишне сентиментальны.

Рассказ «Продавец игрушек» очень характерен для творчества писателя.

Первые шаги в литературе писательницы Сатьявáти Мáлик (родилась в 1906 году) относятся к 1935 году. Но за четверть века она написала всего лишь несколько десятков рассказов. Ее рассказы отличаются тщательностью отделки, но тематика их ограничена узким кругом семейного быта. Характеры героев обычно выписаны несколько сентиментально. Эти черты ее творчества можно обнаружить в рассказе «Брат и сестра», сюжет которого, как вы видели, не отличается сложностью, но который учит детей дружбе и заботливому отношению к младшим.

Мóхан Рáкеш — наиболее популярный из писателей нового поколения, вошедших в литературу хинди накануне или после получения Индией независимости. Мохан Ракеш родился в 1925 году в Амритсáре. Оставшись в шестнадцать лет без отца, он с трудом закончил университет, а затем в поисках работы был вынужден кочевать из города в город.

В настоящее время Мохан Ракеш — преподаватель одного из колледжей в Джалландхаре.

Первые рассказы Ракеша были опубликованы в 1945 году и сразу же обратили на себя внимание читателей. До 1959 года вышло уже четыре сборника рассказов пи-

сателя, которые принесли ему широкую известность. Ракеш пробует свои силы также в области драматургии — он автор исторической пьесы, имевшей большой успех.

М. Ракеш выработал уже свой особый стиль, свой «почерк» в литературе, и рассказ «Пустяковое дело», посвященный изображению детской психологии в непривычных для ребенка условиях, характерен для творчества писателя.

Бхйшам Сахнй, прогрессивный писатель, представитель нового поколения в литературе хинди, родился в 1915 году в Равальпинди (Пенджаб). Вступление Сахни в литературу относится еще к 1940 году. Сахни не отличается плодovitостью, однако то немногое, что он создал — тщательно отделанные, написанные ярким, образным языком рассказы на социальные темы, — принесло ему известность и признание индийского читателя.

Рассказ «Капли крови», написанный уже после получения Индией независимости, с потрясающей силой рисует, как калечит и уродует людей частная собственность, являющаяся непреложным законом капиталистического общества. Перед нами трагическая картина: крестьянин ведет в сумасшедший дом мальчика-сироту, чтобы присвоить его клочок земли. Придя в ярость, крестьянин зверски избивает малыша, рассекает ему голову. Но вид крови пробуждает в нем человека, он раскаивается в своей бессмысленной жестокости.

Волчьи законы общества, где господствует частная собственность, морально уродуют людей — такова идея рассказа.

Сатъендра Шарат, молодой прогрессивный писатель литературы хинди, родился в 1929 году. Он прошел в юности трудную жизненную школу. Первые рассказы и драматические произведения Шарата появились в 1946 году. Все они, как и большинство рассказов писателей нового поколения, затрагивают социальные темы. Ну хорошо, как бы говорит писатель в своем рассказе «Рентгеновские лучи», мальчику по счастливой случайности встретился добрый человек, который уплатил за него, но что было бы, если бы этот человек не встретился, и что будет с ним, когда кончится срок, за который внесена плата?.. А ведь таких мальчиков, как Шастри, в Индии десятки тысяч.

Видьясагар Наутйял, родившийся в 1933 году, —

один из самых молодых представителей нового поколения писателей литературы хинди. Он начал писать еще на студенческой скамье в Бенаресском университете. Литературное рождение Наутияла относится к 1953 году. Выходец из горных областей Северной Индии, он во многих своих рассказах изображает жизнь тружеников этого сурового края. Рассказы Наутияла, написанные простым, но вместе с тем образным языком, поднимают серьезные проблемы современной Индии.

В рассказе «Буйволенок» социальные мотивы отодвинуты, казалось бы, на второй план, но они ясно ощущаются на протяжении всего повествования: родители Габаля так бедны, что с трудом могут позволить себе держать буйволенка, а отец мальчика почти за бесценок вынужден отдать заминдару с таким трудом выращенное животное, потому что крестьянин целиком зависит от своего господина.

Таким образом, в этом небольшом по объему сборнике представлена литература хинди с момента возникновения в ней жанра короткого рассказа и до наших дней, от Прем Чанда, Джайшанкара Прасада и Каушика до Сатьендры Шарата и Видьясагара Наутияла. Наряду с такими виднейшими писателями, как Сударшан, Дж. Кумар и Яшпал, здесь представлены и молодые писатели, писатели различных поколений, принадлежащие к различным направлениям, разные по методу изображения действительности, манере письма и тематике своих произведений, но объединенные одним общим стремлением — служить своей родине и ее народу.

В. Чернышев

СОДЕРЖАНИЕ

Э. Боровик. Предисловие	3
Прем Чанд.	
Праздник Ид. Перевод <i>В. Балина</i>	7
Джайшанкар Прасад.	
Маленький фокусник. Перевод <i>В. Чернышева</i>	23
Джайшанкар Прасад.	
Мадхуа. Перевод <i>В. Чернышева</i>	29
Вишвамбхарнатх Шарма Каушик.	
Сердце старого солдата. Перевод <i>В. Чернышева</i>	37
Сударшан.	
Случай в детстве. Перевод <i>В. Чернышева</i>	45
Джайнендра Кумар.	
Воспитание. Перевод <i>В. Выхухолева</i>	55
Джайнендра Кумар.	
Игра. Перевод <i>В. Выхухолева</i>	65
Яшпал.	
Матту и Малли. Перевод <i>Э. Боровика и В. Махотина</i>	71
Яшпал.	
«Ох, уж эти дети!» Перевод <i>Э. Боровика и В. Махотина</i>	75
Упендранатх Ашк.	
Верблюжонок. Перевод <i>В. Чернышева</i>	79
Рамарикша Бенипури.	
Дэв. Перевод <i>В. Чернышева</i>	89
Бхаратия.	
Мунмун. Перевод <i>В. Чернышева</i>	99
Сиярамшаран Гупта.	
Бумажный змей. Перевод <i>В. Чернышева</i>	107
Бхагаватипрасад Ваджпайи.	
Продавец игрушек. Перевод <i>В. Выхухолева</i>	111
Сатьявати Малик.	
Брат и сестра. Перевод <i>В. Чернышева</i>	119
Мохан Ракеш.	
Пустяковое дело. Перевод <i>В. Чернышева</i>	125
Бхишам Сахни.	
Капли крови. Перевод <i>В. Чернышева</i>	133
Сатьяendra Шарат.	
Рентгеновские лучи. Перевод <i>В. Чернышева</i>	141
Видьясагар Наутиял.	
Буйволенок. Перевод <i>В. Чернышева</i>	151
В. Чернышев. Писатели хинди о детях своей страны	163

ПРОЧТИ ЭТИ КНИГИ

Государственное издательство
ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Министерства просвещения РСФСР

Вышли в свет следующие произведения индийских писателей:

Рабиндранат Тагор. СВЕТ И ТЕНИ.
Рассказы. Перевод с бенгали

Прем Чанд. СКАЗАНИЕ О РАМЕ.
Пересказ для детей древнеиндийского эпоса

Прем Чанд. ЗМЕИНЫЙ КАМЕНЬ.
Рассказы. Перевод с хинди

ХИТОПАДЕША.
Пересказ для детей древнеиндийских притч

Мулк Радж Ананд. СЕМЬ ЛЕТ.
Повесть. Перевод с английского

Кхогендронатх Митро. БХОМБОЛ-ПРЕДВОДИТЕЛЬ.
Повесть. Перевод с бенгали

Кришан Чандар. ПЕРЕВЕРНУТОЕ ДЕРЕВО.
Повесть-сказка. Перевод с урду.
